

О П И С А Н І Е

в с ѣ х ъ,

о б и т а ю щ и х ъ

в ъ р о с с і й с к о м ъ г о с у д а р с т в ѣ ,

Н А Р О Д О В Ъ

и ихъ житнейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ,
жизни, Вѣроисповѣданій и прочихъ
достопамятностей.

Ч А С Т Ъ Т Р Е Т І Я

О Н А Р О Д А Х Ъ

С Е М О Я Д С К И Х Ъ , М А Н Д Ж У Р С К И Х Ъ

и в о с т о ч н ы х ъ с и б и р с к и х ъ

к а к ъ и о Ш а м а н с к о м ъ З а к о н ѣ .

Изданіемъ Книгопродавца Ивана Глазунова.

съ позволенія С. Пешербургской Цензуры.

В Ъ С А Н К Т Ъ - П Е Т Е Р Ъ У Р Г Ъ ,

при Императорской Академіи Наукъ, 1799 года.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Описанія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, описанныхъ въ ТРЕТІЕЙ
ЧАСТИ, съ показаніемъ, на которой страницѣ о коихоромъ
изъ нихъ писано.

	страниц.
I. О Семоядскихъ Народахъ во обще	1
II. О Семояди	4
III. О Коибалахъ	12
IV. О Саясахъ	15
V. О Машорахъ	16
VI. О Тубинцахъ	17
VII. О Камачиндахъ	18
VIII. О Каракассахъ	19
IX. О Народахъ не извѣстной или смѣшанной породы	21
X. О Енисейскихъ Ошякахъ	22
XI. Обѣ Аринцахъ	24
XII. Обѣ Азавахъ	26
XIII. О Кошовдахъ	27
XIV. О Манджурскихъ Народахъ во обще	29
XV. О Тунгузахъ	35
XVI. О Восточныхъ Сибирскихъ Народахъ во обще	52
XVII. О Юкагирахъ	54
XVIII. О Камчадалахъ	56
XIX. О Корякахъ	69
XX. О Чукчахъ	74
XXI. О Курильдахъ	78
XXII. О Восточныхъ Островскихъ жителяхъ	81
XXIII. О Шаманскомъ Языческомъ Законѣ	98

СЕМОЯДСКІЕ НАРОДЫ.

Кочующіе въ западной сторонѣ Уральскихъ горъ или прямые Россійскіе *Семояди* сдѣлались правда подданными уже Царю *Теоодору Ивановичу* въ 1525 году, и слѣдовательно за долго еще до покоренія въ седьмомъ надешать столѣтїи Сибирскихъ народовъ: по касающіяся до нихъ и до принадлежащихъ къ нимъ колѣнъ произшедшїя такъ, какъ и бышїя всѣхъ Сѣверовосточныхъ народовъ Россійскихъ, погружены въ неисповѣдимости. Семояди, кочуя въ самыхъ суровыхъ пустыняхъ, и при томъ не умѣя ни грамоти, ни счисленїю времени, знающъ обстояельства своего произхожденїя, единоплеменства, странствованїй и прочаго не больше, какъ сколько могутъ почерпнуть о томъ свѣденїя изъ изустныхъ преданїй, древнихъ пѣсенъ и сказокъ о своихъ богатыряхъ и предкахъ, та же о странахъ, горахъ, рѣкахъ и такъ далѣе, по близости кошорыхъ жили они въ шарыя времена: но таковое знанїе малымъ чемъ превозходитъ и совершенное невѣденїе.

Сами они наблюдаютъ правда между собою по поколѣнїямъ своимъ строгой союзъ, и рѣдко вступають съ чужими въ бракъ; да и по одни только женщины переходятъ въ другїя поколѣнья. Не меньше пристрасны они къ своему языку и къ прародительскимъ

обычаямъ. Но Россійскіе побѣдители обрѣли разныхъ сего племени народовъ отъ часши не въ старинныхъ уже ближе къ Югу лежащихъ мѣстахъ, кошорыхъ лишили ихъ Ташара въ чешвертомъ надесять столѣтіи, отъ часши же отщепившихся на побѣгъ отъ единоплеменныхъ своихъ колѣнъ; и при томъ нѣкошорые шокмо народы пребывали тогда въ настоящемъ своемъ состояніи. А какъ не старались народовъ сихъ и ихъ племенъ послѣ побѣдъ надлежащимъ порядкомъ различать; то названія многихъ отъ часши переломаны, отъ часши же своевольно выдуманы и даны. Ташара называли всѣхъ Сибирскихъ покоренныхъ народовъ *Уштяками*. У Россіянъ почти столь же обще употребляюся названія *Семоядъ* и *Отяки*. Извѣстные подъ симъ наименованіемъ народы сходствуютъ между собою отъ часши Сѣверныи только жилищами и великимъ единообразіемъ житейскихъ обрядовъ: напротивъ шого ни въ языкахъ ихъ, ни въ видѣ, ниже въ душевныхъ качествахъ и нравахъ нѣтъ ни какого сходства. А особливо многія Ошякскія колѣна называюся *Семоядью*, а Семоядскія *Отяками*, какъ отъ простыхъ людей, такъ и въ приказныхъ мѣстахъ. Жители *Тархан кой волости* на рѣкѣ *Обѣ*, по собственному ихъ преданію, Ташарской породы, и обитали прежде на Иршышъ неподалеку отъ устья Тбола: но по елику ихъ обрѣли между Семоядью, то и причислили ихъ къ оной. Въ большой половинѣ холодныхъ и непроходимыхъ пустынь сихъ народовъ никто еще изъ ученыхъ и пышавшей не бывалъ; и есть не мало такихъ колѣнъ, изъ коихъ видны въ ихъ предѣлахъ одинакіе только выходцы. Путешествующіе въ тамошнихъ мѣстахъ собиратели податей и надзиратели, думающъ сверхъ должнсти своей о шоргахъ и прибыли больше, нежели о приобретеніи нужныхъ свѣдѣній, и по привычкѣ едва и самыя странныя предметы кажутся имъ доспопаятными.

По моему намѣренію, которое клонится къ тому, чтобы описывать больше нынѣшнее состояніе обитающихъ въ Россіи народовъ, нежели древнія ихъ бытія, служатъ мнѣ вѣрнымъ руководствомъ шруды слѣвныхъ нашихъ Историковъ, а именно г. Сшашскаго Совѣтника *Миллера* Собранія Россійской исторіи, и г. Профессора *Фишера* Сибирская исторія, а особливо сообщенные мнѣ первымъ рукописные словари, собранные самимъ имъ у разныхъ народовъ. Судя по согласію различныхъ общаго языка нарѣчій, и по сходству вѣта и жиптія, должно почитать, кромѣ настоящихъ Семоядскихъ колѣнъ, нѣкошорыя къ Ошякамъ причисленныя поколѣнья ж

разныя небольшіе Красноярскіе ошашки народовъ, о коихъ упомянута въ описаніи Ташарскихъ народовъ, какъ шо, *Кобалъ*, *Маторовъ*, *Тубинцовъ*, *Каматинцовъ*, *Каракасовъ* и *Саятовъ*, единоплеменными *Семояди* по ихъ произхожденію. Вѣроятно кажешся, что они во время побѣга своей брашні въ склонившіяся больше на Сѣверъ пустыни, остались у побѣдоносныхъ Ташаръ въ ихъ жилищахъ, или сконились изъ спасавшихся бѣгшвомъ ошъ жестокошимъ Ташаръ.

С Е М О Я Д И.

Семояды называются сами *Нинегали* (людьми) и *Хозовами* (мужами). Если слово *Семояды* произведено отъ Финскаго языка, то происходитъ оно, можетъ быть, отъ *Самсанды*, названія Лопарской страны, или и отъ слова *Соома*, болоша, по тому, что въ пустыняхъ ихъ есть обширныя болоша. Въ старинныхъ Россійскихъ приказныхъ въдомостяхъ назывались они и *Сырождцами*. У *Отяковъ* называются они *Срунхо*, у *Тунгусовъ* *Джандаты*, и такъ далѣе.

Они живутъ около, да и на самыхъ берегахъ Ледовитаго моря, въ Европѣ отъ Бѣлаго моря или прямо отъ рѣки *Мезени* до Уральскихъ горъ, а въ Азш отъ сихъ горъ за рѣку *Енисею*, почти до самой Лены, въ Европейской Россш особенно, а въ Сибири отъ части по близости, а отъ части и обще съ Отяками. Жилища ихъ начинающа почти отъ 65 степеня Сѣверной широты. Мѣста ихъ болошны и гористы. Съ 67 степеня широты какъ по сему сосолнню землѣ, такъ по причинѣ великой снужи, деревья уже не росшуть, но видны одни шолько кустарники, да и тѣ чемъ далѣе къ Сѣверу, тѣмъ низменнѣе и рѣже стѣняются. На *Новой Землѣ*, супротивъ устья *Оби*, они правда не живутъ: но за *Енисеемъ* на *Востокѣ* простирающа обшасемые ими берега отъ части и до 75 степеня Сѣверной широты: по чему обширная ихъ обшасъ можетъ почестъся самою непроходимою, холодною, пустою и суровою частшю земнаго шара.

Они раздѣляются на поколѣнья, а сш на роды. Поколѣнья наблюдаютъ строго между собою союзъ, и съ другими колѣнами мало имѣють сообщенія, а отъ части между собою и не знакомы: по чему и нарѣчш общаго ихъ языка весьма несходны. Въ Россш кочуютъ *Алггское* и *Вайнотское* поколѣнья, кошорыя обще называются *Обвендырями*, и состоятъ между *Мезенью* и *Печорою*. слѣдовательно наиболѣе къ Западу; а около *Печоры* *Тихондыри*; также *Тусса-Илоган* и *Хуминги*, Рос. (*Карангаи*); въ Сибири живутъ *Тчарыги* вдоль береговъ морскаго *Вайгатскаго* пролива; около вершины *Оби*, между *Обью* и *Енисеемъ*, начиная отъ *Мангазеи*, еще многолюднѣйше *Юряки*; а между *Енисеемъ* и нижнею *Леною* не меньше людныя *Тавцы*. По послѣдней переписи въ *Архангелогородскомъ* нажѣсшнчесшвѣ находилось около 936 семей, кои сосшавляли 1349

душѣ мужскаго и 1415 женскаго пола. Семоядь вообще многолюднѣе Ошяковѣ, но такѣ же, какѣ и шѣ, разбѣяна по чрезвычайно обширнымѣ своимѣ землямѣ.

Семояди росту самаго меньшаго, и рѣдко бывающѣ ниже четырехѣ, а выше пяти футовѣ. Въ прочемѣ они коренасты; ноги и шея у нихѣ короткія, голова большая, лицо и носѣ нарочито плоскія, нижняя часть лица немало выдалась въ передѣ; ротѣ и уши большіе, глаза маленькіе черные, вѣки продолговатыя, губы шонкія, ноги маленькія, кожа смуглая; волосу кромѣ головы нигдѣ нѣтъ, какѣ по тому, что худо растутѣ, такѣ и для того, что оба пола съ молодости рачительно его выщеребливаютѣ; въ прочемѣ онѣ у всѣхѣ черной и жесткой. У мужчинѣ виденѣ на бородѣ одинѣ только пухѣ. *Женщины* ихѣ постатнѣе, ростомѣ ниже, и черты лица ихѣ понѣжнѣе, но такѣ же, какѣ и мужчины, не красивы. Груды у нихѣ маленькія и плоскія. Вопреки утвержденіямѣ нѣкоторыхѣ писателей носящѣ они плащаное, однакожѣ очищеніе бывающѣ очень малое. Дѣтей рожать начинаютѣ очень рано; нынѣ бывающѣ у нихѣ матерями на двенадцатомѣ и на тринадцатомѣ году; но они не очень плодородны и съ тридцатого году перестаютѣ уже рожать. Сіе самое состояніе женскаго пола и суровый поясѣ ихѣ спраны конечно причиною и тому, что они малорослы и худо размножаются; ибо ни что другое приращенію ихѣ не препятствуетѣ. Обыкновеннѣйшія у нихѣ болѣзни бывающѣ горячка и лихорадка, которыя хопя и много между ими свирѣпствуютѣ, однакожѣ мало опѣ нихѣ умираютѣ. Цынга имѣ совсѣмѣ не извѣстна. Они доживаютѣ до 60 и до 70 лѣтъ, но далѣе того весьма рѣдко.

Семояди отважнѣе, дичае, и не столько благонравны и послушны, какѣ привыкшіе больше къ Россіянамѣ Ошяки; при томѣ они суевѣрны, не чужды природныхѣ дарованій, ни къ воровству, ни къ убійствамѣ, ни къ мщенію не склонны, и ни къ чему не приспособны ни мало. Многіе, а особливо изѣ женщинѣ, чрезвычайно *лузглывы*. Когда такіе люди испугаются, или нечаянно увидятѣ что спранные, и такѣ далѣе, то бывающѣ такѣ, какѣ и Лопарскія женщины, внѣ себя, и приходятѣ паки въ чувствіе нескоро и при великой слабости. Иные не могутѣ терпѣть свисту, нечаяннаго къ нимѣ прикосновенія, да и самаго малаго шуму или стуку: и опѣ того спановятся бѣшены. Сіе свойственно имѣ обще съ Ошяками, Тунгузами, Якутами и всѣми въ ближайшихѣ къ Сѣверу мѣстахѣ живущими народами: по чему и надобно искасть тому при-

чины въ иѣстоположеніи и суетѣрныхъ сшрашилщахъ, которыи пугають ихъ съ самаго младенчества.

Междоусобное ихъ устройство было и есть нарочито еще старинное. У нихъ не бывало никогда Князьковъ, владѣльцовъ или иныхъ какихъ судей, кромѣ старшинъ надъ поколѣнныи. Память нѣкошорыхъ богашырей, оказавшихъ мужество свое почти на одномъ шолько звѣринонъ промыслѣ, также семьянистныхъ родоначалныковъ и славныхъ волшебныковъ, соблюдають они въ сказкахъ своихъ и пѣсняхъ. По покореніи ихъ Россійской державѣ, построены въ округахъ ихъ ошъ части для усмиренія, а ошъ части и для собиранія подаши, нѣсколькo ошротовъ; на что они сперва и негодовали. Но они давно уже успокоились, и *подашь*, которой раздѣленіе представлено имъ на волю ошъ *ПЕТРА Великаго*, платяшь по привычкѣ, хоша и безъ всякихъ другихъ доказательствъ своего подданства, однакожъ безъ ропшанія и супротивленія, добровольно въ опредѣленныхъ ошдаточныхъ мѣстахъ. Подашь же сія состоятъ на каждую мужескаго пола душу въ разной мягкой рухляди, соболяхъ, лисащахъ и проч. и очень мало приноситъ казнъ прибыли, по шому что Россійское правительштво ошнюдь подданныхъ своихъ не ошягощаешъ великими взысканіяи.

Кочуа безопасно въ своихъ пустыняхъ, *не думаютъ* они ни о *счисленіи времени*, ни о *грамоти*, ниже объ *цвѣти*. Лунныя теченія называютъ они, по примѣру Ошяковъ, по ешественнымъ явленіяиъ и ошносящимся къ онымъ ихъ упражненіяиъ. У нѣкошорыхъ Семоядскихъ поколѣнній ешть шакъ, какъ и у иныхъ Ошякскихъ, шакое обыкновеніе, что условаясь между собою о чемъ ни будь, выжигаютъ у себя на рукахъ въ знакъ вѣрнаго исполненія обѣщанія, нѣкошорыя изображенія или клейма. При клятвѣ или присягѣ спановаятся они на снѣгъ, и клянущся, что бы имъ растаяшь подобно снѣгу, ештли они говорятъ не правду.

Зимнія свои жилины, которыя по двѣ и по шри, а больше рѣдко, стоятъ вмѣстѣ, вырываютъ многія какъ и Ошяки, до половины въ землѣ; поверхъ же яины составляютъ наискось жерди и покрываютъ ихъ оленьими кожаи или берестюю. *Лѣтомъ* кочуютъ они шо у шой, шо у другой рѣки или озера, и спавятъ въ шакowychъ мѣстахъ шиловапыя жердчатыя юршы, подобныя Тунгузскимъ, и покрываютъ ихъ шакъ же, какъ и зимнія жилища. При перекочовкѣ не прогають они съ мѣстъ юршныхъ подпоръ, какъ и Тунгузы, а беруть съ собою одни шолькo крышки. Многіе изъ нихъ живуть

въ юртахъ, подобныхъ шалашамъ или полашкамъ. Они любятъ жить въ чистыхъ равнинахъ, которые по большой части у нихъ сундристы, и не часто перебираются съ одного мѣста на другое.

Домашній скарбъ у нихъ таковъ же, какъ и у Остяковъ, и состоитъ больше изъ въ чемъ, какъ въ щепяной посудѣ, коплахъ, ножахъ, шопорахъ и саняхъ, которые у нихъ называются Наршами; такъ же коринахъ, и кожаныхъ мѣшкахъ. При перекочовкѣ употребляютъ они узкія санки, въ которыя впрягаютъ оленей, или, какъ то дѣлаютъ особливо ближе къ Восшоку живущіе, собакъ, либо и сами ихъ везутъ.

Промыслы ихъ состоятъ въ звѣриной и рыбной ловлѣ, да въ содержаніи оленей. Звѣриная и рыбная ловля могутъ почестъ общими упражненіями и главнѣйшими опраслами пропитанія. Ради *звѣринаго промысла* кочуютъ они и зимою. *Турьги* перебираются по льду небольшими артелями черезъ морской Вайгашской проливъ, для звѣринаго промысла на необитаемомъ и самую Семоядь острова *Новой земли*. Въ странахъ ихъ водятся наибольше и къ наибольшей ихъ пользѣ *дикіе олени*, которыми они наипаче питаются, кожами ихъ одѣваются, покрываютъ свои юрты, спятъ на оныхъ, и такъ даде. Изъ прочихъ же звѣрей Сибирскихъ и Россійскихъ водятся у нихъ наибольше бѣлая и черная лисицы, бѣлые медвѣди и нѣкоторыя другіе. Когда они, будучи на звѣриномъ промыслѣ, далеко ошъ мѣстъ своихъ отходятъ; шо дѣлаютъ на снѣгу или на пескѣ въ разныхъ мѣстахъ помѣтки; и всякъ употребляетъ непременно свою особливую, какъ будто заручительное клеймо: по чему семейство его удобно можеть за нимъ слѣдовать и его отъискывать. На звѣриномъ промыслѣ употребляютъ они силки, ловушки, лукъ, снѣзлы, рогатины и гончихъ собакъ, кои хотя и не велики, но весьма сильны. Звѣроловныя хитроссти производятъ весьма проворно и рачительно.

Сколь прилжно упражняются они въ вообще зичю въ звѣриномъ промыслѣ, столь рачительно производятъ и лѣтомъ *рыбную ловлю*. Они не меньше Остяковъ въ шомъ искусы и заимствуютъ ошъ сего промысла для нуждъ своихъ всякія выгоды.

Семояди вообще скудны: однакожъ почти у всякаго естъ по 20, или 50, а у иныхъ по 100, и по 500 смирныхъ оленей; а у нѣкоторыхъ и до 2000; сіи олени полагаются Россіанами цѣною отъ 5 до 10 рублей. Они ѣздитъ на нихъ верхомъ и впрягаютъ ихъ въ свои санки; ѣдитъ же только издохшихъ или изувѣченныхъ

однакожь убиваютъ иногда для жертвоприношенія и здоровыхъ. Молока ни въ пищу, ни на сыръ не употребляютъ: по чему и скотъ у нихъ приращается.

Женщины утрачиваются по примѣру Остячекъ и другихъ сосѣдственныхъ народовъ въ шитьѣ одѣянїя, въ выдѣлкѣ кожъ, въ сушенїи рыбы и во всемъ прочемъ до хозяйства ихъ касающемся. Гдѣ рослетъ кропива, тамъ прядутъ они ее такъ, какъ Башкирки и другїя, но не для шканья, а употребляютъ пряжу свою единственно на нишки, сѣши и веревки.

Всякихъ звѣрей, птицъ и рыбъ, кромѣ собакъ, кошекъ, горностаевъ, бѣлокъ и змѣй, ѣдятъ, не разбирая, дома ли или на звѣриной ловлѣ убиши, либо околѣли ошъ какой ни есть болѣзни или порчи. Когда найдутъ на берегу своемъ мертвато киша, то почищаютъ сіе благодатью и благодарятъ за оную своихъ боговъ, по шому, что многіе люди питаются онымъ нѣсколко дней во изобилїи. *Пищу готовятъ* столь же просто и неопратно, какъ и Остяки. Чешыре, пшъ и больше семей варятъ нерѣдко въ одномъ котлѣ, и при шомъ ни когда его не чистятъ. Хлѣбъ вовсе имъ незнакомъ; да и дикихъ кореньевъ и плодовъ ѣдятъ мало: по чему мясо и рыба служатъ имъ вседневною и непремѣнною пищею. Соли не употребляютъ, и варятъ все просто въ водѣ. Не только на звѣриномъ промыслѣ, но часто и дома, ядятъ мясо какъ оленье, такъ и другихъ звѣрей, да и рыбы, сырые; а особливо парная кровь звѣрей почищается у нихъ лакомствомъ. Сушеной на солнцѣ рыбы ни когда не варятъ; но въ запасъ заготовляютъ себѣ или мерзлую или сушеную. Они любятъ веселость ошъ *цловенїя* производящую, и по шому курятъ чрезвычайно много табаку, ѣдятъ по примѣру Остяковъ и другихъ народовъ мухоморы, а шѣ, которые могутъ посѣщать Россійскїя селенїя, вымѣниваютъ на мятку рухлядь и вино. Обыкновенное ихъ пишье вода. Вообще живутъ они ни мало не опрятнѣе и не лучше Остяковъ; шокмо сіе у Семояди не столько приятно по шому, что они повеселѣе и чаще переселяются на другїя мѣста.

Семоядское *одѣянїе* въ разныхъ ихъ поколѣнїяхъ не очень опрятно, и весьма походитъ на Остякское, а ошъ части и на Якушское. *Зимнее одѣянїе* дѣлается обыкновенно изъ оленьихъ, лисьихъ и другихъ кожъ, опускается по большой части волосатымъ собачьимъ или волчьимъ брюшатымъ мѣхомъ, ошъ части и изъ подбрюшинъ гадаръ и другихъ водяныхъ птицъ; всегда одно на другое

Самоедъ
Ein Samojede
Un Sambiede

Самоядка спереди.
Eine Samojedin vordwärts.
Femme Samojede par devant.

надѣвается, волосомъ или перьями у исподняго плащя внутри, а у верхняго на ружу, и подпоясывается около тѣла поясомъ. Перьяныя одежи такъ, какъ у нѣкошорыхъ и кожаныя, окладываются часто по Якушскому обыкновению въ мѣсто бахромки крашенымъ долгимъ волосомъ, которымъ украшаются такъ же и швы. Полы простираются до самыхъ икръ, а у нѣкошорыхъ только по колѣна. Ременной поясъ съ мѣднымъ наборомъ почитается у нихъ щегольствомъ. Шшаны носятъ весьма короткія и узкія. Къ нимъ прикрѣпляютъ подвязками долгие сапоги, которые дѣлаются на зиму изъ оленьихъ кожъ. Многіе дѣлаютъ шшаны и сапоги изъ одного покрою, разпещряютъ тѣ и другіе полосами изъ лисьяго или инаго какого мѣху, и укрѣпляютъ ихъ подъ колѣнками подвязочными ремешками, которые Западные или Архангелогородскіе Семояди застегиваютъ видными изъ города Архангельскаго получаемыми пряжками. Бѣлья у нихъ вовсе нѣтъ, но носятъ одѣяніе на голомъ тѣлѣ. *Летняя одежда* шьется изъ рыбьихъ шкурокъ, которыя такъ, какъ и мягкую рухлядь, искусно женщины у нихъ выдѣлываютъ; въпереди не сходитъ, и по большой части на Якушской образецъ, по есшъ короткополая; по краямъ и швамъ нѣрѣдко разпещряется узорчатымъ шитьемъ и опускается. Лѣтомъ ничего на голову не надѣваютъ; зимою же носятъ шапки изъ звѣриныхъ кожъ, которыя иногда такъ, какъ у Ошяковъ, прикрѣплены бывають и къ одежѣ.

Женское одѣяніе столь мало разнится отъ мужскаго, что не всегда можно ихъ и разпознавать, а особливо по тому, что много есть у нихъ и голобородыхъ мужчинъ. Однакожъ оно вообще чище, красивѣе и витѣе. Обыкновенно украшается оно спроченыемъ и недурными вичурами, которыя нашиваются звѣриными жилами; также куньими, собольими и изъ бѣлыхъ лисьихъ мѣховъ опушками, такъ какъ и бахрамою изъ долгихъ волосъ. Часто выкладываютъ они одежду свою по краямъ и на рукавахъ суконными полосками, высокихъ или яркихъ цвѣповъ, въ большой перспѣ шириною, также бисеромъ и брякушками. Шшаны носятъ обыкновенно кожаныя; прикрѣпляемые къ нимъ чулки дѣлаются изъ рыбьихъ, а на зиму изъ звѣриныхъ кожъ. *Бабы* заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя черезъ плечи простираются вдоль груди; *дѣвки же* носятъ по три косы, висящія по спинѣ. По елику они носятъ одѣяніе не покупное, но собственнаго своего рукодѣля, шо дѣвки ходятъ не только не хуже, но по большой части еще и лучше бабъ. Лѣтомъ ничего на голову не надѣваютъ; зимою же покрываютъ оную черны-

ни или иными какими теплыми шапками, кошорья подвязывающѣ подѣ подбородкомѣ.

Они берутѣ за себя столько женѣ, сколько купишь можешѣ, и дающѣ за каждую ошѣ пяти до двадцати оленей. Больше такихѣ, кошорые имѣютѣ по одной женѣ; но у нѣкоторыхѣ естѣ и двѣ, а у иныхѣ и три: по чему многіе бѣдняки оспаюшя холостыи или принуждены бывающѣ брашь тѣхѣ, на кошорыхѣ никто и не глядишѣ. Не хошя женишья на роднѣ, ищущѣ всѣ себѣ невѣсшѣ въ другихѣ поколѣньяхѣ. По уплатѣ выкупу, привязывается крайнѣ сопроти-вляющаяся невѣста кѣ санямѣ и отвозишя кѣ жениху въ юрту. Произходящіе шумѣ свадебные обряды сходны сѣ Омякскими; да и самую сохранноснѣ и нецѣломудріе такимѣ же порядкомѣ награждающѣ они и наказывающѣ. Мужѣ называетѣ жену *Ну*, (хозяйка!) а жена мужа *Хозова*, (хозяйин!). Жены родяшѣ чрезвычайно легко, и безѣ всякихѣ почти мученій и припадковѣ. А какѣ скоро роды спанущѣ хошя нѣсколько шжелы, то начинающѣ подозрѣвашѣ на нихѣ въ побочномѣ сошнѣ сѣ другими мужчинами: по чему и старающя принудить ихѣ при такихѣ обстояельствахѣ кѣ признанію, дабы соблазнительей, кошорыхѣ оправданія совсемѣ не принимающя, принудить послѣ кѣ удовлетворенію, хошя въ прочемѣ и бездѣльному. Браки ихѣ и уничтожающя очень легко и скоро; Естѣли мужѣ оставишѣ свою жену, то и выкупѣ за нее пропадешѣ; но естѣли жена оставишѣ своего мужа, то шребуешѣ онѣ сго себѣ обратнѣ. Разошедшися можешѣ опять женишья другѣ на другѣ; но только въ такомѣ случаѣ плашяшѣ уже за такуюю жену, гораздо дешевѣ, нежели за вдову или дѣвку. Какѣ снѣ, такѣ и прочіе договоры совершающя у нихѣ на словахѣ и бишьемѣ по рукамѣ.

Женской лодѣ по Семейдскому разсужденію *негистѣ*: по чему и поступающѣ они сѣ нимѣ презрительно, а ошѣ части и безчеловѣчно. Жены прешерѣвающѣ жестокость снѣ больше, нежели дочери, въ пользу кошорыхѣ возпламеняешя родишельская любовь: по чему и упорство ихѣ при выдаваніи ихѣ за мужѣ не всегда бываетѣ пришворное. Пока жены родяшѣ еще дѣшей, до тѣхѣ порѣ все можешѣ надѣяшяся на пощадѣ, кошорая сѣ приращеніемѣ ихѣ старости все пропадешѣ. Они отнюдѣ не снѣюшѣ вмѣстѣ ѣсшѣ сѣ своими мужьями, но пишашяшѣ шолько тѣмѣ, что послѣ ихѣ останешя. Въ юртѣ должны они сидѣшѣ всегда на своей сторонѣ, и шакѣ же, какѣ и Буряшки, никогда не ходяшѣ около огня, кошорому при-

Самоедка въ лѣтнемъ платьѣ.
Eine Samojedin im Sommer-Kleid.
Femme Samojede en habit d'été.

своятся святость; да сверхъ того мѣша, на которыхъ сидѣли они въ юршѣ или въ саняхъ, и вещи, кои они упошребляли, такъ какъ и самихъ себя должны они окуривашь надъ подоженнымъ оленьимъ волосомъ. Во время перекочовки не должно имъ переходить чрезъ слѣды человѣка или оленя, но надобно оставаться на одной сторонѣ; при укладкѣ вещей въ сани и выкладкѣ изъ оныхъ не дозволено имъ ходить около оныхъ, но надлежитъ пролѣзашь въ оныя промежъ жердей. Много есть у нихъ и другихъ симъ подобныхъ суевѣрныхъ нелѣпостей. А особливо поступаютъ они съ женами своими крайнѣ презрительно во время мѣсячнаго ихъ очищенія и первая восемь недѣль послѣ родовъ. Тогда не смѣютъ они ни къ вѣствѣ прикасаться, ниже мужьямъ что ни есть подавать; не дѣлать убитой недавно живности, и такъ далѣе. Сие ошужденіе оканчивается торжественнымъ окуриваніемъ надъ подоженнымъ оленьимъ волосомъ.

Покойниковъ хоронятъ тамъ, гдѣ кто умретъ. Они надѣваютъ на умершаго самое лучшее платье, завертываютъ его въ оленью кожу, выносятъ изъ юрты не дверями, но въ боковой ходъ, и зарываютъ въ весьма мѣлкой могилѣ, которую при недостаткѣ нужныхъ къ тому орудій немалого труда стоить имъ вырыть въ мерзлой и каменной землѣ: по чему зимою зарываютъ иные покойниковъ только въ снѣгъ, а хоронятъ лѣтомъ; но лисицы и другіе хищные звѣри избавляютъ ихъ нерѣдко отъ сего труда. Въ могилѣ опрокидаютъ надъ покойниковою головою кошель, да сверхъ того кладутъ туда же ему про запасъ и другой домашній скрабъ, а особливо лукъ и стрѣлы. Послѣ погребенія укрощаетъ волшебникъ изшедшаго изъ покойника духа, дабы онъ не беспокоилъ живыхъ, не лишалъ бы ихъ самыхъ лучшихъ добычъ, и такъ далѣе. Въ заключеніи убивается при могилѣ олень въ жершву, которая тушъ же и сѣдается. Зажирочные возобновляютъ сей обрядъ и нѣсколько кратъ. Поминаніе имени умершаго не служатъ у нихъ ни къ чему больше, какъ только къ обезпокоиванію онаго: и по тому говорящъ они объ умершихъ всегда обиняками и вскорѣ предають ихъ забвенію.

Вѣра ихъ Языческая по Шаманскому шолкованію. Они вѣруютъ въ Бога (Самъ: Нумъ), которой все создалъ и не можетъ быть изображенъ ни въ какомъ видѣ; а между шѣмъ имѣютъ многихъ полубоговъ, которые смотря по обстоятельствамъ, дѣлаютъ людемъ добро и зло. Сихъ изображаютъ они куклами человѣческаго вида, съ

сиями полубогами ииѣють сношеніе ихъ священнослужители, (Ташибъ) и призывають ихъ по Шаманскому обычаю спуча въ волшебной барабанъ, умилостивляють ихъ жертвами и подарками, спрашиваютъ у нихъ о будущемъ, получаютъ чрезъ нихъ искусство лѣчить больныхъ, и пр. Сіи священнослужители отъ Семоядовъ уважаются очень много, не смотря на всю ихъ о самихъ себѣ безпристрашность.

Народъ сей раздѣляется на пятнадцать колѣнъ, которыя одна-кожъ всё совокупно по шрешей переписи плащяшъ подушной окладъ только за 402 души, и слѣдовательно могутъ почесъся малымъ ошашкомъ прежней сильной орды. Они живутъ въ верху Енисея, за Абаканомъ по обѣ стороны Енисея, не подалеку отъ Саянскихъ горъ въ Красноярскомъ уѣздѣ.

Разположеніе лица ихъ походитъ больше на Семоядское, нежели на Ташарское. *Языкъ ихъ* есть такъ же смѣшанное со многими Ташарскими словами Семоядское нарѣчіе.

Они упражняются больше въ *скотоводствѣ* и кочуютъ въ подвижныхъ юртахъ. У иныхъ водятся лошадей по спу, по столько же рогатаго скота, по знашѣйшему числу овецъ, и по нѣскольку верблюдовъ. Овцы ихъ породы широкохвостой; однакожъ у нихъ небольшіе только саломъ оплывшіе хвосты. Скотъ принужденъ самъ себя отыскивать кормъ и зимою: но они пособляютъ нѣсколько слабой скотинѣ шѣмъ, что кучи сѣна, чечалками (*) сносимыя, берутъ въ юрты, и шѣмъ ее кормятъ. Многіе, да и большая половина, послѣдуя Рускимъ людямъ, пашутъ немного земли и умѣютъ при помѣ употребляетъ Рускую соху. Нѣкоторые изъ такихъ землепашцовъ построили себѣ и деревянныя хижины; у шаковыхъ водятся и куры, хошя въ прочемъ кочевые народы дворовой сей птицы и никогда не держатъ. *Захриплой промыселъ* всё любяшъ; а онъ и нарочито прибыточенъ въ ихъ странѣ.

Въ разсужденіи *домашняго скарбу, оаѣяннѣ, лищи и нравовъ* мало разнятся они отъ Красноярскихъ Ташаръ, ниже и по близости которыхъ они живутъ. Веревки и канаты, на укрѣпленіе юртъ и на другія надобности, дѣлаютъ они изъ дикаго льну и кропивы. Коибалки носятъ косы и шапки по примѣру Моголокъ, о кошорыхъ буду говорить послѣ.

Бабы родятъ стоя на колѣняхъ, и при томъ такъ легко, что въ чешвершой день принимаются уже и за обыкновенныя свѣдѣла.

Коибалы содержали прежде языческой законъ по Шаманскому полкованію; но *нынѣ* всё уже *крещены*; да и отъ языческаго своего суевѣрія отъ часу больше уклоняются. Они хоронятъ шерсть

(*) *Lepus alpinus. Pallas.*

всѣхъ покойниковъ въ земля; въ прежнія же времена погребали только взрослыхъ людей, а дѣшей ставили, по Белырскому обыкновению, для испашня на дерева. Роженицы почищаются и нынѣ еще четырнадцать дней нечислыми, и очищаются отъ сего оскверненія мышьяемъ и окуриваніемъ себя вренемъ (*).

(*). Sabina.

Сяты называются такъ же *Сүютали* и *Соютами*; они живутъ на вышнихъ Саянскихъ горахъ на Югозападномъ концѣ Байкала у Монгальскихъ границъ, а отъ части и за оными на Кишайскихъ земляхъ: по чему они намъ и не всѣ извѣстны. Число плывающихъ Россіи данъ почти соотвѣтствуетъ количеству Коибалъ.

Единоплеменство Саятъ съ Семоядью доказывается ихъ *видомъ, языкомъ* и *житейскими обрядами*; но при томъ вѣроятно кажется, что они принадлежатъ и къ Тубинцамъ, у которыхъ во время завоеванія Сибири былъ храбрый Князекъ, по имени *Соитъ*, кошорымъ самимъ, или можеть бытъ и преемниками его, заведены они далѣе въ горы, и по предводительъ своемъ назвали себя *Саятами*.

Какъ Россійскіе, такъ и Кишайскіе Саяты, бѣдны и *козютъ* въ худыхъ берестю покрытыхъ лѣшнихъ юртахъ въ пустыхъ горахъ, и отъ части держатъ по немногу оленей, большая же половина никакихъ живогныхъ, кромѣ собакъ, у себя не имѣетъ, и живетъ бѣдно и неопрятно, получая пропитаніе отъ одной звѣриной и рыбной ловли, и нѣкоторыхъ дикихъ кореньевъ.

Законовъ содержитъ всѣ *языгеской* по *Шаманскому толкованію*. Въ *одѣянн* же, *обрядахъ* и *кравгахъ* ни мало не разнятся отъ *Камбалъ* и *Маторовъ*: по чему здѣсь на нихъ и ссылаюсь.

Маторы называются сани *Матами* и *Маторъ-Аймаками*. По завоеваніи Сибири Россіянами, обрѣнены они въ нынѣшней своей области, то есть неподалеку отъ Саянскихъ горъ, на правой сторонѣ Енисея, выше Абаканскаго острога на рѣкѣ Тубѣ. Тогда подвластны они были Хану Золотой Орды; Россіи же начали плащись дань въ 1609 году. Въ послѣдующія времена бывали они въ подданствѣ то у Киргизцовъ, то у Соонгаръ. Какъ по сему обстоятельству, такъ и чрезъ сопрясаніе съ себя чужой власи совсемъ почти перевелось ихъ колѣно, которое уже и въ началѣ 17 столѣтія было слабое. При бывшей въ 1760 году переписи, положено ихъ въ подушной окладъ только 30 душъ, да и сихъ испробила оспа такъ, что въ 1772 году считалось только десять семей въ осмашкѣ. Сія остальные пребываютъ между собою въ союзѣ, хоша и разсѣянно живутъ. *Саятамъ* они въ разсужденіи языка, вида, древнихъ обрядовъ, житія и идолослуженія такъ подобны, что какъ самихъ ихъ, такъ и ихъ почитаютъ Семейскаго колѣна осмашкомъ, къ роду Саятъ принадлежащивъ.

Скотоводцы они бѣдные; а въ землешествѣ и вовсе не упражняются. Подвижныя свои юрты, составляемыя изъ жердей, кошоры ставящя наискось, покрываютъ берестюю, свержъ кошорой кладуть зимою увядшую траву. Входъ въ юрты должно дѣлать всегда, по старинному обыкновенію, въ Восточной сторонѣ.

Скуднымъ своимъ скотоводствомъ ни какъ они прокормиться не могутъ, но заимствуютъ больше пропитаніе отъ звѣриной ловли. Въ лѣтнее время ѣдятъ по большей части Сарану и другія Сибирскими Ташарани употребляемыя дикія коренья.

Съ лишкомъ за тридцать уже лѣтъ всѣ они *крещены*. Будучи еще язычниками увязывали они, какъ и Белшыри, покойниковъ своихъ промежъ досокъ и клали ихъ для исслѣвія на дерева.

ТУВИНЦЫ.

Тувинцы, до завоеванія Россіянами Сибири, составляли многочисленное и храброе Семейское колено, жившее на Восточной стороне Енисея около рѣки Тубы, по которой оно и называлось своимъ именемъ. Но оно во время войны ошѣ частью истреблено, а ошѣ частью разсѣялось не только по другимъ Семейскимъ, но и по Ташарскимъ народамъ. Между Качинскими Ташарами есть и нынѣ еще одинъ *Тувинскій родъ* или Айнакъ: но онѣ малолюднѣ, и хотя наблюдають между собою союзъ, однакожѣ нынѣ ни языковъ, ни житіемъ, ниже инымъ чемъ ошѣ Качинцовъ не ошѣвненъ: по чему здѣсь на нихъ и ссылаюсь.

КАМАЧИНЦЫ.

Народъ сей называется и *Камагачинцы*. Когда они въ 1629 году начали плашшь Россіи податъ; шо кочевали между рѣками Канюю и Манюю, изъ коихъ какъ одна, такъ и другая впадаютъ въ Красноярскомъ уѣздѣ въ рѣку Енисей съ правой стороны. Вѣроятно кажется, что наименованіе ихъ составлено изъ названій обѣихъ оныхъ рѣкъ. Нынѣ же живутъ они неподалеку отъ остроговъ, Абаканскаго при Енисеѣ, и Канскаго при рѣкѣ Канѣ. Въ шо время, какъ покорены они Россійской державѣ, были они шолько малолюдный народъ, или лучше сказать остатокъ онаго.

Теперь они не шолько людны, какъ *Коубалы* которыми они совершенно подобны въ разсужденіи вида, языка, одѣянія, обрядовъ и гнуснаго житія: по чему на нихъ и ссылаюсь. Законъ содержитъ еще *языческой по Шаманскому толкованію*, и оказываютъ великое почщеніе и повиновеніе своимъ идолослужителямъ и волшебникамъ (Канѣ).

Каракасы принадлежатъ къ небольшимъ ошаткамъ Красноярскихъ народовъ Семоядскаго племени. Стануть вежешъ, что они во время воинственныхъ безпокойствъ собрались изъ бѣглецовъ; по крайней мѣрѣ не упоминается объ нихъ съ уваженіемъ въ исторіи о завоеваніи Сибири. Нынѣ платятъ сіе поколѣніе подушной окладъ шолько за 22 семьянистыхъ человекъ.

Они *когутъ* при *Тассевѣ*, вышедшей изъ верхней *Тунгуски* рѣкъ, въ гористой нѣскольکو странѣ, и приписаны къ Удинскому оспрогу. *Подушный ихъ окладъ* (Ясакъ) разположенъ по деньгамъ: но они сверхъ того исправляютъ еще и нѣкшорыя козацкія службы при Монтальской границѣ.

Языкъ ихъ Семоядское нарѣчіе, и при шомъ не столько испорченное, какъ у многихъ другихъ ошатковъ Семоядскаго племени.

Они бѣдны, и кромѣ нѣсколькихъ оленей ни чего добраго у себя не имѣютъ. *Юрты*, кошорыя составляютъ изъ колышковъ, покрываютъ звѣриными кожами. *Одѣліе* дѣлаютъ себѣ изъ разныхъ звѣриныхъ кожъ на Семоядской вкусъ. Въ мѣсто чулковъ обвершываютъ ноги химолошною корою. Зимю носятъ теплыя шапки; лѣшомъ же ходятъ мужчины простоволосы, а женщины покрываютъ голову лѣшными шляпками, нарочішо пригожо изъ тростнику выпешенными.

Въ зимнее время питаются отъ одного звѣринаго промысла, лѣшомъ же дикимъ кореньемъ и рыбною ловлею. Какъ для того, такъ и для другаго перекочевываютъ они лѣшомъ по большой части черезъ каждыя три дни къ другимъ рѣчкамъ или озерамъ.

Они правда всѣ *крещены*, но держатся больше нежели другіе обращенные къ православной вѣрѣ Сибиряки прародительскаго своего суевѣрія, кошорое есть Шамацкое. Теперь нѣтъ у нихъ ни священнослужителей, ни волшебниковъ. Всякъ молится про себя Солнцу и Небесной Тверди съ воздыханіемъ, и приноситъ въ жертву отъ убишито медведя и красной дичи голову да сердце, вознося шо и другое къ Солнцу на кускѣ коры; при чемъ проситъ о удовлетвореніи его нуждамъ, и сѣждаетъ напоследокъ жертву. Знашнымъ горамъ и рѣкамъ оказываютъ они, какъ и другіе Сибиряки, почтеніе, и дарятъ или жертвуютъ имъ, когда къ нимъ приближающся, но немногу шабаку, привезенную съ собою древесную вѣточ-

ку, лоскутокъ нѣху, или иную какую дрянцу, при чемъ опивши-
юшъ и низкіе поклоны.

Теперь они *локойниковъ* своихъ *хоронятъ*. Въ прежнія же време-
на оставляли ихъ для исцѣлѣнія на голой землѣ, положи головою
къ востоку, или клали на сдѣланной изъ колышковъ кosterь, ли-
бо и на дерева: при чемъ покрывали ихъ всегда хвороспомъ; сожи-
гали же шокмо шѣхъ, которыхъ ошибно почитали.

НАРОДЫ НЕИЗВѢСТНОЙ

или

СМѢШАННОЙ ПОРОДЫ.

Ошакскія локолънля, кочующія по нижнему Енисею, начиная отъ верхней Тунгузки, ниже и возлѣ Семоядъ, называются правда и живутъ одинаково съ Обскими Ошакими: но языкомъ говорятъ совсемъ ошакскимъ какъ отъ Ошакскаго, такъ и отъ всѣхъ Сибирскихъ языковъ: по чему они и не безъ основанія почищаются *локолънлями особаго народа*; хотя въ прочемъ и не обрѣщается ни какого извѣстія о ихъ происхожденіи ни у нихъ, ни въ исторіи. Между такъ называемыми *Красноярскими Татарами* говорятъ *Азаны, Котовцы* и *Арицы* симъ же самымъ языкомъ: хотя и по весьма ошакскому нарѣчію. Слѣдовательно они не Ташара: ибо они окружены будучи Татарами и живучи съ ними одинаково, конечно бы говорили не инымъ какимъ, какъ Ташарскимъ же языкомъ. Вѣроятно кажется, что они смѣшанные ошакки Енисейскихъ Ошакковъ, либо и опщевшіяся отъ нихъ шолпы; по чему и не сомнѣваюсь помѣстить ихъ на ряду съ сими Ошакими.

ЕНИСЕЙСКІЕ ОТЯКИ.

Въ самое то время, какъ Россійскія завоеванія въ началѣ седьмага десятилѣтія распространились до Енисея, жили Отяки Енисейскіе въ нынѣшнихъ своихъ пустыняхъ по обѣимъ сторонамъ Енисея и вышедшихъ изъ него рѣкъ, отъ вышней Тунгузки въ низъ за Мангазею или Нижнюю Тунгузку. Они и тогда уже обитали въ сосѣдствѣ Семоядъ и какъ будто бы промѣжъ ихъ. Сіи Отяки не токмо покорились Россіи въ 1608 году, но и оказывали побѣдителямъ подѣл предводительства тогдашнихъ своихъ Князьковъ *Урмукъ* и *Намака*, всевозможное вспоможеніе въ преодоленіи жившихъ въ верхъ по Енисею такъ, какъ и Восточныхъ съ Осяками порубежныхъ народовъ.

Они *раздѣляются* на разныя волости и колѣна. По лѣвую сторону Енисея, начиная отъ Кеты, вышедшей изъ Оби рѣки, на Сѣверѣ находится прозванная по рѣкамъ Касѣ и Сымѣ *Касиловская* волость; по правую же больше сторону Енисея споятъ *Имбацкая* и *Пумлоколская* волости; къ сей послѣдней, которая и прежде была неизвѣстнѣйшая, давно уже присовокуплена и *Нацкая* волость. О подлинной величинѣ каждой волости не имѣлъ я случая осведомиться. Однако они и во обще, судя по обширности ихъ пустынь, не многолюдны. Какъ въ 1731 году оказалась у нихъ оспа въ первые, то они едва не всѣ отъ оной перемерли. Болѣзнь сія свирѣпствовала у нихъ и послѣ того нѣсколько кратъ; но она при простой и безпечной своей жизни скорѣ паки размножается; и по тому думаютъ, что они шеперь столь же людны, какъ и до оспеннаго разоренія были.

Мѣста ихъ часть Семоядскихъ же пустынь, и слѣдовательно крайне суровы, холодны и бесплодны. Съ Семоядью и Обскими Осяками, которые называются у нихъ *Асѣ Ярей* т. е. Обскіи народъ, имѣютъ они одинакія нужды и одинакія къ отвращенію оныхъ способы, и сходствуютъ совершенно особливо съ Обскими Осяками въ разсужденія жилищъ и перемѣны оныхъ, такъ же одѣянія, пищи, промысловъ, нравовъ, суевѣрія и всего вообще житія: по чему и ссылаюсь здѣсь на то, что сказано о сихъ Осякахъ, да и о самой Семояди. Оленей содержатъ они, какъ и тѣ по немного, и равно питаются всякою дичью и пшитами безъ

разбору, рыбою, дикимъ корешемъ и плодами. Подушной окладъ очищаютъ такъ же мягкою рухлядью, и плашатъ съ души по шольку же. Между ими ведутся изъ стари *кузницы*, которые плавятъ сами желѣзо по примѣру Абинцовъ, а по шомъ дѣлаютъ изъ онаго, какъ умѣютъ, домашнія и звѣробишныя надобности. По сему ремеслу и прозвана одна Волость *Кузнецкою*. У нихъ есть еще и шерсть такіе кузнецы.

А Р И Н Ц Ы .

Аринцы называютъ себя и *Аринами*; Ташары же и Воляки прозвали ихъ *Арама*, отъ Ташарскаго слова *ара*, отдаленъ, или какъ Штраленбергъ утверждаетъ отъ слова *ара*, шершень. Конечно лишились они въ военныя времена кореннаго своего названія.

Во время Ташарскаго владычества поколѣнїе ихъ было знатное и обитало на Западномъ или лѣвомъ берегу Енисея (которой называли шамошнїе жшели *Келомъ*, а нынѣ видна шупъ одна только Западная рѣка, впадающая при городѣ Енисейскѣ въ Енисей) отъ устья Качи, гдѣ послѣ выстроены Красноярскъ, до самыхъ пороговъ или нынѣшней границы Енисейской провинціи. Отъ жестокости Ташаръ, а особливо отъ частыхъ Киргизскихъ нападений, уменьшилось было число ихъ такъ, что князекъ ихъ *Тутка*, когда въ 1608 году покорился Россійской державѣ, владѣлъ только сшами шрепя семей. Въ 1630 году соединились Аринцы съ одною волостью Енисейскихъ Отяковъ, кошорая по князекъ ихъ *Веслѣ* называлась *Весловскою*, и передались по шомъ Киргизцамъ. Возмущенїе сіе было для многихъ погубельно. Отъ бывшихъ между Киргизцами и Ханомъ Золошой Орды (Алтынъ Ханомъ) развратовъ разбѣжалось ихъ шакже не мало; нѣкошорые же приняли убѣжище къ Качинцамъ и шамъ женились: по чему нынѣ отъ сего въ прежнїя времена знатнаго колѣна считается въ остаткѣ нѣсколько шокмо семей, живущихъ обществомъ, на земляхъ Качинцовъ, подъ властїю собственнаго ихъ старшины и наблюдающихъ между собою союзъ.

Въ Качинскихъ степяхъ живутъ смѣжно съ Аринцами шри рода или Аймака, а именно *Арынской* изъ 30, *Буктынской* изъ 29, и *Кайдынской* изъ 16 душъ состоящїй, кошорые походятъ на Аринцовъ шакъ, что надобно ихъ неотмѣнно почишать произшедшими отъ одного съ ними племени. Они имѣютъ шакъ же общаго съ Аринцами начальника или Башлыка, и называются въ Краснояркомъ Земскомъ судѣ вообще *Арынскою волостїю*.

Собственный ихъ языкъ есть весьма отмѣнное нарѣчіе языка Енисейскихъ, а особливо Пумпокольскихъ Отяковъ. Нынѣ же говорятъ они по Ташарски Качинскимъ нарѣчіемъ. Какъ г. Спашскїй Совѣтникъ *Миллеръ* и старшїи *Гмелинъ* были въ 1735 году при рѣкѣ Енисей, шо по Аринцки умѣлъ шогда еще говорить одинъ шолько человекъ, помощїю кошораго помянушый г. Спашскїй

Совѣшникъ и умножилъ свой словарь или собраніе словъ разныхъ народовъ. А какъ славные сія пушешешвенники въ 1740 году ѣхали обратно изъ Восточной Сибири, то не было уже въ живыхъ и сего человѣка; и слѣдовашельно купно съ жизнію его пресѣклась и живность Аринцскаго языка.

Аринцы и соединенныя съ ними въ Яринской волости поколѣнья живутъ во всемъ одинаково съ Качинцами. Жилище, пища, хозяйство и одѣяніе у нихъ точно такое же. Но Аринцы и Яринцы гораздо бѣднѣе и кромѣ нѣсколькихъ лошадей, не имѣютъ ни какого скоша, по чему и питаются по большой части звѣриною ловлею и дикими кореньями. Подушной окладъ очищаютъ шакъ же мягкою рухлядью.

Вся вообще Яринская волость исповѣдуетъ законъ Христіанской, но столь же мало просвѣщена, какъ и крещеные Ташара: и для того ушопаетъ въ навеличайшемъ суевѣрїи. Предки ихъ были язычники Шаманскаго шолку; и объ нихъ повѣствуетъ Мессершмидъ въ рукописныхъ своихъ поденныхъ запискахъ, что они покойниковъ своихъ хоронили, снабдѣвали ихъ оружіемъ, и приносили въ жертву у могилы лошадь, которой мясо ѣли сами, а шкуру вѣшали на могилѣ. Кляшвы почитаютъ они и нынѣ еще весьма страшными. Всякъ кленущійся у нихъ спановишся промежъ серны или дикой козы и собаки, и въ доказательство невинности своей угрызаешъ медведя въ голову. Однакожъ они я шаковаго оправдавшагося у себя не шерпятъ: но долженъ онъ странствовать по тѣмъ мѣстамъ, въ кошорыя покажешъ ему пушь пущенная на волю и собакою преслѣдуемая дикая коза. Роженицы въ первые семь дней послѣ родоу омываются шрекрашно; передъ возобновленіемъ же сожипія съ мужьями своими окуриваются хорошенько *ирсенелъ*, посвященною языческимъ божкамъ правою, и шакъ далѣе.

Азаны и *Ассаны*, которые обыкновенно, но несправедливо, называются *Азанскими Татарани*, и причисляются къ *Красноярскимъ Аринцамъ*. Они такъ же, какъ и тѣ, составляли прежде сильное и храброе поколѣнiе; но отъ подобныхъ безумiй число ихъ уменьшилось такъ, что нынѣ осталось уже ихъ не больше, какъ 10 или 12 семей.

Сей остатокъ почти истребленнаго уже народа утвердился на мѣстахъ предковъ своихъ при рѣкѣ *Усолкѣ*, вышедшей въ лѣвой сторонѣ изъ *Тассевы* (которая впадаетъ въ *Тунгуску* съ лѣвой, а сія въ *Енисей* съ правой стороны); гдѣ онѣ подъ начальствомъ своего старшины или Башлыка пребываютъ между собою въ союзѣ и живутъ крайне бѣдно, точно по примѣру описанныхъ выше Красноярскихъ Ташарѣ.

Азанской языкъ есть весьма отъиное отъ языка Енисейскихъ Ошяковъ и Аринцовъ нарѣчiе, которымъ однакожъ нынѣ уже не говорятъ, но вмѣсто того употребляютъ Татарской языкъ въ худомъ произношенiи. Славные Академическіе путешественники, г. Сташскій Совѣтникъ *Миллеръ* и покойный *Глемякъ* старшій, въ бытность свою въ тамошнихъ мѣстахъ между 1735 и 1740 годами нашли только двухъ или трехъ человекъ, которые могли говорить Азанскимъ языкомъ, нынѣ же онѣ конечно уже и вовсе перевелся: однакожъ подобно Аринцкому, посредствомъ собранныхъ помянутыхъ г. Сташскимъ Совѣтникомъ съ великимъ трудомъ словарей, нѣсколько еще соблюденъ.

Какъ *Котовцы* въ 1628 году Россіи покорились, то колѣно ихъ было по такимъ же почти причинамъ, какія объявлены въ разсужденіи Аринцовъ и Азанъ, слабое. Нынѣ же они хоша еще и безсильнѣе, однакожъ многолюднѣе, нежели оба оныя остатки народовъ вмѣстѣ: по чему и говорятъ еще собственнымъ своимъ *языкомъ*, который есть не иной какой, какъ Пумпоколо ошякской; шокмо нарѣчіе онаго нарочито ошмѣнно, и при шомъ какъ ошъ Ариндскаго, такъ и ошъ Азанскаго весьма ошошло: изъ чего явствуетъ, что они столь же несправедливо, какъ и оба прежніе остатки народовъ, причисляются къ Красноярскимъ народамъ.

Они *когутъ* близъ Восточнаго Енисейскаго берега, между Абаканскимъ и Канскимъ острогами, возлѣ Качинцовъ. Юрты ихъ совершенно сходны съ Качинскими. Въ разсужденіи одѣянія, пищи, житія и всего вообще устройства походятъ такъ же на Качинцовъ, шокмо гораздо ихъ скуднѣе. Скотоводство ихъ, относящееся къ лошадамъ, рогашовъ скоту и овцамъ, самое малое; и по шому они зимю ошъ звѣриной ловли, а лѣшомъ ошъ дикаго коренья, плодовъ и рыбной ловли, имѣютъ свое прописаніе. *Звѣриный промыселъ* выгоденъ въ лѣсисныхъ и гористыхъ ихъ мѣстахъ особливо по хорошимъ соболямъ, которые славны подъ именемъ *Канскихъ*. Они очищаютъ соболями въ Канскомъ острогѣ и подушной свой окладъ (Ясакъ).

Православную *Грекороссійскую вѣру* приняли не многіе, да и тѣ различаются отъ другихъ почти однимъ шолько именемъ Христіанъ и нѣкоторыми обрядами, которыхъ миновать не могутъ при рожденіи дѣтей, такъ же при свадьбахъ и похоронахъ; да сверхъ того рубахами. Прочіе же содержатъ *Шаманскаго толку языческой законъ*, строго наблюдають обряды Качинцовъ. Всѣ вообще въ разсужденіи шѣла своего, пищи, юртъ, одѣянія, и всего житія крайне неопрятны, да и чрезвычайно лѣнны. Преисполненыя гадinou шубы, которыя надѣвають язычники на голое шѣло, почти прилипають къ оному отъ грязи.

Рѣдко кто и изъ язычниковъ держитъ больше *одной жены*, по шому что по бѣдности своей не имѣють къ шому ни силъ, ни до-

спашка. Изъ *обыкновѣн* ихъ странно то , какъ они зимою спятъ , а именно : они ложатся въ юртѣ около огня попарно , такъ что головы лежатъ одна супротивъ другой, а ноги одного подъ руками у другаго. Въ семъ положеніи переворачивающся они и на другой бокъ за одиниъ разомъ и не разрозниваясь.

МАНДЖУРСКІЕ НАРОДЫ.

Манджурскіе народы состоятъ изъ прямыхъ *Манджуръ* и *Тунгузъ*. Оба сіи народы по происхожденію своему единоплеменны; и сіе доказывається ихъ языкомъ, видомъ, обрядами и прочимъ такъ, какъ и собственными ихъ преданіями. Вообще они владѣютъ въ Восточной Сибири и въ Сѣверной Монгаліи, обширными пустынями и степями, нарочито еще многолюдны, да при томъ настоящіе Манджуры и сильны: ибо одно изъ Княжескихъ ихъ колѣнъ владѣетъ наследственно Кишайскимъ престоломъ и управляетъ симъ государствомъ безпредѣльно.

До приходу Россіянъ въ Сибирь въ началѣ седьмага надесяшь столѣтія, владѣли Манджуры всею *Даурією* или Восточною Сибирью отъ Байкала до самыхъ Монгалъскихъ горъ, также всѣми мѣстами около Амура, вышедшихъ изъ него рѣкъ Шилки и Аргуна, такъ какъ и побочныхъ рѣкъ, Сеги, Шингала, Наума и другихъ. Но они и прежде уже крайне обезпокоиваемы были вышѣсненными изъ Монгалій на Западъ Буряшами. При рѣкѣ Селенгѣ и при верхнемъ Амурѣ стояло тогда *колѣно Даурское*, между Аргуномъ и Шилкою *Дугерское*, при среднемъ Амурѣ и выпадающихъ въ него съ обѣихъ сторонъ рѣкахъ, Сегѣ, Наумѣ и другихъ *Агарское*, около же устья Амура на берегу Восточнаго моря и его островахъ, а особливо на лежащемъ супротивъ устья Амура весьма великомъ островѣ Сагалымъ улусы *Гилякского колѣна*.

Даурскіе Манджуры прихода Россіянъ не выжидали, но удалились Юговосточною стороною въ Кишайское государство, а отъ части къ Амуру. Тутъ они съ брашією своею нѣсколько остепеннились, и сдѣлали земляныя укрѣпленія, отъ коихъ произошли существующіе еще и нынѣ Кишайскіе города *Айюнь* и *Албазинъ*, первый на правомъ берегу Аргуна, а послѣдній на лѣвомъ выше устья Сеги. Они назвали сіи мѣста по Князькамъ своимъ Толгѣ *Толгыннъ* и Албазѣ *Албазиннъ*.

Во время перваго Россійскаго похода къ Амуру около середины седьмага надесяшь столѣтія, были Дауры и Дучеры подданные Кишайскаго Богдохана, кошорый тогда уже былъ Манджурской породы: по чему и вмѣшался какъ въ побѣгъ ихъ, такъ и въ защищеніе. Гиляки и прочіе Манджуры жили тогда независимо ни отъ какой власти, и покорились Россіи безъ всякаго сопротивленія.

Примѣру ихъ послѣдовали многіе Дауры и Дучеры; но большая ихъ половина по повелѣнію Богдохана переведена съ Амура, котораго Россія тогда всею владѣла, ближе къ Кашаю, а особливо на рѣку Наумъ. Послѣ шого старался Богдоханъ завладѣть Амуромъ, который ему и уступленъ, по силѣ заключеннаго въ Перчинскъ мира, со всею Россіи подаше плашившими Манджурами. Нынѣ служишь между Кашаемъ и Россіею границею *Становой Хребтъ*, простирающійся изъ Дауріи на Востокъ и Сѣверовостокъ, между рѣки Кеною и Амуромъ, къ Восточному морю. Въ пограничныхъ горахъ кочуютъ не *Манджуры*, но Тунгузы, плащіе податъ отъ части Россіи, а отъ части Кашаю; иные же и вольно странствуютъ, ни чего не платя.

Не все Манджурскіе поколѣнья *ведутъ жизни* одинаково. Иные живутъ по примѣру нѣкоторыхъ Тунгузовъ отъ одной рыбной лова, какъ н. п. *Агары*, кочующіе при Намкѣ рѣкѣ, вышедшей изъ Амура къ правой сторонѣ. Сіи запягаютъ въ мѣсто лошадей собакъ. У нѣкоторыхъ Гиляковъ, какъ слышно, усмирены и медведи такъ, что возяшь сани. Многіе упражняюща единственно въ разведеніи оленей; другіе въ звѣриной промыслѣ; а еще большее число въ земледѣліи.

У Даурскихъ Манджуръ было такое междуособное устройство, которое какъ будто бы составлено было изъ кочеваго и постоянного на одномъ мѣстѣ житія, и при томъ весьма соотвѣствовало человеческой природѣ. Они жили, по писаннымъ извѣстіямъ и по преданіямъ нынѣшнихъ Дауръ, въ небольшихъ одномѣстныхъ хижинахъ, деревнями или семействами, но и не скучливы были перемѣнать мѣста свои, когда только усматривали невозможность удовлетворять впредь своимъ нуждамъ или выгодамъ житейскимъ, какія могли бы они имѣть въ другихъ мѣстахъ. Они жили какъ между собою, такъ и съ сосѣдами мирно, и радѣли о скотоводствѣ, земледѣльствѣ, да и о самыхъ горныхъ работахъ.

Пашни свои засѣваютъ они, по примѣру Бухарцовъ, какъ огороды, раздѣляють ихъ глубокими стѣжками на гряды или пелосы, и обводять ихъ рвами, дабы держалась въ оныхъ надобная на поливаніе вода. Для удобности въ поливаніи и для влажной рыхлой земли милѣе имъ были рѣчные берега. — И нынѣ еще видно нѣсколько шаковыхъ огородовъ на берегахъ разныхъ Даурскихъ рѣкъ, а особливо при Балгузинѣ и его рѣкахъ, на которыхъ и

мѣлѣ жилища свои одинъ Манджурскій народъ, названный въ извѣстїяхъ *Баргутами*.

Сверхъ того производили многіе съ немалымъ раченїемъ *рудокопное и плавильное дѣло*. Нынѣшніе Даурскіе рудники при Аргунѣ, славные подъ именемъ *Нергинскихъ*, и разрабатываемые теперь для одного серебрянаго и золотого выхода, содержатъ въ себѣ шакъ, какъ и вся Даурїя довольно доказательствъ о томъ, что древніе Даурскіе Манджуры упражнялись въ рудокопномъ дѣлѣ. Многіе отъ части покинутые, а отъ части еще разрабатываемые рудники, суть продолженїя начатыхъ ими работъ. Вѣроятно кажешся, что и шарые рудники и кучи огарковъ въ Саянскихъ горахъ въ Красноярской области при Енисеѣ, суть остатки трудовъ Даурскихъ или другихъ Манджуръ, а скарбы Абаканскихъ могилъ ихъ произведенїя. Гдѣ находили они руду, шамъ заводили и плавильни: по чему при всѣхъ древнихъ, хотя нѣсколько знатныхъ рудникахъ, видны груды огарковъ. Они добывали и плавили руды всегда по небольшому количеству и, какъ видно по огаркамъ, инаибольше мѣдную и желѣзную руду. Рудники были у нихъ по большей части поденные или верховые. Плавильныя печи были у нихъ конечно не велики, и вѣроятно кажешся, что подобіе оныхъ сохранилось въ видѣ тѣхъ печей, въ какихъ Россійскіе кузнецы въ Восточной Сибири плавяшъ сами свое желѣзо. Такія печи, (имѣющія въ прочемъ продолговаточешвероугольной видъ, въ поперешникъ почти въ сажень, а въ разсужденїи плавки разположенныя подобно такъ называемымъ высокимъ печамъ и снабженныя ручными вѣхами) конечно найдены въ разныхъ мѣстахъ и послужили образцомъ.

Даурскіе наши Манджуры были, шакъ какъ нынѣшніе при Амурѣ и другіе, *язычники Шаманскаго толку*, о которомъ буду говорить послѣ. *Токойниковъ* своихъ они хоронили; а что они имѣли къ нимъ почтенїе, о томъ свидѣтельствуетъ безчисленное множество могилъ, какія видны еще и нынѣ при Аргунѣ, Шилкѣ, Ингодѣ, Ононѣ и ся рѣкахъ. Они дѣланы особенно, а больше по нѣсколько въ одномъ мѣстѣ. Въ длину бывають они обыкновенно отъ 5 до 8, въ ширину отъ 3 до 4, а въ глубину, какъ видно при разрыванїи по слоямъ земли, до 6 фушовъ. въ нихъ находяшъ иногда ошашки костей и ржавчатые кусочки желѣза, конечно отъ оружія; дорогіе же крушцы, какъ въ Енисейскихъ могилахъ, никогда не попадающся; по чему и не касешся нѣкто

праха усопшихъ. Большая половина сихъ могилъ завалены простою землею, нѣкошорыя же и плешникомъ. Нынѣ они равны съ поверхностью земли, но какъ продолговатыя четверугольники обставлены съ Востока на Западъ плитами стоящими на краю мргилы и торчащими поверхъ земли на ладонь или и на пядень въ высоту. Въ Восточномъ концѣ стоить обыкновенно ъ одинъ и два фута вышиною плоской или круглому столбу подобной необшесаной камень. На многихъ могилахъ стоить и по срединѣ сей почестный столбъ.

Тунгузы называются сами *Свойенами*, по тому, что праоща ихъ звали *Своеномъ*, также *Донкини*, а иногда, по примѣру многихъ Сибиряковъ, и просто *людьми* (*Тунг. Боге*) Енисейскіе Ояки и Ташара называютъ ихъ такъ, какъ и Россіяне, *Тунгузами*, произведши названіе сіе ломано отъ слова *Донки* или отъ *Тонгонъ*, наименованія ихъ *Князьда*, либо и отъ Ташарскаго слова *Тунгузъ*, свинья, копорымъ названіемъ гордые Ташара хотѣли конечно изъяснить ихъ уничиженность и гадкое житіе. Въ прочемъ называютъ ихъ *Манджуры Соломами*, стрѣльцами, и *Оронгонами*, оленоводцами, отъ слова *Оронъ*, олень, *Монгалы* же и *Буряша Хамъ Ногонами* и *Солонами*.

Пустыни ихъ простираются съ Запада на Востокъ, отъ *Енисея* за *Лену* до самаго *Амура* и *Восточнаго моря*. Отъ Юга къ Сѣверу живутъ они между 53 и 65 степенемъ Сѣверной широты; и слѣдовательно не касаются ни *Соонгарскихъ* границъ, ни береговъ *Ледовитаго моря*. Но они будучи весьма миролюбивы, не всѣми сими пустынями владѣющъ одни: но во многихъ мѣстахъ живутъ съ ними совокупно и въ смежности *Ояки*, *Сеноиды*, а особливо *Якушы*. Около *Амура* и за онымъ кочуютъ обще съ *Манджурами* и *Кишайскіе Тунгузы*. Мѣста ихъ, выключая при *Амурѣ* лежащія, по большой части, какъ и *Якушскія*, лѣсисты, да при томъ болотны и гористы, равно холодны и суровы такъ, что мало гдѣ можно бы завести усадьбы по Европейскому вкусу.

Россіяне получили самое первое извѣстіе о *Тунгузахъ* отъ *Енисейскихъ Ояковъ*, в началѣ съ 1607 году старались, чрезъ посылку изъ *Мангазея Козаковъ*, о покореніи оныхъ. Тогда подвластны были многія *Тунгузскія* поколѣнія вышѣсненнымъ недавно изъ *Монголіи Буряшамъ*. Во время *Россійскихъ* нападений оказали *Тунгузы* больше мужества, нежели другіе *Сибиряки*, и ни какое пораженіе не могло ихъ принудить къ оставленію занятыхъ ими подъ жилища свои мѣстъ. Преодоленные бунтовали въ послѣдовавшія времена нѣсколько кратъ; и въ 1640 году *Ленскіе Тунгузы* у собиращелей подати выщипали бороды. Живущіе на западной сторонѣ *Байкала Тунгузы* покорились *Россіи* не прежде, какъ въ 1643, на Восточной же сторонѣ и при *Вишнѣ* обитающіе въ 1657 году.

Они *раздѣляются* по Восточному обыкновѣнію на колѣна, а сія на роды. Каждый *родъ* (Тагаунъ) производитъ начало свое отъ какого ни есть храбростию, силою, изобиліемъ въ скотъ и дѣшякъ, а иногда и благоразуміемъ, прославившагося родоначальника, называется по его имени, и всѣ въ ономъ находящіеся считающіяся кровными между собою родшвенниками. Нѣсколько же шаковыхъ родовъ считающіяся между собою родшвомъ по своимъ родоначальникамъ, и соединяются по тому въ *колѣна*. Умѣющіе породу свою выводитъ прямою дорогою отъ знатныхъ родоначальниковъ, составляютъ ихъ дворянство (Ошериканъ), изъ коего выбираютъ они наипаче семейственныхъ старшинъ (Даруга); въ случаѣ же недостатка въ добрыхъ дворянахъ, выбираютъ они ихъ изъ зажиточнѣйшихъ и отважнѣйшихъ людей. Въ прежнія времена выбирало нѣсколько родовъ общаго себѣ *Сайзана*; а изъ числа сихъ бывалъ одинъ Князькомъ поколѣнья и назывался *Тоіонолѣ* и *Тоіонолѣ*. Онъ подобенъ былъ въ разсужденіи власти Хану Ташарской орды. Нынѣ же причисляются шаковыя семейства совокупно и обще съ ихъ Даругасами, отъ Россійскаго правительсва въ семъ званіи утвержденными, шакъ же съ нѣсколькими еще существующими Сайзанами, и еще меньшимъ числомъ Тоіонолѣ, для большей удобности въ надзираніи и собираніи подати къ Округамъ, острогамъ и зимовьямъ, которыя мало по малу между народомъ снѣвъ заведены.

По сему *раздѣленію* принадлежало въ 1766 году, по численію мужеска пола, къ *Якуцку* 16 родовъ, а душъ 1291; къ *Олоцкому* округу 27 родовъ, а душъ 1862; къ *Кусидайскому*, *Бацитскому* и *Баргузинскому* острогу и зимовьямъ на верхней Ангартъ 13 родовъ, а душъ 1025, которые всѣ кочуютъ на Сѣверовосточной есторонѣ Байкала и состоятъ подъ смотрѣніемъ Россійскаго управителя въ Балгузинѣ; въ *Чергинскихъ* заводскихъ горахъ кочуетъ при Ингодѣ, Анонѣ, Шилкѣ и Аргуиѣ до самаго Амура 15 родовъ, изъ коихъ *Дулегатской* всѣхъ ближе къ Амуру. Всѣми ими управляетъ Князь *Кантимировъ*, крестившійся Монгалъ, въ званіи Тоіома или Тайши, и имѣетъ непремѣнное жилище на Ингодѣ. При записѣ въ подушной окладѣ показано ихъ 4341 душа. Изъ прочихъ Даурскихъ Тунгузовъ принадлежатъ 8 родовъ, а душъ 290 къ *Телембинскому* острогу, да 5 родовъ, въ коихъ считается 239 душъ, къ *Ераинскому* острогу; въ прочемъ же приписано къ *Олекминскому* острогу 4 рода, а душъ 242; къ верхнему и

нижнему *Вилуйскому* зимовью 10 родовъ, а душъ 870; къ тремъ зимовьямъ же на *Мазъ*, вышедшей изъ Лены рѣкъ, 8 родовъ, къ коихъ 595 душъ; къ *Колымскимъ* острогамъ 5 родовъ *Ламутъ*, кочующихъ по берегамъ Восточнаго моря; ихъ записано въ полушной окладъ 397 душъ. Всѣ сѣм находяшся въ *Иркутской* губерніи; шесть же кочующихъ при *Тунгузкѣ* родовъ плащатъ подушной окладъ за 200 душъ въ *Синсейскѣ* и *Мангазеѣ*, и слѣдовательно принадлежатъ къ *Тобольской* губерніи.

Кромѣ сихъ въ пустыняхъ своихъ кочующихъ, странствующихъ еще и между другими язычниками небольшія артели или частныя Тунгузскія семьи, коихъ наберется около 1700. Сверхъ того, по собственному показанію Тунгузъ, кочуютъ по верькней Ангарѣ, въ горахъ около вершины сей рѣки, нѣсколько совсемъ еще не переписанныхъ многочисленныхъ поколѣній. Въ горахъ къ Амуру, при *Удѣ*, Тунгузы отъ части и вовсе еще не счислены, а отъ части переписаны слегка. И по тому можно народъ сей почестъ неизнашнѣйшимъ въ Сибири, не считая Китайскихъ Тунгузовъ, но полагая только число плавающихъ подушной окладъ душъ впрое, въ замѣну женъ, дѣшей и выходцовъ.

Тунгузы росту средняго, и никогда ни чрезвычайно малы, ни съ лишкомъ велики не бывающъ; при шомъ спатны и вѣршлявы. Лицо у нихъ не столько плоское, какъ у Калмыковъ, и краска въ немъ живая; глаза маленькіе и воспрые, носъ небольшой и сухощавой, уши обыкновенной величины; волосъ черной и прямой, борода нарочито жидкая, а у иныхъ и совсемъ волосомъ не опускается; голосъ нѣсколько осиплой; въ прочемъ чрезвычайно зорки и чушки, но шѣмъ тупе у нихъ чувствованіе и обоняніе. Дѣши совершенно походятъ на Калмычонковъ. Молодыя женщины приманчивы по причинѣ изряднаго разположенія лица, чрезвычайной веселости и вѣжливости; старухи напрошивъ того мощинами, копашью, и красными какъ огненный уголь глазами приводящъ въ ужасъ. Старики рѣдко бывающъ сѣды, и ходящъ до послѣдняго конца шакъ прямо, и какъ на ходу, шакъ и въ дѣлахъ своихъ столь бодры, что сомнительно, не зная, почестъ ихъ и ушарѣлыми.

Сложенія они самаго многокровнаго. У нихъ всегда на языкѣ ж на дѣлѣ то, что на сердцѣ. Лгашъ кажется имъ дурно: и сіе самое предохраняетъ ихъ отъ подозрѣнія и кляшв. Воровство и обманъ почищается у нихъ столь позорнымъ дѣломъ, что они до

шаковыми попреканіями разбивающа часто стрѣлами. Довольствуясь самыми необходимыми надобностями, ни къ чему кромѣ оныхъ, не имѣютъ пристрастія: и по тому, пребываютъ при природительскихъ своихъ нравахъ и житейскихъ порядкахъ безъ дальнихъ прихостей или зашѣй. Горести сего дня не растворяютъ они печеніемъ о зашрѣ; но паче дѣляся со всякимъ кто бы у нихъ ни случился, послѣднимъ кускомъ безкорыстно, и сѣдають оной съ веселостію. Да и въ шакомъ случаѣ, когда нѣскольکو дней сидящъ голодны за неимѣніемъ ни какого харчу, не унывають. Женишба почти одно шакое дѣло, при которомъ думаютъ они о будущемъ; да и въ шомъ бываетъ имъ всегда удача, по шому, что они ни въ чемъ, слѣдовательно и въ самой любви, не разборчивы и къ несповсивамъ не склонны. Въ дѣлахъ ихъ видна оспорожность, раченіе и способность. Они весьма скоро перенимаютъ другіе языки, и въ верховой ѣздѣ, звѣриномъ промыслѣ и стрѣляннѣ изъ луковъ искусны. Въ мѣсахъ, гдѣ кочуютъ, знакомо имъ почти всякое дерево, всякой камень и проч. Слѣды звѣрей узнаютъ на ушопшанномъ ихъ, шравѣ, или и просто по знакамъ на голой землѣ, гдѣ посторонній человекъ ошнюдь не можешъ примѣшнѣ ни чего особливаго. Когда хошящъ имѣшъ свиданіе въ другихъ мѣсахъ, шо мѣста умѣютъ описывать шакъ шочно, либо дѣлаютъ пальцомъ на снѣгу или на землѣ шакіе чершежи, что нешмѣнно, гдѣ надобно, сойдутся. Отважность ихъ, выходитъ съ обидякомъ и изъ бездѣлицы на поединочную изъ луковъ перестрѣлку, при чемъ иной и жизни лишашся, или устремляеться на единѣ со стрѣлою и рогашиною на медвѣдя, сосшавляешъ странную противность въ разсужденнѣ почти безчувственной ихъ холодности при крайнемъ недоспашкѣ, ранахъ, потерѣ друзей, имѣннѣ и проч. Они живутъ, кочуютъ, промышляютъ звѣрей, ловящъ рыбу и пасушъ скотъ по большой части уединенно, и какъ встрѣчаются, шакъ и разлучаются между собою безъ радости и шоски. Богатые люди имѣютъ и у нихъ больше печенія, и не столько щедры: однакожъ за безсильныхъ шариковъ плашящъ подушной окладъ ошню.

Языкъ ихъ есть Манджурское нарѣчїе, и при шомъ мякокъ, для шговору удобенъ и слуху прншменъ. Слова изображаются на письмѣ малымъ числомъ буквъ, кошорыя удобнѣе пишашъ кистью, нежели веромъ, съ верху, въ низъ. Но у нашихъ Тунгузовъ нѣшъ ни грамоши, ни школѣ. Знанія ихъ ушверждающа шолько на преданнѣ

лхъ и относяся къ ихъ состоянію. *Щетъ* ихъ простирается до 10, и по шомъ удваивается. У нихъ ешь лѣпній и зимній годъ: но они сами годовъ не счѣтають. Лѣша жизни или какого ни ешь бытія счищаютъ по шому, сколько разъ заплаченъ между шѣмъ Ясакъ; такъ и. п. кто тридцать разъ плашилъ Ясакъ, шому ошь рожденія тридцать лѣшнихъ и шолько же зимнихъ годовъ, сльдовашельно шесшдесять лѣшъ. Въ шаковомъ двойшвенномъ году счишается шринадцать мѣсяцовъ или лунныхъ шеченій (Бега), которые называють они по ешественнымъ приключеніямъ, какъ и. п. Илкуиъ (двѣшочной мѣсяцъ), Иринъ (плодоносной мѣсяцъ) и шакъ далѣе. При шомъ названія мѣсяцовъ не у всѣхъ одинаковы, но по жишю ихъ разняся. Въ прочемъ не празднуютъ они ни лѣшняго Нового года (Юани Ангани), ниже начала зимы (Туани Ангани).

Даругасилъ ихъ надлежало бы шокмо наблюдашь порядокъ и рѣшишь маловажныя споры, о важныхъ же предлагашь Ясашнымъ сборщикамъ: но спорющіяся охоще разиѣняющешя спрѣлами, либо подвергаютья осужденію, по спаринному своему обыкношенію, своей братіи, судящи обыкношвенно по ешественной справедливости, нежели предстають предъ судъ начальшва, дѣлающаго приговоръ на основаніи незнакомыхъ имъ законовъ, или налагающаго неупотребительныя у нихъ наказанія: по чему и.иѣшъ между всѣми Нерчинскими преступниками ни одного Тунгуза. Поедшочная изъ луковъ переспрѣлка (Кучигера) производила прежде въ виду старосшъ, которые опредѣляли мѣшо, ошдаленіе и знаки, когда пускашь спрѣлы. Нынѣ же принуждены они шаковыя поединки скрывать; по чему и ошходяшь многіе безвѣшшо на шомъ свѣшъ.

Убийство, когда произошло ошь ссоры, не уголовнымъ почишашся у нихъ прешупленіемъ. Убийцу сѣкутъ плѣшми, и приказываютъ ему' содержашь шромъ покойниковыхъ; въ прочемъ же не шокмо не укоряють его братія злодѣяніемъ, но еще и величаютъ его храброщомъ. За *драку* наказываютъ палочными по голой свишъ побоями, и сше вспязаніе называшся у нихъ Идогачиганъ. *Воровъ* бьють, взыскивають съ нихъ похищенное; и они остаютья навсегда въ презрѣніи. За *прелюбодѣліе* наказуютъ однихъ шолько мужинъ. Любовникъ должень или взяшь за себя любимую жнѣ дѣвку, заплащя напередъ опредѣленной выкупъ, или прешерпшъ побои. Когда кто изъ черни похишишь честь у богашой или иршгойей дѣвки, то должень опасашся, чшобы братья ея и првшшели не разспрѣляли его изъ луковъ. Мужьямъ и женамъ драшься не за

прещено; и они пользуются при шомѣ одинакими правами; а кто кого ранишѣ, того съкушѣ при всемѣ народѣ. Ежели женатые ужишѣся не могутѣ, шо разводятся какѣ ни будь. Проводимыхѣ женами мужчицѣ у нихѣ довольно; да ешо имѣ и не вѣ диковину. Бабы сидятѣ обыкновенно дома одиѣ; ихѣ посѣщаютѣ мимоходомѣ странствующіе звѣриные промышленники; варяшѣ у нихѣ себѣ пищу; ѣдятѣ оную вмѣспѣ; и какѣ шѣ и другія вѣ выборѣ не щекотливы, шо скоро соглашающя между собою и о другомѣ. Ежели мужу шанетѣ уже не вѣ шерѣжѣ; шо поступается онѣ женою ея дружку и беретѣ за себя другую изѣ его рода. Таковой нарочито часто производящій у нихѣ обмѣнѣ называется на ихѣ языкѣ *Данира*. *Родимыл лятца*, беспорядочное сложеніе шѣла, и густоту волосѣ на нѣкоторыхѣ мѣстахѣ у женѣ, которая бываетѣ вѣ прочемѣ рѣдко, почитаютѣ они происшедшими онѣ дѣйствія дѣвола неустройствами: по чему и случаются у нихѣ по сей причинѣ нерѣдко разводы, которые должны однакожѣ производить всегда сѣ согласія сшарѣшинѣ.

Вѣ шакихѣ случаяхѣ, когда не можно испытать истинны, берешя на помощь *присяга* (*Адакачанѣ*), кош-рой есть у нихѣ цѣлые три года. Самая послѣдняя состоитѣ вѣ шомѣ, шо обвиняемый беретѣ ножѣ и размахивая онымѣ прошиѣ солнца, говоритѣ: *ежели я виноватѣ, то пусть солнце лovelитѣ болѣзньмѣ разлѣтываться вѣ моей нутренности такѣ, какѣ размахивается сей ножѣ*. Тяжкая клятва заключаешя вѣ шомѣ, когда обвиняемый взлѣзши на свято почитаемую гору, какѣ н. п. на Восточной сторонѣ Байкала на Шаманскую скалу, находящуюся не подалеку отѣ шенныхѣ водѣ при рѣкѣ Фрелихѣ, вскричитѣ: *ежели я виноватѣ, то лускай умру, или лишуся дѣтей и скота, не буду никогда на звѣриномѣ промыслѣ щастливѣ, ниже вѣ рыбной ловлѣ*; шо ешѣ говоритѣ шо, чемѣ ему приказано кляшѣся. Самая же большая присяга состоитѣ вѣ шомѣ, шо убиваетѣся собака возлѣ огню, прободаетѣся копьемѣ, а по шомѣ или сожигаетѣся или прочѣ бросаетѣся, обвиняемому же даюшѣ испить нѣсколько ея крови, при чемѣ долженѣ онѣ говоритѣ: *кровь сію лью я на правдѣ; а буде лгу, то лускай логибну, сгорю или изохну, какѣ сія собака*.

Подать Сибирскихѣ Тунгузѣ, выключая Теленбийскія поколѣнья, кошорыя вѣ мѣсто подати исправляютѣ на Монгальской границѣ Ковацкія службы, состоитѣ вѣ парѣ соболей со всякой вѣ подушной окладѣ записанной души; а каждый соболь считаешя вѣ

рубль. Они могутъ такъ же отдавать въ казну, цѣною на два рубля, оленьи кожи и другую мягкую рухлядь, или продавъ оныя плашью наличными деньгами. Мягкую рухлядь цѣнятъ присяжные люди. Всякое поколѣние или семейство очищаетъ гуршомъ свой подушной окладъ, раздѣляетъ оной самопроизвольно, заславляетъ щасливыхъ и здоровыхъ звѣриныхъ промышленниковъ плашью за бѣдныхъ и пресрарѣлыхъ, и такъ далѣе. Други отдають подашь подъ весну казеннымъ приемщикамъ находящимся въ острогахъ или въ зимовьяхъ, куда посылаются около сего времени Козаки. Ежели сѣи приемщики поступаютъ съ народомъ по честности и ласково, то великую получаютъ прибыль. Если н. п. подать еще не собрана, то приемщикъ или Козакъ оплачиваетъ оную въ казну изъ своихъ денегъ; а въ будущей срокъ получаетъ изъ одной честности ошъ сыхъ почпи дикихъ людей обратно мягкою рухлядю не столько самой долгъ исправно, но часто еще и сверхъ того подарки. Тунгузская мягкая рухлядь, а особливо соболи при верьхней Ангарѣ промышленяемые, по добротѣ своей славны. Ежели промыслы ихъ были удачны, то они не скупаются, но даютъ самое лучшее, да прѣ томъ еще и не по долгу, но единственно по доброй волѣ.

Всѣ Сибирскіе, и слѣдовашельно Россіи подвластные Тунгузы *кочуютъ* и разнятся между собою, смотря по тому, въ лѣсахъ ли или въ степяхъ живутъ; по чему и не противно называтъ однихъ *лѣсными*, а другихъ *стелными Тунгузами*. *Лѣсные Тунгузы* раздѣляются паки, по ихъ житію, на *оленоводствующихъ*, *звѣроловствующихъ* и *рыбцю ловлю производящихъ*. *Стелные Тунгузы* держатъ лошадей, рогатой скотъ, овецъ и проч. Запросто раздѣляются они на *коныхъ*, *оленихъ* и *собагихъ Тунгузовъ*, къ коимъ принадлежатъ звѣроловствующіе и въ рыбной ловлѣ упражняющіеся; и хотя сѣе не изъясляетъ омиѣнности народа, однакожъ показываетъ его состояніе.

Олени Тунгузы кочуютъ съ своими стадами, въ коихъ бываетъ ошъ 20 до 1000 оленей и выше, въ высокихъ и лѣсистыхъ горахъ въ Дауріи около Бауншскаго озера, около Охodka и при нижшихъ Ленскихъ рѣкахъ, какъ зимою, такъ и лѣшомъ. Содержаніемъ оленей удовлетворяють они всѣмъ своимъ надобностямъ по примѣру Лопарей и Семояди, по тому, что оныя состоятъ только въ необходимыхъ нуждахъ самой природы; сирѣчь довольствуются мясомъ, молокомъ и сыромъ, изъ кожъ шьютъ одѣяніе, спятъ

на нихъ, и покрываютъ ими свои юрты, изъ рогу и костей дѣлаютъ посуду, изъ шкуръ ниши и проч. при томъ ѣдятъ на оленяхъ верхомъ и запрягаютъ ихъ въ сани. Словомъ сказать, олени все ихъ добро и имѣніе. Они всегда сами себя промышляютъ кормъ, или получаютъ по нѣскольку шолько горстей мху когда стоятъ привязаны или запряжены въ сани. Въ зимнее время ходятъ мужчины для звѣринаго промыслу и въ нарочито отдаленныя мѣста юртъ ихъ и стады мѣста.

Звѣроловящiе и рыбную ловлю производящiе Тунгузы все одни и шѣ же, и ни чѣмъ не разнятся; зимою ходятъ на звѣриной промыселъ, а лѣтомъ ловятъ рыбу. Для приволья какъ въ одномъ мѣстѣ и въ другомъ, безпрестанно странствуютъ и рѣдко долѣ трехъ дней стоятъ на одномъ мѣстѣ. Собравшись побольше людей въ артель, странствуютъ по всемъ лѣсамъ обширныхъ своихъ пустынь по большей части какъ особенныя семьи, которыхъ, когда встрѣчаются случайно въ своей округѣ съ другими поколѣнья своего семейства, оспаются правда на нѣсколько времени въ соединеніи, однакожъ вскорѣ безъ дальнихъ околичностей паки разлучаются, кочуютъ вмѣстѣ съ другими, и такъ далѣе. Они крайне бѣдны и ни чего, кромѣ звѣроловной и рыболовной снасти, да и то небольшой, и нѣсколькихъ собакъ, также одѣянія и юртъ, не имѣютъ. Сіе сказано о большой половинѣ; и изъ шаковыхъ то мало существуетъ шакихъ семей, которыхъ бы, когда не имѣютъ въ запасъ мягкой рухляди, не можно было тремя или пятью рублями до нага окупить: и по тому они не имѣютъ ни нужды, ни житейскихъ попеченій горестію растворенныхъ. Нѣкоторые имѣютъ по нѣскольку, а иные до 10 смирныхъ оленей, которыхъ чрезвычайно берегутъ и рѣдко доятъ. Старые люди и дѣвки ѣдятъ на нихъ верхомъ; да на нихъ же перевозятъ и домашній скарбъ. Когда Тунгузы переправляются черезъ рѣки, то сабаки и олени безъ принужденія слѣдуютъ за ними впасть и никогда не разбѣгаются, хотя въ лѣсахъ и довольно попадается имъ дикихъ оленей, или когда и гонимы бываютъ хищными звѣрями или собаками. Для верховой ѣзды имѣютъ они небольшія сѣдла изъ оленьихъ реберъ, на которыя кладутъ сверху шубу; оленей же управляютъ словами, или рукою, а рѣдко веревочкою къ рогамъ привязанною.

Для приволья въ *рыбной ловлѣ* странствуютъ во все лѣто отъ одной рѣки, озера или иныхъ какихъ водъ къ другимъ; и ходятъ при томъ на звѣриной промыселъ, когда вадунается. Для рыбной

ловли больше, нежели ради звѣринаго промыслау, живутъ въ округахъ, какія они между собою для всякаго поколѣнья опредѣляли. На воду пускаются они въ небольшихъ лодкахъ (Лу), состоящихъ изъ легкой деревянной основы, и шакихъ же закраинъ, а обшитыхъ бересшою, и при томъ такъ плоско, что вода ни какъ пройши сквозь оную не можешъ. Такія ихъ лодки въ низу нѣсколько плоски, съ обоихъ концовъ остры, длиною отъ 1½ до 3 сажень, въ верху шириною отъ 1½ до 2 фушовъ, шажестію иногда меньше, а иногда и больше пуда, но со всемъ тѣмъ довольно крѣпки, и можно на нихъ не шкюмо одному, но чешыремъ и пяти человекамъ ѣздить безопасно по рѣкамъ и большимъ озерамъ, да и на самомъ Байкалѣ, далеко отъ береговъ. Веслы походятъ на лопаши; а гребутъ шо тѣмъ, шо другимъ. Бродники, неводы и сему подобная рыбачья снасть, имъ неизвѣстна. Рыбу ловятъ удами, кошорыя опускающъ въ воду черезъ край идущей на греблѣ лодки, да и прехзубчашыми, желѣзными вилами (Керонки), кошорыхъ концы, длиною въ палецъ, имѣющіе зазубрины, отстоятъ одинъ отъ другаго на палецъ, и прикрѣплены къ удилу длиною въ сажень. Въ ночное время ложащяся они съ зажженнымъ подгнишомъ на брюхо на утесистыхъ мѣстахъ береговъ, или разбѣжжашъ въ своихъ лодкахъ по водѣ. Искусство ихъ столь велико, что рыба, кошорую запримѣшашъ и достать могутъ, рѣдко отъ вилъ ихъ уходишъ. Когда осенью бывашъ ололи (*) ходъ изъ Байкала въ нѣкоторыя рѣки, шо дѣлаютъ они неподалеку отъ берега изъ прущевъ сплешенную городьбу, и спавашъ въ рѣкѣ наискось, а сами споятъ позади оной въ водѣ и выбрасывашутъ на берегъ голыми руками пригоняемую къ городьбѣ по причинѣ великаго множества, и шумъ ошанавливающую рыбу.

Звѣринный же промыселъ производятъ различно. Они употребляютъ при томъ луки, стрѣлы, рогатины, силки, ловушки, а особливо самострѣлы, и приученыхъ къ гоньбѣ звѣрей собакъ. По причинѣ великаго множества настороженныхъ самострѣловъ не можно безъ Тунгускаго проводника ходишъ или ѣздишъ по ихъ лѣсамъ. Провожашые же признаютъ сіи мѣста по надломленнымъ вѣшьямъ деревь или по другимъ какимъ едва примѣнымъ знакамъ. Поелику они ходятъ на звѣриной промыселѣ обыкновенно по одиночкѣ, и при томъ смѣлы, шо не мало пропадаешъ ихъ отъ не-

Часть III.

Е.

(*) *Salmo gregarius.*

щасливыхъ приключеній, паденія съ горъ, увязванія ногами промѣжъ выблюющихся накипей, конии каменистыя горы усыпаны, также ошъ быспрошы рѣкъ, ошъ хищныхъ звѣрей, и шакъ далѣе. Ежели кто изъ звѣриныхъ промышленниковъ переломитъ себѣ ногу или увязнетъ шакъ, что ни какъ самъ выбыться не можетъ; но удаленъ будучи ошъ всякой помощи приближается медлишелью или ошъ мученія или ошъ голоду къ концу своей жизни, ежели какой ни есть хищный звѣрь не прекратитъ скорѣе его страданія. Упражнявшійся щасливо въ звѣриной или рыбной ловлѣ Тунгузъ прикидается за содержаніе оленей; оскудѣвшій же оленный Тунгузъ берется за звѣриный промыселъ и рыбную ловлю, либо разводитъ собакъ: но ни шомъ, ни другой не промѣняешь лѣсовъ и горъ на чистыя степи, или звѣринаго и другихъ промысловъ на скошоводство.

Стеллыя Тунгузы находящяся почти въ одной Дауріи при Оношѣ, Аргунѣ, Баргузинѣ и проч. Они имѣють лошадей, кошорыя сосзавляють главное богатство, рогатой скотъ, овецъ, козъ и верблюдовъ. Во всемъ своемъ хозяйствѣ и житіи, также въ юршакъ и прочемъ, уподобляются Буряшамъ, коимъ они послѣдовали, и уже во время Россійскихъ завоеваній жили съ ними въ сосѣдствѣ и упражнялись въ скошоводствѣ. Одиакѣжъ они не столько заводны, какъ Буряшы. Между Тунгузами не легко сыскать такого челоука, кошорый бы имѣлъ шысячу лошадей, пять сотъ рогатого скота, до двухъ шысячь овецъ, около ста козъ и до пятидесяти верблюдовъ; между Бурянами же, о кошорыхъ буду говорить послѣ, былъ бы такой челоукъ не въ диковину. Оскудѣвшій степный или конный Тунгузъ служитъ своей брашнѣ или Россійскимъ мужикамъ изъ хлѣба и плашежа за него подушного окладу.

Между *лѣсныхъ Тунгузами* есть и *кузницы*: но другихъ ремесленниковъ нѣтъ ни какихъ. Наковальня, молотъ, шернутъ, клещи, кошорыя они шакъ какъ и самое желѣзо вымѣнивають на мягкую рухляль у собирающихъ подушной окладъ Козаковъ, раздувальныя мѣхи изъ тюленьныхъ кожъ, подобные нашимъ, не выключая и самага мѣшечка съ угольемъ, шяжестію вообще не больше, какъ въ полпуда: по чему всякій кузнецъ весь свой приборъ совокудно съ привсаами удобно можетъ носить съ собою подъ пазухою. Ежели гдѣ надбно ему поработать, то складываетъ въ одно мѣшо нѣсколько каменныхъ обломковъ, дѣлаешъ изъ глины для мѣ-

ховъ трубу, и куестъ, сидя на веслахъ, заступы, копейца на спрѣлы, огнивы, ножи, пилы, копыя, жеснямыхъ и доловъ и сему подобное лучше, нежели бы подумашъ можно.

Женскія упражненія, свержъ варенія пици, сношрѣнїа задѣшми и шакъ далѣе, сосношѣ въ сушенїи рыбы, выдѣлываїи кожъ, шитьѣ одѣянїа, крашенїи и сему подобномъ. *Млгкую* *рухляды* выдѣлывающъ нарядно; а особливо *замша* ихъ ошѣнно хороша. Налимовыя и другїя рыбы шкуры выдѣлываютъ они не хуже Обскихъ Ошаконъ. Шитьѣ ихъ и вичуры, изъ разшипаныхъ жилъ и волосу выводимыя, также крашенїе кожъ, а особливо шерси сѣ бѣлыхъ козъ и лошадей снимаемой, весьма не дурны.

Юрты (Аранъ) и *домашній скарбъ* лѣсныхъ Тунгузовъ не меньше просы, какъ и самое ихъ житїе. Они сославляющъ изъ до или ж 20 жердей или колышковъ шолбѣ, къ верху уже сведенїи и скрѣпляющїйся шамъ зубцами, на землѣ же занимающїи пространство въ поперешникѣ отъ 2 до 2½ сажень. Сїю изъ колышковъ состоящую решешку покрываютъ они наметами изъ вываренной и на подобїе холста спишой бересты. Края оныхъ обшивающъ какъ для красы, такъ и для крѣпости полосками изъ бересты же, какъ будто плешною. По самой серединѣ юрты виденъ очагъ, сѣ кошораго поднимается дымъ сквозь полуто вершину юрты. Въ мѣстѣ дверей раздвинуты двѣ жерди подалѣе одна отъ другой, и занавѣшены неприкрѣпленными берестовымъ наметомъ, кошорой можно или ошпопыривашъ или поднимашъ въ верхъ. Когда они ошкочовываютъ на другїя мѣста, шо ренешки покидаютъ, а наметы, свернувъ въ шрубку, берутъ сѣ собою. Таковыя ихъ юрты на взглядъ весьма недурны; но отъ стужи, какъ легко разсудить можно, худое убѣжище. Зимю спивающъ ихъ больше въ закрышїяхъ горъ, лѣшомъ же такъ близко къ водѣ, что въ иву не привычному человеку страшно бы показалось и войши.

Домашній ихъ *скарбъ* состоящъ въ одномъ мѣдномъ либо чугуномъ кошлѣ, въ щепяныхъ, берестовыхъ либо и кожаныхъ сосудахъ, въ плашяныхъ ящикахъ, украшенныхъ кожею и шитьми вичурами, въ мѣшкахъ (Чамбуллы), колыбеляхъ, лыжахъ, саняхъ подъ собакъ, заступахъ, шопорахъ, лодкахъ, снасти для звѣрнаго промыслу и рыбной ловли, оружїи и прочемъ. *Застулы* ихъ длиною фуша въ шолтора, нѣсколько выгнушы, и обложены жемъвомъ шолько на концѣ. *Колыбели* сущъ не иное что, какъ ошкрытыя ящїки изъ бересты, въ вышину почти на пядень, и обшїану-

шы кожею. Они сведены шупымъ угломъ, на подобіе кресель; по чему перевязанное дитя сидитъ какъ будто прислонясь. А дабы голова у него не измялась, що вырѣзана на днѣ дыра. Надъ головою дитяши вѣшаютъ небольшихъ жестяныхъ идоловъ, какъ будто хранишелей. Въ прочемъ можно шаковую колыбель и съ дышатемъ вмѣстѣ посредствомъ ремня вѣшать въ юртахъ, на вѣтвяхъ деревъ, также прикрѣплять къ сѣдлу или и черезъ плечо перевѣшиваясь. Юрты и домашній скарбъ шепныхъ или конныхъ Тунгузовъ подобны Бурятскимъ, которыхъ описаны будутъ послѣ, а послѣдній сходствуешь отъ части съ теперь только описаннымъ.

Одѣяніе ихъ сходно наибольше съ Якускимъ, но шивъ паче ошвино отъ одеждъ почти всѣхъ прочихъ Восточныхъ народовъ. Кожаное плащье или *шубы*, которыхъ носятъ они на голомъ шлѣ, корожкія *штаны* и долгіе кожаные или шепные *салогн*, почти совершенно подобны Якускимъ: однакожъ одѣяніе ихъ обыкновенно еще короче и уже, да и салогн свои не шакъ часто, какъ Якушы, украшаютъ черными и бѣлыми полосами изъ необдѣланныхъ звѣриныхъ шкуръ, но изпецряютъ ихъ красивымъ шивьемъ или спроченьемъ и бисеромъ. Въ штанномъ поясѣ есть снурокъ, которымъ прикрѣпляютъ они штаны къ поясницѣ; а въпереди виденъ небольшой въ пядень длиною запонъ, изъ желшой или шемной выдѣланной кожи, которая отъ части всплошь, а отъ части въ низу шолько съ краю изрѣзана въ узенькія полѣски. По елику верхнее плащье, которое въпереди стягивается снурками, не совсемъ сходится, шо привѣшивающъ они по большой части красиво выспроченной и корольками или раздувающимся крашенымъ волосомъ конскимъ или козьимъ выложенной нагрудникъ, который шириною къверху въ ладонь, а въ низу въ пядень, доспаетъ до половины лядвей, и держишся около шеи на веревочкѣ. Лѣшомъ же носящъ они плащье по большой части въ распашку и нагрудника не надѣваютъ. Благоговѣйные и суевѣрные носятъ на шаковыхъ нагрудникахъ, а лѣшомъ и просто на груди, жестянаго идола, во образѣ челоуѣка, звѣря, птицы и проч. представленнаго и уповающъ на его покровительство, ожидающъ себя отъ него щастія въ звѣриномъ промыслѣ, и шакъ далѣе. *Лѣшомъ* носятъ также многіе изъ нихъ штаны и сапоги изъ наливовыхъ и другихъ рыбныхъ шкуръ. Зимю носятъ небольшіе по икры шолько пущенные полусапоги изъ необдѣланной кожи съ оленьихъ или лосиныхъ ногъ, подъ кошорме

Алунгузъ.
Ein Tungus.
Un. Tounquoise.

Тунгусъ на охотѣ.
Ein Tungus im Jagd-Kleid.
Un Tourngouse en habit de chasse.

подшивающъ копченыя подошвы. *Зимнее одѣяніе* шьется по большей части изъ бѣлыхъ оленьихъ шкуръ, но не рѣдко и изъ другихъ звѣриныхъ кожъ, которыя волосомъ обращаются на ружу, однако ни чѣмъ не полиће лѣшняго завшаннаго плашья. Они шолько любящъ легкое, свободное и разпашистое или спрланное на взглядъ плашье, чшо кромѣ волосяной бахрамы, шириною въ ладонь, около обшивки плашья находящейся, пришивающъ нерѣдко еще и къ поясищѣ большіе, пядени въ двѣ длиною, пуки изъ бѣлаго, краснаго или чернаго волосу, которыя раздуваются ошъ въшру шакъ, какъ и бахрамы. Лѣтомъ ходящъ всѣ просшоволосы; а зимою носящъ шапки изъ звѣриныхъ кожъ, а особливо изъ серныхъ головъ, на которыхъ оставляющъ какъ уши, шакъ и молодые рога; ошъ части же надѣвають на голову и небольшія скуфъ подобныя теплыя шапки; которыя, когда шерстью пускаются въ низъ, сврочащъ волосами и разпещряющъ бисеромъ. Волосы завязывающъ лѣсныя Тунгузы на запылкъ плоско, и шакъ ихъ оставляющъ не заплешая; къ завязкѣ же прикрѣпляютъ красивую королюками унизанную накладку. Оленьи Тунгузы, когда волосы корошки, часто ихъ и не перевязываютъ. У многихъ видны на лицѣ, какъ у Американцовъ, Гренландцовъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ, а именно на щекахъ, на лбу, и на подбородкѣ синими точками выведенныя *изображенія*, представляющія просяженія, дуги (или безпорядочныя виды; тщеславные родиншлы вышивающъ ихъ шести и десятилѣтнимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ намоченными сперва слюною, а по томъ около кошла въ сажъ вычерченными нитками, которыя продѣваются сквозь кожу шокмо на пролетъ. Лицо крайне ошъ шаковаго шитья разгорается; но синіе пышнышки или шочки никогда не пропадаютъ. Теперь дѣлается сіе единственно изъ пышности; а въ прежнія времена, какъ и *Иродотъ* утверждаетъ въ разсужденіи Эракіянь, означало оно геросвъ. Многіе перевѣшиваютъ лѣтомъ черезъ плечо для пуганья мухъ пучокъ конскаго волосу, и при томъ носящъ при себѣ мягкую и блестящую кожу съ селезнихъ головъ, для выширанія оною изъ глазъ мошки.

Женщины носятъ такое же шочно *лапте*, какъ и мужчины, и не больше ихъ наблюдающъ чистоту и въ разсужденіи своего шѣла. Бабъ и дѣвокъ по плашью ня какъ разпознавашъ не можно. Бабье одѣяніе обыкновенно бываетъ нѣсколько пополняе, шакже по большей части красяще и опрянище мужскаго. Нѣкоторыя носящъ около шеи узкія решешки изъ пронизокъ, покрывающія нѣсколько и

грудь. Иные придепляютъ къ плащю, послѣдуя обычаю Якутѣ, наперстки и другія бракушки (Удэи). Лѣшомѣ носятъ многіе совсемъ изъ рыбьихъ шкурокъ, по вышеописанному порядку сѣланное плащье. Женщины прудятся надъ всемъ шѣмъ, что принадлежишь къ одѣянію, чрезвычайно рачительно, и оказываютъ въ шитьѣ и смоченѣ большее искусство, нежели какого бы чаяшя можно было отъ сихъ непросвѣщенныхъ людей. Молодые, изрядно одѣшые Тунгузы и Тунгузки собою спашны, миловидны, веселы, смѣлы въ пошупкахъ и нарочито пригожи. Шаманы и Шаманки при совершеніи своего идолослуженія наряжаются совсемъ ошибѣнно: но объ нихъ буду говорить послѣ.

Стелные или *конные Тунгузы* живутъ и одѣваются лучше и нѣжнѣ совершенно сообразно Бурятамъ; и при томъ заплешающъ они по Монгольскому обыкновенію волосы на макушкѣ, а въ прочемъ бреющъ всю голову.

Они *дѣлѣт* всѣхъ четвероногихъ звѣрей, не изключая и хищныхъ, также ласчоекъ, мышей, словомъ сказать все безъ разбору, да и самую падалицину, когда только не съ лишкомъ воняешь; всѣхъ птицъ и рыбъ: но змѣи, ядерицы, лягушки, настькомыс и черви кажутся имъ гнусны. Изъ царства растѣній заимствуютъ они себѣ въ пищу разные коренья, вырываемые ими въ изобильномъ количествѣ изъ норъ волящихся въ странѣ ихъ особаго рода мышей (*), также ошибѣнную свою сарану (**), комки изъ шарлыку (***), соевнкой стрѣлы или молочайнику (****), разныя дикорастущія ягоды, а изъ травъ больше дикіе роды прасу.

Зимній запасъ лѣсныхъ Тунгузовъ состоишь кромѣ того что достаютъ они ежедневно на охотѣ, въ замороженныхъ, сушеныхъ на солицѣ, или копченыхъ рыбахъ, въ мясѣ такимъ же образомъ отъ порчи сохраняемомъ, въ мерзлыхъ дикорастущихъ ягодахъ, а у оленьихъ Тунгузовъ еще и въ сырѣ. Запасъ хранятъ отъ части въ вырытыхъ въ земляхъ погребахъ, а отъ части въ небольшихъ голубяшмяхъ нашимъ подобныхъ чуланахъ, которые они для безопасности отъ хищныхъ звѣрей строятъ выше земли на одну или на двѣ сажени на лесинахъ срубленныхъ деревь.

(*) *Mus selenomicus*. Pall.

(**) *Lilium Martagon* & *potpourium*.

(***) *Polygon vivipar*.

(****) *Sanguiforba*.

Тунгусъ въ охотничьемъ платьѣ съ тыла.
Ein Tungus im Jagd Kleid rückwärts.
Un Tougouse en habit de chasse par derrière.

Пищу готовятъ себѣ просто и неопратно. Мяса какое бы ни было, отнюдь сырого не ѣдятъ; варятъ же просто въ водѣ почти всегда безъ соли, или жарятъ, держа надъ огнемъ на деревянныхъ рожнахъ. Ъства ихъ *Силло* есть не иное что, какъ мясо смѣшанное съ дикими кореньями. Кровяныя колбасы дѣлаютъ совсемъ просто, а именно: выворотя кишку, наполняютъ ее безъ всякаго чужденья кровью, а по томъ варятъ. Когда они изрубленные пошрохи вмѣстѣ съ кровью кладутъ въ кишки, то колбасы ихъ называются тогда *Нилви*. *Жиръ* и *сало* ѣдятъ изъ горсти голое безъ хлѣба и соли. *Колченое мясо* и *рыбы*, равно что и другое на солищѣ сушеное, ѣдятъ безъ всякаго варенія. Самая мерзкая ихъ ѣства есть жареное или вареное *мѣсто роженецъ*, которое они въ первомъ случаѣ *Силлаго*, а въ другомъ *Еделалоу* называютъ. Опцы очищаютъ его наилучшимъ кускомъ, да и машери отъѣдываютъ; при томъ созываютъ для отъѣдыванія сей ѣствы однихъ только наивеличайшихъ друзей, къ которымъ въ семь случаевъ не всякъ бы чужой человекъ пожелалъ бытъ причисленъ. Когда они отъ принимающихъ подашь Козаковъ могутъ вымѣнить на мягкую ружьядь шуку, то варятъ изъ оной жидкую соломаху.

Они *льютъ* всегда чистую воду, весною по нѣскольку березоваго соку, мясные и рыбные отвары, и вареную съ пьяною правую (*) съ серебрянными листочками, и съ шелухою кедровыхъ шишекъ, воду безъ всякой другой примѣси. Дабы слюна служила лѣтомъ къ ушоленію жажды, то жуютъ липвичной клей. У лѣсныхъ Тунгузовъ, кромѣ шабаку, нѣтъ въ употребленіи ничего пьянаго, да и томъ курятъ изъ маленькихъ Китайскихъ трубокъ, перемѣшавъ съ ихомъ: по чему и бываютъ во всю жизнь свою презвы. Охоткія и другія Сѣверныя поколѣнья употребляютъ для веселости духа шакъ, какъ Отяки и Якушы, *мучоморы*. Спешные и заживнѣйшіе олени Тунгузы пьютъ лѣтомъ *переквашенное молоко*, а первые и вино изъ молока выкуренное. *Перегонный приборъ* весьма сходствуетъ съ тѣмъ, какой у насъ употребляется. Они спавяшъ на кошель наполненной кислымъ молокомъ деревянное дупло, по срединѣ котораго находится решепчатая доска, у коей на верхней сторонѣ слѣзаны жолобочки, склоняющіеся къ боковой дупла екважинѣ. Съ наружи покрывающіи они дупло наверху войлоками, а скважины около кошла замазываютъ глиною. Поднимаю-

(*) Rhododendr. dauric.

дѣся отъ разложеннаго подъ кошломъ огня сквозь решетку крѣпкіе пары, собирающія въ жолобчакъ и спекають боковою скважиною, къ коей придѣлана труба проводящая ихъ въ сосудъ.

Въ *обхожденіи* они отнюдь себя не принуждаютъ. Они говорятъ не много, да и то безъ околичностей. Будучи по природѣ люди добрые, всегда веселы и рѣдко одинъ другаго обижаетъ. Прозвѣтъ у нихъ вовсе нѣтъ, но всякъ требуетъ того, чего желаетъ, и вѣрно получаетъ, когда только есть что дать; либо въ то же самое время слышитъ отъ каждаго безъ огорченія. Нѣжности вышшаго степенія имъ не знакомы: однакожь свойственна имъ какъ будто холодная, но дѣльная дружба. Они иногда и нѣсколько лѣтъ не видавшись, не здоровкаются; да и разсѣются по большей части безъ прощанья, и слушаютъ безъ примѣшнаго состраданія, когда говорятъ о несчастіяхъ, да и о самой смерти ихъ друзей. До старости же дожившіе друзья увидѣвшись послѣ долговременной разлуки обнимають другъ друга, и при томъ иногда такъ плотно, что въ лицѣ оба песиньютъ; иногда же и цѣлуются. Женской полъ у Тунгузъ гораздо чувствительнѣе мужскаго; иногда стоить немалого труда воздержатъ молодыхъ вдовъ отъ самоубійства, и такъ далае. *Ласковыя* ихъ слова суть слѣдующія: дружокъ (Ника), дѣшешка (Ута), башюшка (Амениканъ), машушка (Онимиканъ), шаричокъ и добринькой (Кашпунъ). Упошребительнѣйшія же *ругательства* суть: воръ, бѣсъ, (Буня), проклятой (Чилкуръ). За подарки почти и не благодарятъ: но при всемъ томъ оказываются весьма услужливыми, провожаютъ своихъ благодѣтелей нѣсколько дней долѣе, и доставляютъ имъ иногда и на свой счетъ забавы, которыя въ естественномъ ихъ состояніи почитаются наибольшими. Сколько они голодъ сносить могутъ, столько и попросивъ того и ѣдятъ здорово, да при томъ безвременно. Во время ѣды сидятъ на землѣ на цыпкахъ. Кто бы ни пришелъ, всякаго угощаютъ, хотя и послѣднимъ кускомъ. Ни передъ ѣдою, ни послѣ оной не молятся. Для прогнанія отъ себя лезающей въ превеликомъ множествѣ машки, которая крайне беспокоитъ, перевѣшиваютъ часто, кромѣ махала и селезыхъ головъ, какъ о томъ сказано выше, небольшіе горшечки, въ кошорыхъ курится гнилое дерево, черезъ плечо такъ, что курево сіе то въпереди, но назад виситъ, смотря по дѣлу ихъ и по вѣтру: и такъ они безпрестанно бываютъ въ дыму, отъ чего около носу нарочито смугла бываетъ у нихъ кожа.

Систота не въ великой у нихъ чести. Они никогда не умывающся, и ни какой посуды не выполаскиваютъ, но за велико считающъ и то, когда выпрутъ овчиною, которую вышаскиваютъ иногда и изъ колыбели. Когда у себя или у дѣшей выскриваютъ вшей, то гадину сію глотаютъ. Они не гнушаются и дѣтскими нечистями; сопливые ихъ носы берутъ къ себѣ въ ротъ, и высосавъ возгри глотаютъ; много у нихъ и другихъ таковыхъ мерзостей. У людей живущихъ столь союзившшвенно простотѣ человечества, не могутъ быть наблюдаемы наши понятія о стыдливости. Дѣти, будучи уже и нарочито взрослые, ходятъ не рѣдко со всеи нагѣ; да и совершеннолѣтніе обоихъ половъ, однако не дѣвки, сидятъ также возлѣ огню нагѣ до половины, шо естъ имѣютъ на себѣ одни только коротенькія штаны, или попрыгиваютъ въ такомъ же сосояніи и виѣ своихъ юрпѣ. По привычкѣ и по шому, что почти всѣ взрослые женашы, обычай сей безвреденъ и не соблазнишель.

Лѣсные Тунгузы при естественномъ, шрезвомъ и не напужномъ жишii своемъ не прельщаются ни деньгами, ни крушцами, выключая желѣзо, ниже другимъ чемъ, надобнымъ намъ по житейскимъ нашимъ обрядамъ и прихотямъ. Напротивъ шого дѣшей, здоровья и старости желаютъ. Они *любятъ дѣтей* чрезвычайно: но сіи бываютъ имъ на старости и пишомцами. Однако они не плодородны: мало такихъ матерей, которыя имѣютъ четверыхъ дѣшей; а сіе производимъ можетъ быть частію ошъ суроваго жишii и ошъ шого, что долго кормятъ дѣшей грудью, шо естъ иногда и до пятого года. Бабы ихъ родятъ легко, и начинаютъ шощъ часъ послѣ родовъ ходить; да и откочовываютъ вмѣстѣ съ мужьями, которые почитаютъ ихъ четыре недѣли послѣ родовъ нечистыми. Кто ни будь изъ приятелей нарекаетъ младенцу безъ всякихъ обрядовъ вѣры имя, какъ н. п. *малыккалѣ: Шелинга, Уркуцац, Авишка, Атучга*, и такъ далѣе; а *дѣвкамъ: Алакмурѣ, Оюкѣ, Тучегила* и проч. Младенцы лежатъ въ колыбеляхъ нагѣ, и обсыпаны во кругъ изшертымъ гнилымъ деревомъ: покрываютъ же ихъ шубнымъ лоскушомъ.

Многоженство у нихъ не запрещено, и многіе имѣютъ женъ по пяти, однакожъ больше такихъ, у которыхъ по одной шолько жѣнѣ. По елику всякъ стараешся, какъ можно скорѣе, завестись своимъ хозяйшвомъ; шо сочетаніе для обоихъ половъ нужно, и совершается въ весьма молодыхъ лѣтахъ; по чему пятнадцатилѣтніе

мужи и двенадцатилѣтнія бабы и вдовы у нихъ нѣрѣдки. Невѣстѣ они выкупаютъ. Спешные и конные Тунгузы дають *за невѣсту выкупу* (Шурунѣ) отъ 20 до 200 всякаго скота; оленій Тунгузъ дасть отъ одного до 20 оленей; рыболовствующій Тунгузъ платитъ за избраннаго своего шестя года по 2, по 3 и больше подушной окладъ. Приданое (Иши) равняется почти противу четвертой доли выкупу; невѣста же даритъ отъ себя жениха платьемъ, кошорое служитъ свидѣшельствомъ въ разсужденіи искусства ея въ выдѣлываніи кожъ и шитьѣ. По исполненіи рядной начинають женихъ и невѣста спать вмѣстѣ, безъ предварительныхъ торжественныхъ обрядовъ; когда же они переходять жить въ новую юрту, то бываетъ празднество. Конные Тунгузы ѣдять при томъ съ друзьями своими и приятелями лошадей, оленей оленя, а рыболовствующіе дикаго звѣря, какого къ сему случаю убитъ удастся какъ н. п. волка или лисицу. Въ случаѣ же неудачи въ звѣринонъ промыслѣ убиваютъ собаку; по крайней мѣрѣ дасть общаніе поднятъ шаковой столъ жениховъ отецъ или свекоръ.

Уаселенія ихъ при брачныхъ поѣздахъ и въ праздники состоятъ въ повѣшываніи вымышленныхъ приключеній, кошорыя они иногда и воспѣваютъ въ пѣсняхъ, о звѣринонъ промыслѣ, о любви и проч. въ пляскѣ по досчатой скрипкѣ (Куръ) о трехъ струнахъ; мужчины же забавляются наибольше бѣганьемъ въ запуски, выпреживаніемъ на лошадяхъ, и спрѣлньемъ изъ луковъ.

Болѣзней у сихъ крѣпкихъ, умѣренныхъ, веселыхъ и безпечныхъ людей мало, а собственныхъ и вовсе нѣтъ: однакожъ рѣдко кто и у нихъ доживаетъ до глубокой старости. Старики лѣтъ въ 70 весьма у нихъ рѣдки. Рѣдкіе глазъ отъ дыму, и цынга отъ непрывычки къ спокойному житію, суть обыкновенныя шогости въ старости. Нѣсколько кратъ, да и за тридцать лѣтъ предъ симъ, весьма нагубна для нихъ была оспа. Идолослужители ихъ суть совокупно и врачи; стараются же пособить домашнимъ лѣкарствомъ, приношеніемъ жертвы и волшебствомъ.

Покойниковъ своихъ хоронятъ въ одѣянніи, и надѣляютъ ихъ табашною и другою надобностью; мужчинамъ же дають и оружіе. Когда отъ покойника не было особливаго завѣщанія, то погребаютъ его шамъ, гдѣ умеръ; Шаманы и другіе ходятъ исплѣтъ на чистомъ воздухѣ, по чему и покрываютъ ихъ только камнями и хворостомъ, у первыхъ же вѣшаютъ еще и барабанъ; нѣкопорые, заврошивъ шого, желаютъ преданы бытъ погребенію или воалъ род-

Тунгуской Шаманъ при рѣкѣ Аргоунъ съ лица.
Ein Tungusischer Schaman am Argoun Flufs vorwärts.
Dèvin tungouise auprès de l'Argoun par devant.

Тунгуской Шаманъ при рѣкѣ Аргунѣ сзади.
Ein Tungusischer Schaman am Argun Fluss rückwärts
Devin toungeuse auprès de l'Argoun par derrière.

ственниковъ или возлѣ какого ни ешь любимаго дерева. Похороны отправляютъ приятели безъ всякихъ обрядовъ; а пошомъ одинъ послѣ другаго потчуютъ покойника, сшая на могилу его пищу и пишье: и сіе называется у нихъ *Шитуралъ*.

Законъ содержитъ *языкской* по *Шаманскому толкованію*. Верховное или всеобщее божество называютъ *Боа*, діавола *Буги*, а ждолослужиселей и волшебниковъ *Шаманами*.

ВОСТОЧНЫЕ СИБИРСКИЕ НАРОДЫ.

Ближайшая къ Сѣверу матерая земля Сибири извѣстна стала Россіянамъ въ послѣдней половинѣ шестаго надесяшь столѣтія, и завоеваніе оной по причинѣ отдаленности, суровости мѣстъ и дикости шамошнихъ жишелей, не могло производить иначе, какъ шокмо медлительно. По 1690 годѣ извѣстна была Камчатка по одному шолько слуху; занятіе же оной воспослѣдовало въ 1696 году. Въ 1710 году найдены Курильскіе острова. Въ 1727 году воспріяло начало свое Камчатское морское пушешествіе подѣ предводительствомъ *Беринга*, продолжавшееся до 1741 года. Во время онаго Восточные, а отъ части и Сѣверные берега Сибири, острова на морѣ между Сибирью и Америкою, а особливо Курильскіе, также Японія, да и самая матерая земля Америки, отъ части ближе опредѣлены, отъ части открыты, отъ части же и посѣщаемы были. По томъ бывали въ мѣстахъ сихъ и на островахъ Россійскіе промышленники, Козаки и Купцы, а въ послѣднія времена доѣзжалъ до нихъ Капишанъ Берингъ, и мало по малу обложены нѣкошорые подушнымъ сборомъ. Чудкой мысъ, называемой и Шелашскимъ, и вообще Анадырская страна, прежде Камчатки стала извѣстна, и въ 1738 году и послѣ по большой части войскомъ состоявшимъ подѣ предводительствомъ Маіора *Павлуцкаго* пройдена и завоевана: но дикіе шамошніе жишели не всѣ пребыли въ повиновеніи.

Тѣ же самыя обстоятельства, кошорыя противуполагали препоны завоеванію и удержанію сихъ странъ, препятствовали и приобрѣтенію точнаго объ нихъ свѣденія, по елику они по большой части не видамы были испышателями никогда. Все знаніе объ нихъ основано на изустныхъ преданіяхъ, кошорыя однакожъ въ отношеніи къ народамъ сихъ странъ, по елику устройства ихъ и страные въ жишій обряды и самимъ воинамъ и купцамъ гораздо примѣшнѣе, нежели качество холодной, суровой и къ жишю Европейцовъ почти вовсе неспособной земли, не шолько не совершенны, какъ въ разсужденіи онаго естешественнаго состоянія. *Стеллеръ*, *Крашенинниковъ* и *Миллеръ*, всѣ шрое члены здѣшней Санктшербургской Академіи Наукъ, а особливо Кавалеръ Палласъ сообщили объ нихъ наипространѣйшія и лучшія извѣстія: однако и разныхъ неученыхъ пушешествениковъ сказки о томъ вѣрны и полезны. Я пошчерпну и внесу сюда изъ шаковыхъ извѣстій все шо, что до предѣла моего касается.

Между ними народами *Юкагиры* съ *Якутами*, *Тукси* съ Сѣвернѣйшими *островскими жителями*, *Камгадилы* съ нѣкоплыми *Курильцами* и *Восточными островскими жителями*, въ языкѣ и жишѣ нарочито сходствуютъ, а *Коряки* составляютъ какъ будто бы межузокъ между *Чуцкими* и *Камчадалскими* народами. Но у всѣхъ сшодъ великая разность въ языкѣ, жишѣ, нравахъ и прочемъ, что и сходства почти не примѣтно: по чему безъ точнѣйшихъ до происхожденія ихъ касающихся извѣстій или рачительныхъ испытаній не можно ни чего положительно сказать о ихъ единоплеменствѣ и породѣ относительно къ ихъ предкамъ. Я же по навлренію моему, касающемуся до нынѣшняго ихъ состоянія, описываю ихъ адѣсь по порядку подъ именемъ *Восточныхъ Сибирскихъ народовъ* больше въ разсужденіи ихъ смежности, нежели по сшашимому древнему ихъ единородству.

Юкагиры и нынѣ еще нарочито знашнй народъ, кочующей въ ближайшихъ къ Сѣверу Якушкихъ мѣстахъ и около самаго Ледовитаго моря, въ Восшочной шсторонѣ *Аены*, отъ *Амы* до самой *Колымы*.

Они, по народной молвѣ, почши столь же давно, какъ и Якушы, извѣсны были Россійскимъ завоевателямъ Сибири: но какъ они жили въ ближайшихъ къ Сѣверу, въ суровѣйшихъ и непроходимыхъ странахъ, то первые Юкагиры не прежде, какъ въ 1639 году начали плашшь подушный окладъ: чему прошивились и вооруженною рукою. Лошади совсемъ имъ были неизвѣсны: у Якушъ напрошивъ шого оныя попадающся. И по шому думашъ надобно, что они издавна уже живущъ въ сихъ холодныхъ, болошистыхъ и гористыхъ мѣстахъ.

Нынѣ кочуетъ при нижней *Амѣ* пять Юкагирскихъ колѣнъ, плашящихъ полушнй окладъ за 287 душъ въ *Устьямское Зимовье*, которое отстоитъ отъ Якуцка на 1184 версты къ Сѣверу. При нижней *Индигиркѣ* и *Алазеѣ*, вышедшихъ изъ Ледовитаго моря рѣкахъ, около *Удядинскаго Зимовья* кочуютъ четыре поколѣнья, шоторыя приписаны къ *Алазейскому Зимовью*, отшюающему отъ Якуцка на 1369 вершъ въ Сѣверовосшочную сторону. При нижней *Колымѣ* живетъ 20 колѣнъ, изъ коихъ семь называются Юкагирами и состоятъ изъ 677 душъ. Они ошдають подушною окладъ въ зимовьяхъ при Колымѣ, изъ коихъ нижее лежитъ въ 1914 верстахъ отъ Якуцка въ Сѣверовосшочную сторону во 100 верстахъ выше устья Колымы, впадающей въ Ледовитое море. Весь народъ плашшь подашь за 964 души. Но ихъ въ пустыняхъ шакъ трудно отыскивать, што число непереписанныхъ мужинъ, шакже женъ и дѣшей, по крайней мѣрѣ въ шешверо превозходитъ, въ ошношеніи ко всему народу, помянушое количество.

Въ разшужденіи *вида* и упошребительныхъ у нихъ обрядовъ походящъ они на *Якутв*, въ жишн же сходшвуютъ съ *Семоядью*. *Одѣяніе* ихъ шакимъ же образомъ составлено. Въ *языкѣ* ихъ много Якушкихъ словъ, но отнюдь не столько, штобы можно было пошестъ его Якушскимъ нарѣчіемъ; ни они Якушъ, ни сіи ихъ никакъ не разумьютъ. Идолослуженіе ихъ сходшвуетъ съ Якушскимъ. Они кажутся бышь особымъ и ошдѣленнымъ народомъ еще и по шо-

жу, что живущіи совсѣмъ ошцещаясь и не имѣя ни какого обращенія съ другими народами.

Они *козуютъ*, какъ и Якушы, въ юрсахъ и заимствуютъ себѣ пропитаніе ошъ звѣринаго промысла, рыбной ловли и содержанія оленей. Нѣкоторое поколѣнне, которое Коряки называютъ *Аитялами*, имѣетъ, какъ слышно, всплошь пѣгихъ оленей. *Бствы* у нихъ така же, какъ и у Якушъ.

Они *любятъ* больше, нежели другіе Сѣверные жители, *улоеніе* в бреженне, и употребляютъ на такой конецъ *табакъ* да *мухоморы*, по примѣру другихъ Сѣверныхъ Сибиряковъ. Они ѣдятъ не только ошъ одного до чешырехъ мухоморовъ, но и, какъ повѣствуетъ *Стеллеръ*, почитаютъ и мочу упившихся къ произведенію такового же дѣйствія способною: по чему оную и сберегаютъ. Ошъ употребленія мухоморовъ не примѣшивъ слянаго въ крови волненія: но въ нервахъ производяшъ они столь великое дѣйствіе, что нѣкоторые во время бреження безпрестанно шр сущя. Какъ Юкатирскіе, такъ и Тунгузоламушскіе Шаманы принимаютъ всегда передъ своимъ упоеніемъ по доброму глотку шаковой мочи. Въ прочемъ бываютъ также упійды на старосши глупы. Во время упоенія думаютъ про себя, что они люди большіе, толстше и богатше: иные шаютъ также лежа на спинѣ красивыя пѣсни о любви или звѣриномъ промыслѣ; другіе мелютъ пустошь о будущемъ, и такъ далѣе. Будучи въ наивеличайшемъ упоеніи кричатъ и шумятъ, пока не уснутъ. Инымъ совсѣмъ не можно употреблять мухоморовъ, по тому, что послѣ оныхъ сами на себя ѣстервеняютъ. Такое дѣйствіе производяшъ они, какъ слышно, и всегда, когда кто въ упоеніи коснется женскаго пола; по чему шрезвые и ошвращаютъ ошъ того упоенныхъ.

КАМЧАДАЛЫ.

Полуостровъ *Камгатку* составляетъ каменистый и бесплодный хребтъ горъ, простирающійся отъ матерой земли Коряковъ между Восточнымъ моремъ, также Пенжинскимъ морскимъ заливомъ и Охотскимъ моремъ въ Южной сторонѣ, на Западъ, и въ краѣ Курильскихъ острововъ на многихъ мѣстахъ моря до самой Японіи продолжается. Сія земля, находящаяся между 51 и 62 степеней Сѣверной широты, не столько по Сѣверному, сколько по Восточному своему положенію, кошрое по новѣйшей картѣ находится подъ 174 степенемъ, и по причинѣ каменистой подошвы, холодныхъ ключей, недостатка въ плодородной землѣ, и дѣйствія стужи особливо лѣтомъ, крайне неспособна ни для хлѣбопашества, ни для скотоводства; она едва можетъ быть обитаема привыкшими къ Европейскому житію людьми, и по справедливости почитается несчастнѣйшимъ мѣстомъ обширной Россійской Имперіи. Небольшое число Россійскихъ усадебъ на семъ полуостровѣ составляютъ остроги; да и шѣ разбѣяны, смотря по тому, какъ пребудемъ шого надвиганіе за Камчадалами, ссылочными людьми и шоргами, и споты казнѣ не дешево. При всемъ томъ суровыя сіи горы, по всемъ вѣроятностямъ, имѣли искони коренныхъ жителей, а именно *Коряковъ* въ Сѣверной сторонѣ къ матерой землѣ, и *Камчадаловъ*, живущихъ на лежащемъ ближе къ Югу полуостровѣ. О *Корякахъ* буду говорить послѣ, а теперь опишу *Камчадаловъ*.

Камчадалы называются сами *Ительменцами*, т. е. жителями. Полуостровъ ихъ названъ Камчашкою по рѣкѣ *Камгаткѣ*, находящейся въ Западной его сторонѣ, а сія получила наименованіе свое конечно отъ прозванія храбраго Ительмена *Конгата*, жившаго при оной.

Произхожденіе ихъ по недостатку въ бытійшвенныхъ свѣденійхъ и по причинѣ собственнаго ихъ незнанія въ разсужденіи бывшихъ прежде съ ними перемѣнъ, сомнительно. По языку, виду и житію кажутся они особливѣмъ, съ нѣкошерыми жителями ихъ морей единоплеменнымъ народомъ. Кромѣ Коряковъ, нѣкоторыхъ островскихъ жителей, а нынѣ и Россіянъ, не извѣстны имъ ни какіе другіе народы. Домашнія ихъ надобности совсемъ опѣтвинны отъ скарбу другихъ народовъ, и только просты, колико не велики собственныя ихъ нужды, подавшія имъ поводъ къ изобрѣшенію оныхъ.

Не меньше ошмѣнно и самое ихъ житіе. Все сіе свидѣшельствуетъ, что они искони владѣюшѣ своими мѣстами.

Они *раздѣляются и называются* по рѣчкамъ, при кошорыхъ живутъ, и ошѣ коихъ рѣдко переселяются къ другимъ. Ради удобности въ собираніи подати и смотрѣніи за ними приписаны они къ разнымъ острогамъ. Къ *Большерецкому острогу* принадлежало въ 1760 году 1196 записныхъ душъ, которыя живутъ въ 22 острожкахъ. Къ Верхнему и Нижнему *Камчатскому острогу* причислено 25 острожковъ, а душъ 938; къ *Тагильскому же острогу* 26 острожковъ, а душъ 940. Ежели въ разсужденіи неспочнаго счисленія, также женщинъ и дѣшей, положишь число душъ прошиву вышеписаннаго въ шрое или и въ четверо; шо количество народа будешъ при всемъ помѣ для шoliko обширной страны весьма малое, и шѣмъ паче, что въ разсужденіи ближайшихъ къ Сѣверу остроговъ положены въ счетъ и принадлежащіе къ нимъ Коряки. При помѣ же и оспа въ 1768 и 69 годахъ, слѣдовательно нѣсколькими лѣтами позже переписи, великое ихъ множество переморила.

Камгадалы обыкновенно *росту малаго*, широкоплечи, голова шпы; лицо у нихъ продолговатое и нѣсколько плоское, носъ низменный, глаза маленькіе, губы тонкіе, ноги короткіе, бороды не велики. Они весьма нечувствительны ко всякимъ перемѣнамъ погоды и жизни; на ногахъ же крѣпки и ходящѣ скоро. У *женщинъ* въ лицѣ кожа тонкая и смуглая; глаза и брови черныя, руки и ноги тонкія; да они и вообще смашны.

Народъ сей имѣетъ *воображеніе проциательное* и память добрую, да при помѣ чрезвычайную склонность и способность къ подражанію. Пѣсни ихъ и сказки преисполнены остроумными и забавными вымыслами. Что бы ни увидѣли, все поддѣлаюшѣ, и умѣюшѣ наипаче передразнивать иностранцовъ въ разсужденіи рѣчей и помаваній. Прародительскіе обычаи не строго наблюдаюшѣ; но какъ они никогда почши не разсуждаюшѣ, ошѣ содѣланныхъ прежде злодѣяній ни кѣмъ не предостерегаюшся, не думаютъ ни мало о слѣдствіяхъ или предбудущей, и такъ далѣе, шо больше послѣдуюшѣ худымъ, нежели добрымъ примѣрамъ, и развращаюшся. Они чрезвычайно любопытны: по чему сны и шолкованія оныхъ много дѣлаюшѣ имъ хлопотъ. Главная ихъ шрасть похощь и деселость, кошорой рѣдко не сошовариществуешъ безпечность и

безпристрастїе къ прочимъ прїятностямъ житейскимъ, да и къ самой жизни. Бѣднось ихъ не тревожишь; на звѣриной промыселѣ ходящъ для ушоленїя единственно голоду, и при томъ удаляются отъ хижинъ своихъ не далѣе, какъ на такое пространство, чтобы можно было возвратиться къ бабамъ ночевать. Не вѣжностъ вкуса, но изобилїе въ пищу и хмель напитки, ихъ прельщаетъ. Они завидуютъ блаженству своихъ предковъ, которые жили въ шакїа времена, что бродили въ хижинахъ по самымъ ладьшкамъ въ помояхъ, а нынѣ де и подолва едва подмокнешъ. Въ походи скопу подобны; и по тому мужчины, вопреки обыкновенїю Воспочныхъ народовъ, добровольно работосивуютъ женамъ. Не меньше любостраственъ и женскїй полъ, которїй полюбвинками своими не только хвалится и доущаетъ иностранцовъ награждать себя за всѣ услуги удовлетворенїемъ ихъ походи, но и употребляетъ неестественныя угожденїя снрасти. *Стеллеръ*, жившїй долго въ Камчашкѣ, почищаетъ причиною таковой ихъ неушолимой походи ежедневное яденїе почти гнилой рыбы, икры, сала, разныхъ родовъ луку, и сверхъ того пѣздностъ.

О гести и стыдѣ не опредѣлennыя имѣютъ они понятїя: и пошому отъ суровыхъ поступокъ больше, нежели отъ ласковыхъ, становящя въжливѣе, услужливѣе и меньше плушовашы. *Одна лохоть да раздѣле въ жити* возбуждаютъ въ нихъ завистъ: и пошому крадутъ шрѣмко женъ да собакъ: но за шаковыя покражи бывали между ими прежде не рѣдко и войны. Они крайне *боязливы*, мстятъ шолько сокровенно, и приходятъ въ отчаянїе и отъ самой малой опасности; не уповая на грядущую жизнь, бывающъ склонны отшращать зло настоящее, хотя въ прочемъ и суемысленное, самоубїисивомъ. Не только осужденные на казнъ, но и негодующїе, предпочитающъ смерть горестной жизни или сопряженному съ казнїю болѣзнованїю. Устарѣлые и изувѣченныя Камчадалы еще склоннѣе, нежели древнїе Сѣверные народы, которые стариковъ своихъ побивали, поднимать на самихъ себя руки. Болѣзненныхъ страданїй сносить не могутъ. Когда родятся близнецы, то охотно одного изъ нихъ убивающъ. То же дѣлаютъ и съ уродами. Беременныя женщины, которыя много имѣютъ дѣтей, вли чувствуютъ себѣ отъ нихъ помѣху въ нешовой своей страсти, изводятъ ихъ умышленно, и такъ далѣе. Смерть же, хотя и мучительную, сносящъ злодѣи и большыя вѣсьма спокойно.

У Камчадалъ нѣтъ ни грамоти, ни заручительныхъ знаковъ, ни ученія, ниже иныхъ какихъ знаній, кромѣ тѣхъ, въ какиѣ руководствуютъ необширныя ихъ дѣла и природа. Они имѣютъ собственной *языкъ*, котораго корень походитъ на ошрасль Монгальскаго языка, и которому трудно учиться по тому наипаче, что они названія вещей въ обласпи ихъ находящихя не заимствуютъ изъ другихъ языковъ, но сами выдумываютъ, сообразуясь природѣ или обстоятельствамъ, по которымъ они имъ попадаютъ. Они такъ, какъ и мы, *считаютъ* до десяти, а по томъ повворяютъ. По большой часни и на первомъ десяткѣ беруть уже на помощь пальцы. Незачислимость изъясляють они чрезъ сжиманіе пальцевъ, или нѣмъ, что хващаются за волосы.

Лѣтній годъ соспоитъ изъ лѣшняго и зимняго годовъ, которые они раздѣляютъ по луннымъ шеченіямъ (Тава), а сіи называютъ по естественнымъ явленіямъ, какъ и. п. *кокушкинъ мѣсяцъ* (Конкуачъ), когда начинаешь кричать кокушка, и такъ далѣе. Дней не считаютъ. Годы числятъ по новѣйшимъ и важнымъ для нихъ приключеніямъ, какъ по до-бывшимъ мясехамъ, по свирѣпствованію оспы, и такъ далѣе.

Союзъ наблюдаютъ между собою *досемьямъ*. Всякое семейство живетъ въ особомъ острожкѣ при какомъ ни будь ручьѣ или рѣчкѣ, и соспоитъ изъ нѣсколькихъ хозяйствъ. Молодые поселяются въ тѣхъ острожкахъ, гдѣ женися. Большой острожокъ раздѣляется на части, но все при томъ же ручьѣ или рѣчкѣ. Старѣйшій или коренный острожокъ пользуется нѣкошарыми преимуществами по тому, что въ немъ жилъ сынъ родоначальника Камчадаловъ и божества ихъ *Кутки*. Старшинъ острожка оказывается нѣкошорое, однакожъ малое, повиновеніе. Они указываютъ только воровъ да убійцъ, первыхъ тѣмъ, что прижигаютъ у нихъ пальцы, по чему ихъ признаютъ и презираютъ; послѣднихъ же выдаютъ обиженнымъ, которые часто поступаютъ съ ними жестоко.

Въ прежія времена бывала часто между нѣсколькими острожками, наипаче изъ покищенія женъ, междоусобная *брань*, по случаю кошорой произошли небольшіе владѣльцы (Тоюнь), которые противниковъ побивали, а женъ, собакъ и имѣніе брали себѣ въ добычу. А особливо воевали они часто *Коряковъ*, и иногда выигрывали, а иногда и сами побѣждаемы были. Они никогда не осмѣливались завѣдомо вступить съ неприятелями своими въ сраженіе, но такъ, какъ во время мясехей бываешь, нападали на нихъ не-

чаянно въ ихъ жилищахъ или выманивали ихъ изъ выгодныхъ мѣстъ. Въ острожкѣ, на кошорой бывало шакое нападеніе, кололи иногда мужа своихъ женъ, а, по шомъ боясь горшей учасши, и самихъ себя. Собственныя ихъ оружія суть лукъ, стрѣлы и копя съ завошрѣнными косшмы, да сверхъ того дубины.

Нынѣшнее ихъ *устроеііе*, кошорое шакovýchъ междоусобныхъ браней не шерпишъ, шакое же, какъ и у большой половины прочихъ Сибирскихъ народовъ. Они состояшъ подъ смощрѣіемъ Россійскихъ начальниковъ, и даюшъ заложниковъ или аманашовъ. *Подати* ихъ состоишъ въ одномъ соболѣ съ души, въ мѣсто кошораго принимаютъ ошъ нихъ шакъ же въ казну и другую мягкую рухлядь, либо и сладкую шраву, виако Сибирскимъ борщомъ (*) называемую для куренія вина.

Они живали всегда шакъ, какъ и нынѣ, въ *одномѣстныхъ селитѣлахъ*, кошорыя укрѣпляли, прежде земляными или и каменными стѣнами, либо палисадами: по чему и названы оныя опѣ Россійнъ острожками; да и нынѣ шакъ же называются, хошя укрѣпляшъ и запрещено. Осшатковъ прежнихъ деревень шакое у нихъ множество, что должно думать, что Камчадалы были прежде нѣскольکو крашъ многолюднѣе нынѣшняго. Всякій хошяишъ обще съ домочадцами своими имѣшъ по одной зимней и лѣтней юршъ. *Зимнія хижины* вырываются подобно чешвероугольному въ землѣ, глубиною ошъ 3 до 5 фушовъ, обшояся палисадами и имѣюшъ плоскія шропилы, покрываемыя хворосшой, сѣношъ и землею. Входошъ служишъ ошвершѣе, сквозь кошорое по подрубленному спупенчашо бревну въ низъ опускающя и въ верхъ вылѣзаюшъ, и кошорое шакъ, какъ и другое насупрошивъ сего ошвершѣе для выходу дыму и проходу воздуха, служишъ и вмѣсто окна. *Лѣтнія хижины* (Пемъ) обѣ нѣсколькихъ углахъ или круглы; и подобно нашимъ голубяшнымъ стояшъ на нѣсколькихъ столбахъ, вышиною ошъ земли сажени на двѣ. Шолбы нѣскольکو одинъ къ другому пошаклонились, по чему хижина подобна видушъ кеглю. Стѣны и пошолокъ деревянные; крошатъ же длинную травою. Поеліку хижины не велики, по стояшъ по нѣскольکو рядомъ и соединены между собою доскою, служащею въ мѣсто перехода. Въшрѣ по большой часши шашаешъ ихъ не мало. Подъ шакowymi же хижинами, кошорыя по причинѣ шаккой земли нужны, привязываются собаки.

(*) *Heraclium Sibiricum*. L.

Хозяйство у нихъ чрезвычайно бѣдное. Въ зимнихъ хижинахъ отдѣлены спальныя мѣста жердями. Въ мѣсто постели служивъ сдѣланная изъ шравы рогожа. *Лодки* ихъ (Коачташа) и ладьи (Байдара) устроены изъ дерева и рыбьей кости. *Собитги санки* шакъ, какъ у Ошяковъ и Тунгузъ, узки, длинны, легки съ подобнымъ ящику коробомъ. *Лыжи* ихъ шакія же, какъ и другихъ Сѣверныхъ обывателей. *Мѣшки* дѣлаютъ изъ кишокъ большихъ морскихъ звѣрей; а *сосуды* изъ дерева и бересты. Въ старыя времена почтили они себя *шопоры* и *ножи* изъ камней, въ мѣсто иголокъ употребляли рыбныя кости, и шакъ *хлѣбе*. Нынѣ же имѣютъ порядочные кошлы, шопоры, ножи, иные лакированные Лионскіе *льсы* и *крушцовые* сосуды, булавки и сему подобное.

Стрѣльція, да *логреба* ведутся у нихъ больше по старинному обыкновенію. Они по примѣру Тунгузъ и другихъ лычникомъ, *ѣдятъ* всякихъ звѣрей, птицъ и рыбъ: однакожъ не только ящеридъ и проч. но шакъ же собакъ и мышей ѣсть не любятъ. Мертвые кишки, шюлени и другіе морскіе звѣри кажутся имъ опшѣнно вкусны. Дикое коренье и всякіе плоды употребляютъ шакъ, какъ и нѣкоторыя шравы не только лѣтомъ, но и зимою въ пищу. Рыбу, мясо и коренье сушатъ на солнцѣ въ прокъ на зиму. Поелику у нихъ нѣтъ скотоводства, то они не столько, какъ скотоводствующие народы, имѣютъ и повѣду ѣсть падальщину. Приготовленіе пищи странное и мерзкое. Весною ѣдятъ внутреннюю березовую и ивовую кору, кошорую изрубивши мѣшаютъ съ икрою. Калъ ихъ *походитъ* въ сіе время на гущу *кожевеннаго* квасу. *Солега* варится изъ дикихъ плодовъ, коренья и сладкой шравы, вмѣстѣ съ саломъ или жиромъ. *Сокала* есть не иное что, какъ сушенныя на солнцѣ *рыбьи спинки*, которыя не варя ѣдятъ. *Икру* сушатъ на солнцѣ же въ прокъ. *Цулькиати* называютъ они крѣпко копченныя и почши прожаренныя, а *Турготали* шакія рыбы, кошорыя въ вырытыхъ въ землѣ ямахъ перегибли шакъ, что ихъ опшуда черпаютъ. Они *воняютъ* чрезвычайно, но при всемъ шомъ *Камчадальскому* вкусу не прошивны. *Солз* мало у нихъ употребляется, а *хлѣбъ* и *все* имъ не знакомъ.

Обыкновенное ихъ *лмшо* чистая вода, весною березовый сокъ, а лучшее уваръ изъ полушечной шравы или луговаго чаю, мяса и рыбьей шелухи. Для *цлогейя*, которое мужчины крайне любятъ, женщины же *напрощивъ* того жалуютъ шравыя увеселенія и *виногда* не *уцвываются*, употребляютъ прежде одни только *мцхо моря*, о

кошорыхъ упомянуто шакъ же при описаніи Ошяковъ и Юкагирь, и кошорыя пьюшъ Камчадалы съ уваромъ изъ липсочковъ упомянушаго луговаго чаю. Нынѣ же куряшъ на шакой концъ *табакъ* и достаютъ опѣ Козаковъ выдуманное ими вино изъ сладкой травы и раздавленныхъ плодовъ куренное.

Старинное *одѣяніе* обоихъ половъ во многомъ опѣтнѣно опѣ нынѣшняго, по тому что они къ собственной своей одежѣ присовокупили много чужаго. *Камчадалъ одѣтый по прародительски* ходилъ въ хижинѣ, (а прежде ходили они шакъ же дѣтмъ на звѣриной рыбной промыселѣ) преносяеавшіеся кожаными изрядно вышитыми поясомъ, *башмановъ*; въпереди висилъ сумка, а назади кожаной запонъ, по голому шѣлу; и слѣдовашельно онѣ почти нагой. Нынѣ же носяшъ они подъ поясомъ рубахи. *Штановъ* надѣваютъ теперь по двое, кошорыя шьются по кости и завязываются подъ колѣнками; нижнія или шакъ сказашъ портки дѣлаются изъ выдѣланной кожи, а верхнія, кои достаютъ да самыхъ яншъ, изъ мягкой рухляди, кошорую волосомъ пускаютъ къ верху. Ноги обвершывали они прежде справою, или носили и сапоги на голой ногѣ; нынѣ же есть у нѣкошорыхъ и чулки. *Обувь* дѣлаютъ изъ шюленныхъ либо и оленьихъ кожъ, пуская шерстью на ружу, или изъ рыбьихъ шкуръ; праздничную же изъ разныхъ кожаныхъ лоскушковъ и крашеной гладкой кожи сосшавляютъ и красиво спрочашъ: ша и другая привязывается около ладыжекъ. *Верхнее одѣяніе* состоитъ въ двоякихъ шубахъ, кошорыя они прежде носили на голомъ шѣлѣ, нынѣ же надѣваютъ подъ нихъ рубахи изъ холста, кишайки, камки или шелковой матеріи: всѣ сіи товары покупаютъ у Россіянъ. *У нижнихъ шубъ*, кошорыя они почти одни только надѣваютъ, и кои называются у нихъ *парками*, есть въ верху шакой шочно, какой бываетъ у рубахъ, ворощъ, сквозь кошорой едва проходитъ голова. Рукава и полы по колѣна. Шубы сіи дѣлаются изъ оленьихъ или шюленыхъ кожъ, выкрашенныхъ съ нушренной или вакожной стороны ольховою корою въ темной цвѣтѣ; въ подолѣ разнещрены по Тунгуаскому обыкновенію красивыми шитьемъ и обложены не только бахрамою, но и долгими волосяными пучками. Они носятъ ихъ на обѣ стороны, однакожь больше волосомъ къ шѣлу. *Верхняя шуба* (Кукланка) подобна шакъ же рубахъ, токмо разпахная въ верху и въ низу; дѣлается же изъ оленьихъ, а больше изъ собачьихъ кожъ. Она полѣе нижней шубы или *Парки*, и достаетъ до самыхъ ладыжекъ. Около ворощника видна косъ

*Камшадаль въ зимнемъ платьѣ.
Ein Kamtschadal im Winter-Kleide.
Un Kamtschadale en habit d'hiver.*

*Камчадалка въ простомъ платьѣ.
Eine Kamtschadalische Frau in gewöhnlicher Kleidung.
Une Kamtschadale en habit ordinaire.*

матая собачья шерсть, и шакъ же, какъ въ подолѣ и около рукавовъ, широкой ошороченной или вичурами распеспренной, всегда бахрамою обширой рубецъ, да сверхъ того во многихъ мѣстахъ прикрѣпленные волосяные пучки, дабы шѣмъ шраниѣ казалась шуба ихъ взору. Назади виситъ теплая сумка, для надѣванія, по примѣру Оняковъ, на голову. Въпереди же держится лоскутъ собачьей кожи, которыми покрываютъ ночью лицо. Все вообще кожаное обрабаютъ шерстью на ружу. Голову покрывали въ прежнія времена зимою *шалкою* изъ пшичьихъ перьевъ или и изъ мягкой рухляди, либо ремнемъ, отъ кошорато висѣли въ низъ лоскутья какого нибудь мѣху; а лѣтомъ *заслоногою шяллою* изъ дерева, коры или перьевъ, по примѣру Американцовъ на находящейся отъ Камчатки къ Востоку матерой землѣ. Нынѣ же носятъ многіе Рускія шапки.

Женщины ходятъ въ штанахъ, (а нынѣ сверхъ того въ рубахахъ и чулкахъ) въ башмакахъ, сапогахъ, паркахъ и Кукланкахъ, подобныхъ мужескимъ. У *Кукланокъ* ихъ виситъ назади хвостъ. Они обыкновенно ошорачиваютъ ихъ дорогою мягкой рухлядью и распещряютъ красивыми вичурами; носятъ же на обѣ стороны. Рукавицъ и ночью не скидываютъ. *Дѣвки* заплетали прежде волосы, по примѣру Ташарокъ, въ нѣсколько маленькихъ косъ, которыя кругомъ зашылка висѣли; нынѣ же расчесавши волосы, заплетаютъ на зашылкѣ въ одну косу, которую украшаютъ лентами, корольками и прочимъ, и носятъ головную повязку. *Бабы* заплетали такъ же волосы въ нѣсколько косъ, которыхъ концы сводили вмѣстѣ въ одну главную косу, и увеличивали сію накладными волосами. Нынѣ же повязываютъ голову платкомъ, или надѣваютъ Рускіе кокошники. Около шеи носили въ старыя времена ремень съ разными брякушками, а нынѣ съ пронизками.

Теперь многіе, когда захосятъ пощеголять, наряжаются совсемъ по Руски, мужчины въ цвѣтные суконные кафтаны, кои нерѣдко бывають и съ пуговками, въ сапоги и проч; бабы же въ шелковые рубахи съ манжетами, въ сарафаны, туфли, шелковые платки, и проч. Такой нарядъ спойтъ мужу и сто семьѣ въ Камчаткѣ около 100 сободей или лисидъ. Въ старину никогда они не умывались; нынѣ же многія женщины уже бѣлятся гнилымъ деревомъ и переженою слюдою, и румянятся особою морскою шравою и жиромъ.

Мужчины препровождаютъ большую часть времени въ безпечной и похотливой праздности. Въ прочемъ же *злражняются* въ звѣриной и рыбной ловлѣ, да сверхъ того въ домашнихъ подѣлкахъ. *Звѣриный промыселъ*, который надѣлялъ ихъ соболями, лисицами и всякою дичью, становился отъ часу хуже; одному человѣку надобно прилежно пошрудиться, чтобы промыслишь въ зиму лисицъ до десяти и такъ далѣе. Въ *рыбной ловлѣ*, при которой употребляютъ свои суденышки, неводы изъ кропивной пряжи и прехаубчатые вилы, подобныя Тунгузскимъ, весьма они проворны, и умѣютъ пользоваться ходомъ рыбы. Они строятъ свои суденышки и хижины, дѣлаютъ сами и щепляную домашнюю посуду, рубящъ дрова, обдѣлываютъ луки и стрѣлы и вооружаютъ сіи послѣднія желѣзцами отъ разбитыхъ чугунныхъ котловъ, кошорыя разковываютъ безъ помощи огня, рѣжутъ шраву на рогожи, и варятъ во преки обыкновенію другихъ народовъ, ѣшвы. Другъ другу пособляютъ и ссужаются чѣмъ могутъ, не изъ прибыли, но по пріязни. *Корякамъ промѣниваютъ* соболей, лисицъ, бѣлыя собачьи шкуры и сушеные *мухоморы* для упиванья, на олени и другія кожи. Многіе нанимаются служить Россійскимъ купцамъ и козакамъ въ морскихъ путешествіяхъ къ островамъ, и какъ судовщики или корабельные служители, звѣрные промышленники и шолмачи, спановятся имъ весьма полезны.

Женщины выдѣлываютъ кожи, прядутъ кропивныя нитки, плетутъ рогожи и кузовы, сушатъ рыбу, дѣлаютъ рыбій клей, собираютъ коренье, ягоды и шравы, а особливо Сибирской борщъ, и проч. *Кожу выдѣлываютъ* на чисто по большей части выскабливая мездру, намазывая саломъ и икрою, и выжимая руками. Оленю же замшу выдѣлываютъ въ ольховомъ щелоку и квасу. Они весьма искусны въ *шитьѣ* и шрочень плащя звѣриными жилами или нишками; при чемъ употребляли сперва костяныя шилья, по помъ Японскія, нынѣ же Россійскія иглы. *Кропивная пряжа* употребляется только на неводы и канаты. *Клей рыбій* достаютъ съ китовыхъ и другихъ рыбьихъ шкуръ. Когда имѣетъ кто оленей, то смотрѣте за ними, такъ какъ и кормленіе собакъ, препоручается женамъ же.

При всемъ ихъ подражаніи Россіянамъ, ведутся еще у нихъ многія и отъ части *странныя* обыкновенія, изъ коихъ нѣкоторыя относятся къ сосноянню суровой ихъ спраны. Они и теперь еще охотно вышираютъ огонь изъ дерева, нежели высѣкаютъ посред-

*Камчадалка въ хорошемъ платьѣ.
Eine Kamtschadalische Frau zierlich gekleidet.
Une Kamtschadale en habit de fête.*

Камчадалка въ великолѣпномъ уборствѣ.
Eine Kamtschadalin im größten Schmuck.
Une Kamtschadale dans sa plus grande parure.

ствомъ буласта, кремня и шрушу. Что касается до способа ихъ выширать огонь изъ дерева, то оный состоитъ въ томъ, что вертящъ они палочку промежъ ладоней въ небольшой дырочкѣ какого нибудь дерева до тѣхъ поръ, пока не загорится, и употребляющъ при томъ избивую праву въ мѣсто шрушу. По елику *собаки* единственная ихъ дворовая скотина; но они почитаются у нихъ за велико и содержащя въ значномъ количествѣ. Они кормятъ ихъ рыбьими костями, и остатками какъ отъ рыбъ, такъ и отъ дичи. Собаки ихъ велики, сильны и весьма на волковъ похожи. Кромѣ гоньбы, употребляющъ ихъ зимою и въ упряжку. Одна собака везетъ на себѣ около двухъ пудъ груза. Въ сани впрягаютъ они обыкновенно отъ четырехъ до осьми собакъ попарно; гдѣ нѣтъ шропы, тамъ долженъ извощикъ итти въ передъ на лыжахъ. При подъемѣ на гору надобно ему и безъ того итти пѣшкомъ; а подъ гору бѣгутъ собаки и сами такъ скоро, что едва можно усидѣть. Они переѣзжаютъ на шаковыхъ своихъ бѣгунахъ безъ остановки часовъ въ пятнадцать больше 100 верствъ. Камчадалы *спятъ* на шпаяныхъ рогожахъ и шубахъ нагѣ, и прикрываются одеждою. Во всемъ своемъ *поведеніи* крайне они неопытны, и по елику лѣнны и безпечны, то часто терпятъ великую нужду. Они не чистятъ и той посуды, изъ которой ѣли собаки. По большей части заводны они изрядно и вшами, которыхъ по Тунгуски глотаютъ. Почти всѣ запусаютъ ногти, и нечистою какъ будто облѣплены. Прежде, нежели начали они покупать у Россіянъ котлы и чугунныя горшки, не умѣли они иначе *варить* себѣ *лицу*, какъ шокмо опуская каленые камни въ ушатъ наполненной рыбою или мясомъ. *Женщины* *охлаждаютъ* себѣ, кромѣ бѣлилъ и румянъ, *въ красоту* еще и то, когда облѣпятъ лицо верхнею кожицею медвежьихъ кишокъ. Они иногда и занавѣшиваются, или по крайней мѣрѣ отворачиваютъ рожу отъ незнакомыхъ мужчинъ. Въ прежнія времена *ѣли* тогда, когда было вдумается, а нынѣ наблюдаютъ обѣдъ и ужинъ; всякую ѣству ѣдятъ холодную и тѣмъ предохраняющъ зубы свои отъ поврежденія. Всякъ беретъ часть свою на дощечкѣ передъ себя и управляетъ оную въ ротъ рукою. Они *прожорливы*, да и *лгютъ* много. Всякъ ставитъ возлѣ ночлега своего сосудъ съ водою, которой по утру всегда бываетъ пустъ. Сколь ни бѣдны, однакожъ *гостятъ ради*: но при томъ поступающъ странно. Хозяинъ крѣпко наплачиваетъ зимнюю свою хижину и потчуетъ гостя худою своею ѣствою. Чемъ больше онъ блжуетъ, тѣмъ при-

лежи́те онѣ ему покладываетъ. По шомѣ всемѣ, что бы у него ни ни́лось, поступаетъ гостю. Но и то надобно сказать, что безъ нужды никто въ гости къ нимѣ не заглядываетъ; при шомѣ же ходящѣ съ гостинцами, и шомѣ, кто сего дня хозяинѣ, будетѣ скоро и самѣ въ гостяхъ. У народа не купечествующаго и обмѣномѣ товаровѣ не промышляющаго обыкновеніе сіе полезно. Понеже *убеніе медвѣдя* почитается мужественнымѣ и славнымѣ дѣломѣ, то потчуетѣ герой гостей своихѣ полосами изѣ медвѣжьяго жиру вырѣзанными, отѣ коихѣ гости одинѣ за другимѣ кусаютѣ по кусочку, и такѣ далѣе.

Въ обхожденіи стараются мужескій полѣ понравиться женскому пламенной любовію, услужливостію и покорностію. Мужчины обходятся между собою холодно, безѣ поклоновѣ, здоровканья, подаванья рукѣ, цѣлованья и безѣ всякихѣ другихѣ вѣжливостей. Въ ссорѣ называютѣ другѣ друга собакою (Косга), сорвавшимся съ висѣлицы (Кодахвичѣ), бѣсомѣ (Кана), прелюбодѣемѣ (Кайкчичѣ); а особливо попрекаютѣ другѣ друга неестественнымѣ угожденіемѣ вохоти.

Забавы ихѣ состоятѣ въ ѣдѣ, пивѣ, пѣніи, играни на дудкахѣ изѣ травяныхѣ сволоковѣ, пляскѣ и сказкахѣ. *Пѣніе* есть женская забава. Голосѣ у нихѣ изрядный и поютѣ обыкновенныя, а иногда и такія пѣсни, какія забредутѣ имѣ на умѣ. *Пляска* весьма сходна съ Отякскою, и не меньше смѣхотворна. Нѣкоторые переняли оную у Курильцовѣ. Въ иныхѣ пляскахѣ пляшутѣ оба пола вмѣстѣ и при шомѣ поютѣ. *Разказы* же ихѣ суть повѣствованія о бытіяхѣ или сказки о божкахѣ, богашыряхѣ, звѣриныхѣ промысленикахѣ и предкахѣ.

Женитбы производятѣ безѣ всякихѣ торжественныхѣ или законныхѣ обрядовѣ. Женитба называется у нихѣ поимкою невѣсты. Всякому невозбранно брашь столькожѣ женѣ, сколько хочетѣ; но какѣ мужа у бабѣ въ поработеніи, то рѣдко кто посягаетѣ больше нежели на одну жену. Любовникѣ оказывается въ хижинѣ невѣстныхѣ родителей весьма услужливымѣ: но услуги его, когда онѣ не полюбится, не принимаются. По шомѣ унаравливаетѣ онѣ случай поимать невѣсту, то есть положить ошейной свой уборѣ въ ея штаны; при чемѣ получаетѣ отѣ защищающихѣ ее бабѣ добрые шодчки. Съ сего самаго времени начинаютѣ они безѣ всякой свадьбы жить вмѣстѣ, и оспаются въ хижинѣ невѣстныхѣ родителей. Такое качество молодыхѣ женщинѣ, по какому Камыч-

ки у Киргизцовъ предпочищаются, сколько же не нравятся Камчадаламъ, какъ, по Уллоеву повѣствованію, Бразильцамъ и другимъ Американцамъ, да и самимъ Оракіянамъ, какъ пишетъ Иродотъ. И по тому дѣвки обходяся съ Рускими людьми безъ всякой укоризны такъ ласково, что въ прежнія времена бывало у иного Козака и по цѣлой серали. Для вдовы до тѣхъ поръ не сыскивается новый мужъ, пока она чрезъ соищіе съ мужчиною не очистишся отъ грѣха; и какъ при томъ Камчадалы бояшяся, чтобы чрезъ шо не умереть подобно первому мужу, шо Козаки обыкновенно очищаютъ паковыхъ вдовъ отъ мнимаго грѣха. Женатые мужчины и замужнія бабы живутъ правда весьма неиспово: однакожь при всемъ томъ перзаются ревнивостію, убиваютъ или отравляютъ другъ друга, и такъ далѣе. Разумнѣйшіе промѣниваютъ своихъ женъ, когда они постороннимъ дружкамъ милѣе, нежели имъ. По елику они въ уполеніи похоти подобны скопу; шо кромѣ родителей и дѣшей, ни какихъ родственниковъ не щадятъ.

Многія женщины ненавидятъ беременность: но инья и дѣшей желаютъ нешерпѣливо, и въ такомъ намѣреніи прибѣгаютъ къ суевѣрнымъ средствиамъ, глотаютъ паушину или засавляютъ волшебницъ дѣлашь свои хипрости и колдовства; сіе происходитъ шоржественно и какъ будшо замѣняетъ свадьбу. Въ прочемъ Камчадалки нарочито плодородны и родятъ дѣшей до десяти; да при томъ и роды имъ легкія. Имена даютъ дѣшямъ прихожіе пришели. Употребительныя же названія суть: *Коско, Такагуръ, Алгана* и проч. Къ дѣшямъ оказываютъ безумную любовь и во всемъ потачку: по чему они родителей своихъ не только не почитаютъ, но и сурово съ ними поступаютъ.

Они по большой части здоровы и болры: но многіе изувѣчиваютъ себя, когда сорвулся съ горы, опрокинутся съ собачьими саними, и отъ многихъ другихъ несчастныхъ приключеній. Болѣзни имъ крайне прошивны, и по тому за больными худо смотрятъ. Обыкновенныя же ихъ болѣзни суть: цынга, отъ которой ѣдятъ свѣжія ягоды и сырыя рыбы, кровавыя вереды, Французская немочь, которая была у нихъ еще до прибытія Рускихъ людей, параличъ, ракъ, желчь, и гноеніе глазъ отъ смотрѣнія на снѣжную бѣлизну. Въ прежнія времена привезли они дѣшямъ ослу такимъ образомъ, что дѣлали имъ на лицѣ царापину обмоченною въ оспенной гной рыбью костью. Но какъ у нихъ долго не бывало оспы, шо перевелось и сіе обыкновеніе. Въ 1768 году занесена она къ

нимъ паки давно уже выздоровѣвшимъ отъ сей болѣзни Козакомъ: и тогда примерло отъ оной почти двѣ шрести всѣхъ вообще Камчадалъ.

Когда бывало *умретъ* кто въ хижинѣ, то покидали оную, боясь, что судія преисподней прійдетъ въ оную, и кого ни увидитъ, всѣмъ шѣмъ надобно умереть. По причинѣ же шрудности, сооробитъ новую хижину, безъ шопоровъ и прочаго, выносили они больныхъ на дворъ. Нынѣ обыкновеніе сіе не столь уже общее: однакожъ они не охотно живутъ въ такой хижинѣ, гдѣ лежалъ покойникъ. Въ прежнія времена сѣдаемы были умершіе внѣ юрты собаками; но теперь сіе рѣже случается, по шому, что почти всѣхъ покойниковъ загребаютъ въ землю, а дѣшей кладутъ въ дуплистыя деревья. Могильникъ пролѣзаютъ дважды, дабы запрепятствовашъ смерти въ ся прелѣдованіи, сквозь выплешенной кругъ, и взявъ двѣ пшицы, какія бы ни были, одну сожигаютъ, а другую ѣдятъ. По шомъ поминая покойника сѣдаютъ одну рыбу, а перышки сожигаютъ.

Древній и собственный ихъ законъ *Шаманскій*, а идолослуженіе ихъ подобно наибольше Якушскому. Высочайшаго Бога называюшъ они *Дустиехтигомъ* или и *Куткою*, сатану *Канною*, идоловъ, копорые стоятъ въ хижинахъ *супрошивъ* ошлушинъ и не иное что сущъ, какъ деревянныя куклы, Нузаучами и *Камулами*, а волшебниковъ *Туйслагасами*.

По причинѣ небольшого къ собственной своей не правой вѣрѣ уваженія, а къ высочайшему Существу почшенія, такъ какъ и по склонности къ подражанію, мало по малу большая ихъ половина обращена къ Христіанскому закону. Но они столь же легкомысленныя Христіане, каковы были и язычники, не любятъ и не боятся Бога, шутятъ провидѣніемъ или вышнимъ промыломъ и въ желаніяхъ своихъ нарочито зашѣины. Царствія же небеснаго, какъ шакого обшалаща, кое не общаешъ удовлетворенія ни одному ихъ желанію, не спавятъ они и подавну ни во что.

Шаманъ Камчатской.
Ein Schaman in Kamtschatka.
Devin de Kamtschatka.

Коряки называются и сами симъ именемъ. Таковое ихъ названіе происходитъ конечно отъ слова *Кора*, которое на ихъ языкѣ значить оленя. Они *живутъ* и кочуютъ около склонившейся больше на Сѣверъ части *Пеншинскаго* морскаго залива, да и въ самой Сѣвернѣйшей Камчаткѣ, до самаго Анадыря, на Западѣ отъ Оломоны рѣки, вышедшей изъ Колымы, до Восточнаго моря, обще и въ смежности съ Камчадалами Тунгузами, Ламушами и Чукчами, въ крайне суровыхъ, болотныхъ, гористыхъ, отъ части и безлѣсныхъ пустыняхъ.

Бывшія съ сими дикими людьми до Россійскаго завоеванія *пронизшествія* остаются въ совершенномъ невѣденіи, по елику у нихъ нѣтъ ни грамоты, ниже инаго какого ученія. Самое по обстоятельству сего, что они въ бывшихъ съ Южными ихъ сосѣдями перемѣнахъ не имѣли участія, а еще больше великое ихъ сходство со многими Островскими Восточнаго моря жителями и ближайшими Американцами и по ту сторону пролива морскаго, подаетъ поводъ думать, что они такъ, какъ и Чукчи и по таковымъ же причинамъ владѣютъ искони своими берегами. Спастся можешь, что все сіи народы суть больше ни что, какъ Американскіе поселенныя, либо что они при прорывѣ моря и при произхожденіи острововъ отъ оныхъ отдѣлены: но для точнѣйшаго подтвержденія сей догадки требуются бытійственныя извѣстія и обстоятельнѣйшія свѣденія о народахъ по ту сторону морскаго пролива, каковыхъ однакожь по сіе время имѣемъ мы еще мало, да и надѣясь скорѣ на полученіе оныхъ дальней надежды не имѣемъ.

Корякскій языкъ имѣетъ съ языкомъ *Чуктѣ* и нѣкоторыхъ островскихъ жителей столь много общаго, но при томъ такъ же отличнаго и собственнаго столько, что съ равною справедливостію можно его починать и нарѣчать оного, и со всемъ особымъ языкомъ Слова протяжны, но выговариваются коротко, и произношеніе оныхъ слуху противно. *Время* раздѣляютъ только по годовымъ перемѣнамъ, не уважая при томъ лунныхъ печеній.

Росту они *малаго*; голова и глаза у нихъ небольшія, лицо круглое и сухощавое, носъ короткой, а ротъ большой. Волосы какъ на головѣ, такъ и на бородѣ черны, и при томъ на сей послѣдней жидки; брови навислыя. *Умъ* у нихъ коснишельной и шу-

пой; въ прошчеѣ же гордятся своею землею и устройеніемъ, смѣлы и недобѣрчивы и мстительны. Въ дѣлахъ они рачительны, искренны, дружны и начальникамъ вѣрны.

До покоренія ихъ Россіи не знавали они, что то есть *верховный нагалтникъ* или Государь; одно только богатство служило основаніемъ преимуществу. Нынѣ же есть у нихъ шакія, какъ и у другихъ Сибирскихъ народовъ *угрежденія* и *распоряженія*; платяшъ *подушной окладъ* мягкою рухлядью, и шакъ далѣе. Однакожъ они не столько, какъ описанные по сіе время народы, подчинены властямъ, и сіе справедливо наибольше въ разсужденіи кочующихъ Коряковъ: по чему они не точию переписываются и въ подушной окладъ вносятся. Сколько же видно по шаковымъ переписямъ, то они числомъ душъ равняются съ Камчадалами.

Они *раздѣляются*, примѣняясь къ тому, какъ живутъ, на *усадебныхъ* и на *кочевыхъ*. Тѣ и другіе числомъ между собою почти равны, говорятъ разными нарѣчіями, и поступаютъ одни съ другими рѣдко по брашски, а иногда и прямо по непріятельски.

Усадебные, которые кочевыхъ далеко превозходяшъ кротоспїю нравовъ, владѣютъ склонившимися больше на Югъ мѣстами своея области около Пеншинскаго залива, а отъ часи и въ самой Камчашкѣ. *Хижины* ихъ совершенно подобны Камчадальскимъ, всѣ же прочіе ихъ распорядки по большей часи шакіе же, какъ и у Камчадалъ. *Одѣяніе* ихъ малымъ чемъ ошѣнно отъ настоящаго Камчадальскаго. Но *женщины Корякскія* вышиваютъ у себя на лицѣ по примѣру Тунгузокъ линии и фигуры. *Пища* и приготовленіе оной шакое же, какъ и у Камчадалъ, и при томъ ни мало не чище.

Главное ихъ *угрежденіе* состоитъ въ звѣриноиъ промыслѣ и рыбной ловлѣ, и какъ шотъ, такъ и другой промыслѣ, а особливо первой, производяшъ съ большимъ раченіемъ, нежели Камчадалы, да и ѣшвы варятъ не мужчины, какъ то дѣлаютъ Камчадалы, но бабы. Остальную добрую *мягкую рухлядь* промѣниваютъ они кочевымъ Корякамъ на оленинъ кожи, изъ коихъ шьютъ одѣяніе. Каждая семья имѣетъ обыкновенно по нѣскольку, однакожъ не больше *оленей*, какъ сколько надобно имъ для путешествій. *Женскій лодъ* шьетъ одѣяніе, выдѣлываетъ кожи, варитъ и сушитъ съѣстное, и шакъ далѣе, по Камчадальскому обыкновенію.

Въ обхожденіи они угрюмы, однакожъ дружны, всякаго охотно принимаютъ и угощаютъ наилучшимъ, что въ домѣ случится, но ни кого, по примѣру Камчадалъ, не принуждаютъ къ неумѣренно-

Корякъ.
Син. Коряке.
Корёк.

Корякъ въ уборнаиъ платьѣ.
Ein Koräk im Staats Kleide.
Un Korek en habit de fête.

жу себя отягощенію. Въ *хижинахъ* ихъ чрезвычайно жарко, и по тому бабы ходящъ въ нихъ нагишомъ. Зимю ѣздящъ по примѣру Лопарей и другихъ народовъ въ небольшихъ санкахъ, въ кои запрягають оленей. Поводъ прикрѣпленъ къ гребню, кошорый жметъ оленю шею, когда за оной потянушь. Часто впрягають они рядомъ и по два оленя, и могушь шкгда переѣзжать въ день верстъ по полтора ста. Лѣтомъ путешествуя пѣшіе, по тому что нѣтъ у нихъобыкновенія ѣздить верхомъ на оленяхъ.

Кочевые Коряки странствуютъ въ лежащихъ наближе къ Сѣверу своихъ мѣстахъ около *Анадыра*, смежно съ *Тукгали* и другими народами; но не рѣдко просищаютъ кочевья свои и до самой Камчатки. Нравы у нихъ суровы и дикіе; и по тому не удобно ихъ содержать въ послушаніи. И самое подозрѣніе ихъ бываетъ опасно.

Юрты ихъ составлены изъ гнутыхъ жердей или колышковъ, подобно Барабинскимъ, только поменьше, и покрываются оленьими кожами. По срединѣ утверждены чешыре небольшіе столба, къ коимъ привязываютъ собакъ, а сіи нерѣдко опоражниваютъ и висящій по срединѣ надъ огневищемъ кошель. *Одѣжаніе* носятъ такое же, какъ и усадебные Коряки или Камчадалы; разность же состоитъ только въ томъ, что сіи бреюшь голову и вышеревливаютъ бороду почти до гола.

Главное ихъ упражненіе есть *содержаніе оленей*, да сверхъ того звѣримый промыселъ. Въ произвожденіи рыбной ловли не очень они проворны. У нихъ по большой части бываетъ оленей по 50 и по 100 а у иныхъ по одной и по нѣскольку тысячъ, съ коими кочуютъ они, не разбирая приволья въ разсужденіи лѣсу или воды, въ болотныхъ или мшистыхъ мѣстахъ и горахъ безпрѣсшанно. Оленицъ они не доятъ, и по тому ни шворогъ, ни сыръ имъ незнакомъ. И самый богатый человекъ рѣдко когда убиваетъ здороваго оленя, но довольствуется больше падальщиною или изувѣченными оленями, по чему спада у нихъ спановятся весьма велики: но и на содержаніе хозяевъ надобно не малое число оленей. Бѣдные служатъ у богатыхъ, и пускають въ ихъ спада для наствы небольшое число своего собственнаго скота. Всякій звѣрь, какого кто ни промыслить, почиается безъ извѣстія изрядною *жстою*. Сверхъ того собирають бабы дикое коренье и плоды; и все сіе сѣдають они тогда же, когда промыслятъ, не сохраняя въ прокъ.

Кочевые Коряки гораздо суровѣе, жесточе, воинственнѣе и опаснѣе нежели усадебные. Часто ходятъ они на разбой и для другихъ шалостей къ смиреннѣйшей своей братіи или къ сосѣдямъ. Передъ такими предпріятіями придающъ они себѣ обыкновенно смѣлость и безчувственность мухоморами. *Оружіе*, какое употребляютъ на звѣриномъ промыслѣ и на войнѣ, состоятъ въ лукѣ, стрѣлахъ, копьяхъ, дубинахъ, а воинственное ихъ искусство въ нападеніяхъ. Воровать, грабить и убивать почитается у нихъ тогда только порокомъ, когда производится въ томъ же самомъ родѣ или семействѣ, гдѣ такой злодѣй живетъ, а не въ другомъ какомъ поколенѣ или не у чужаго какого человѣка. Самые большими удовольствіемъ считаютъ они переходить отъ одного мѣста къ другому, и осматривать оленные свои стада, кошоры, когда размножатся, раздѣляютъ. Они часто, да и по большей части, столь велики, что и считать не можно: однакожъ хозяинъ хоть часъ примѣшивъ, когда какого оленя недостаетъ.

Коряки вообще имѣютъ по *нѣскольку*, а иные отъ трехъ до четырехъ *женъ*, которыхъ не покупаютъ, но такъ же, какъ и Камчадалы, выслуживаютъ либо похищаютъ. Богатые, не уважая кровнаго родства, остаются при богатыхъ, а бѣдные при бѣдныхъ. Усадебные держатъ своихъ женъ въ хижинѣ, а кочевые раздѣляютъ ихъ по разнымъ стадамъ для смотрѣнія за оными. *Кочевые* крайне мучатъ женъ своихъ *ревнивостію*. Иная жена и умираетъ отъ свирѣпости напрасно ревнующаго мужа; то же самое производя и съ побочными дружками. И по тому сшараются бабы казаться прямо мерзкими, не чешутъ головы и не умываются, ходятъ кругомъ выпачкавшись и оборвавшись, и проч: ибо мужа почитаютъ на вѣрно, что они наряжаются только для полюбовниковъ. *Усадебныя ошибаются*, напротивъ того, *грезь неломѣрно великую покровку*. Они считаютъ себя то за удовольствіе, когда жены ихъ нравятся другимъ, и когда посторонніе люди къ нимъ ласкаются: по чему и должны они наряжаться какъ можно по лучше. Они отдаютъ чужимъ людямъ женъ своихъ и дочерей въ наложницы, и почитаютъ принятіе оныхъ знакомъ сущаго дружества; отрицаніе же отъ такого доброхотнаго даянія вмѣняютъ себѣ въ огорченіе. Сіе обыкновеніе, свойственное имъ обще съ нѣнкошорыи Южными Американцами, и о кошоромъ упоминаетъ такъ же какъ *Варухъ*, такъ и Иродотъ въ разсужденіи древнихъ

*Korvika.
Eine Koräkin.
Une Koräkienne.*

Вавилоняиъ , неприятно у Коряковъ для гостя по тому , что долженъ онъ полоскать рожъ мочою , кошорую наложница въ виду его выпускаешъ въ чашку и подноситъ ему для шаковаго полосканья .

Дѣтямъ даюшъ *имена* старухи . Они не пеленаются и въ колыбеляхъ не бываюшъ ; сосутъ же грудь обыкновенно до шретьяго году . Кочевые Коряки даращъ дѣшей скотомъ : по чему они еъ малыхъ лѣтъ учащя порядочно со скотомъ водитья . Роженица первыедесять дней послѣ родовъ ни кому не кажется .

За *большими* смопрятѣ они прилѣжно , и шараящя нособитѣ имъ своимъ волшебствомъ .

Кочевые Коряки *сожигаютъ* всѣхъ , усадебные же большую половину *покойниковъ* . Они дѣлаюшъ костры , къ коимъ отвозятъ умершихъ на саняхъ , запряженныхъ оленями , и сожигаютъ ихъ шаъ въ наилучшемъ одѣяніи совокупно съ оружіемъ и домашнимъ скарбомъ . Запряженныхъ въ шаке подѣ покойника сами оленей убиваютъ , дѣлятъ ихъ мясо , а ошашки бросаюшъ въ огонь . На поминкахъ убиваютъ также оленей .

Коряки содержатъ *лытеской законъ по Шаманскому* полкованію , и въ обрядахъ своихъ сходствуюшъ наибольше съ Камчадалами .

Чукчи, копорые столь же обыкновенно, да при томъ и сами, называющася *Чукотскими людьми*, въ видѣ, жипіи, нравахъ и языкѣ шакъ подобны *Корякамъ*, что должно ихъ почитать единоплеменнымъ съ ними колѣномъ. Они *гладѣютъ* Сѣверовосточнымъ угломъ Сибири къ Ледовишному и Восточному морю, начиная отъ Колымы и Анадыра; и сія занимаемая ими страна называется *Чуцкимъ* или *Шелацкимъ носомъ*. Земля ихъ по положенію своему и качеству холодна, болотна, камениста, безлѣсна, неплодородна и крайне сурова и дика. Лѣто шамъ короткое, но дни долгіе; зима продолжительная и ночи долгія; и она для Европейцовъ съ машерой земли непроходима и къ жипью не способна.

Они на равнѣ съ страной своею крайне *дики, суровы, необузданны и жестоки* *всѣхъ Сибирскихъ народовъ*; у нихъ нѣтъ ни грамоты, ни ученія, и по тому они еще и по сіе время совершенно не покорены, и подушной окладъ плащяшъ только отъ части. По сей же самой причинѣ остающа въ великомъ сомнѣніи какъ бывшія съ ними произшествія, шакъ прямая ихъ сила и внутреннее устройство. Они нѣсколько кратъ побѣждаемы были Россійскимъ оружіемъ, но пакы сопрасали съ себя власть и опнюдь не хотяшъ шергѣшъ принужденія. По вѣроятности считающъ ихъ до 3500 рашныхъ людей. По всѣмъ симъ обстоятельствомъ и описаніе оныхъ, по елику оно долженствуешъ содержать въ себѣ шокно то, что заподлинно уже извѣстно, не можешъ бышь полное и совершенное.

Они *раздѣляются* на два главныя колѣна, а именно на *Чуцкое* и *Шелагенское*, къ коимъ принадлежатъ шакже многіе островкіе жишели Сѣверныхъ и Восточныхъ ихъ береговъ, кои дѣйствительны *Чукчи* же, но не причислены къ вышепоказаннымъ.

Росту они *малого* и шокны; лицо у нихъ нѣсколько плоское, и чрезвычайно походитъ на Корякское. Но они гораздо *дичае, суровѣе, гордѣе, необузданиѣе, смѣлѣе, воровашѣе, лукавѣе* и *испительнѣе* кочевыхъ Коряковъ: словомъ сказашъ, они съ природы шокно же злые и опасныя люди, колико Тунгузы добры. Двадцашъ Чукчей прогоняшъ вѣрно пядеашъ человекъ Коряковъ, и они бы ихъ всѣхъ перевели, если бы Россійскіе остроги ихъ не обуздывали. Самые ближніе къ нимъ остроги всегда въ опасности, и по причинѣ дороговизны *сѣвѣшныхъ* припасовъ шокяшъ прави-

Чукотская баба въ обыкновеннаѣ одеждѣ.
Eine Tschuktschin angekleidet.
Femme Tschouktschiène en son habit ordinaire.

шельству шакъ дорого, что недавно разсудило оно за благо оставишь въ запусѣннѣ Анадырской острогѣ, наидревнѣйшее Россійское въ шамошнѣ мѣстѣ поселеніе, изъ коего и Камчашка завоевана.

Въ поколѣннѣяхъ наблюдающъ они между собою союзъ по *родамъ*: но выборныхъ начальниковъ не имѣющъ, а послѣдуютъ со всякою цѣлѣузданностію знашнѣйшимъ богачамъ и удальцамъ, пока намѣренія и дѣла оныхъ сходствуютъ съ собственными ихъ зашѣяннѣ.

Большая половина сего народа живетъ во *всегдашнихъ* зимнихъ хижинахъ или землянкахъ, подобно Камчадаламъ. Въ лѣтнее, а иногда и въ зимнее время, ошкочевываютъ они отъ оныхъ для пашвы оленей, также для звѣринаго промыслу, рыбной ловли и разбоевъ: при чемъ дѣлаютъ себѣ повсюду маленькія хижины, подобныя Камчадальскимъ лѣшнимъ юртамъ. Иные не имѣютъ ни какихъ другихъ, кромѣ шаковыхъ легкихъ хижинъ, а иные живутъ шакъ же въ горныхъ пещерахъ, кошорыя занавѣшиваютъ съ приходу звѣриными кожами.

Одѣяніе ихъ и пища, шакъ какъ и приутошвленіе оной совокупно съ домашнимъ скарбомъ, подобны настоящему Камчадальскому и Корякскому; шокмо еще дичае и суровѣе. Они вышивающъ у себя также, по примѣру Тунгузъ, на лицѣ и на рукахъ линнѣи и фигуры.

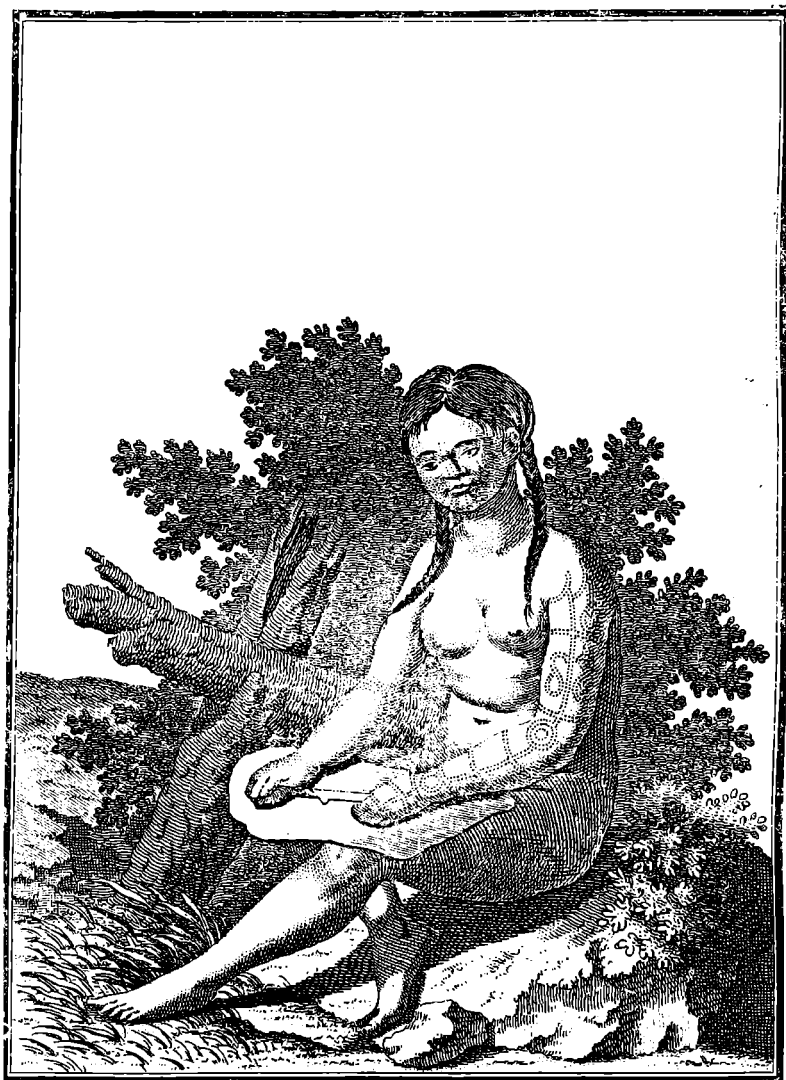
Посуды они не имѣютъ ни желѣзной, ниже другой какой крушцовой, но довольствуются, какъ старинные люди, каменными ножами, костяными шильями, деревянными и кожаными сосудами, и шакъ далѣе. *Оружіе* ихъ состоитъ въ лукахъ, стрѣлахъ, копьяхъ съ костяными наконечниками, и пращахъ. *Байдари* ихъ, въ кошхъ ѣдятъ они по морю и къ островамъ, составлены изъ кишовыхъ ребръ и обшянушы шюленьими кожами шакъ, что могутъ они въ оныхъ зашягивать по примѣру Гренландцовъ, Екимоксовъ, и нѣкошорыхъ другихъ Американцовъ. Байдари сіи бывающъ длиною до двухъ сажень, узки и плоскодонны.

Мяса и рыбы *ѣдятъ* не сырыя, но обыкновенно копченныя. Дичіе плоды и кореня ѣдятъ всегда сырыя. Оленицъ не доятъ, и по шому у нихъ, какъ и у Коряковъ, нѣтъ ни шворогу, ни сыру. Наибольше же пашающъ они всякою дичью и пшцидами, околѣлыми оленями, (ибо здоровыхъ, сколько бы оныхъ у нихъ ни было, убивать не любящъ) морскими звѣрями, выброшенными на берегъ кишами и раковинами. Вседневное ихъ *литие воды*. Когда вздумаютъ

подлито, що варяшъ вѣ одной *мухоморы*; и по елику они росшущъ у нихъ ешоль же мало, какъ и у Коряковъ, шо вымѣниваюшъ ихъ у Камчадалъ на олени кожи.

Главный ихъ промыселъ состоитъ вѣ содержаніи оленей, да при томъ вѣ звѣриноу промыслѣ и рыбной ловлѣ. *Олени* составляюшъ ихъ богашство; у иного есть ихъ до 10000, а у нѣкощорыхъ и больше; по чему они по большой части усадебныхъ Коряковъ и Камчадалъ одѣваюшъ ихъ кожами, а на промѣнѣ получаютъ наилучшую мягкую рухлядь, или что имъ полюбишя. Однакожъ у многихъ и вовсе нѣтъ оленей. Такіе живущъ совокупно и питаются отъ звѣринаго промысла, рыбной ловли, также кишами, моржами и другими морскими звѣрями. Козаки называюшъ шаковыхъ бѣдныхъ *Сукотскими лѣшими*. Женщины ихъ упражняющя вѣ шомъ же, вѣ чемъ и Корячки.

Во нравахъ и обыкновеніяхъ сходствуюшъ отъ часни съ островами жителями, кои будущъ описаны послѣ. *Зимнія хижины* дѣлаюшъ они пространныя, и по большой части живущъ вмѣстѣ нѣсколько семей, коихъ мѣста отдѣлены жердями. Съ общаго огнища поднимаетя дымъ вѣ верхъ сквозь пополокъ: но хижины ихъ крайне дымны и такъ жарки, что бабы и вѣ самыхъ холодныхъ ихъ мѣстахъ сидяшъ совсемъ нагя. Каждое отдѣленіе хижины имѣетъ свой собственной рыбимъ жиромъ налившой свѣшильникъ съ сдѣланною изъ моху свѣшильнею. *Нослеги* ихъ возвышены, на подобіе скамьи или палашей, и усланы кожами. Во время перекочовки ѣдушъ какъ и Коряки на саняхъ, запряженныхъ оленями. Къ служѣ привычны они такъ, что ежели не вѣ зимнихъ хижинахъ находяшя, шо довольствуются по большой части теплою свѣшильниковъ, рыбимъ жиромъ наливаемыхъ. У нихъ такъ же, какъ и у Коряковъ, не смѣетъ ни кто *кратъ* или убивать вѣ своемъ родѣ; вѣ же онаго производить шо и другое не шоко не возбранно, но еще и честно. За шакую дѣвку, кошорая не оказала еще проворства своего вѣ воровствѣ, ни кто и не сватаетя; ограбленіе сосѣдей служитъ производителю онаго вѣ превеликую славу. При *заклинаніяхъ* и клятвенныхъ обязашельствахъ берутъ они Солнце вѣ поруки. Побѣдителямъ даюшъ вѣ залогъ своей покорности своихъ священнослужителей. При всей своей дикости великіе они хлѣбосолы. Гостей своихъ хошя и не обременяюшъ ѣствами, однакожъ убиваюшъ оленя, чего для себя собшвенно никогда не дѣлающъ; или извиняюшя по крайней мѣрѣ, что на шощъ случай,

Чукотская баба кожѣ выдѣлывающая.
Eine Tschucktschin das Leder zubereitend.
Femme Tschouktchienne faconnant des peaux.

какъ гости пожаловали, олень ни одинъ не палъ, или не разшерзанъ медвѣдемъ и проч. При томъ такъ же, какъ и Коряки, даюшъ гостямъ наилучшихъ своихъ красавицъ въ наложницы, которыя водносятся имъ, какъ и Корячки, для пищи свою мочу.

Въ разсужденіи *святоства, воспитанія дѣтей, чужеленій и лохоронъ* происходитъ у нихъ то же самое, что и у Коряковъ. Они содержатъ такъ же *Шаманской законъ* безъ порядочныхъ повлѣстій о богахъ, добродѣтеляхъ, порокахъ, будущемъ и проч. къ жизни не прилѣпляются, не перенося житейскихъ горестей крайне склонны къ самоубійству; а сіе самое и преодолеваю оныхъ не малымъ служеніемъ препяшствіемъ.

КУРИЛЬЦЫ.

Острова, лежащіе отъ Южнаго мыса полуострова *Камчатки* до самой *Ялоніи*, простираются рядомъ съ Сѣверосѣверовостока на Югоюгозападъ и, какъ кажется, воспріяли начало свое отъ Камчатскаго хребта горъ, коего долины покрыты моремъ, и по тому между собою раздѣлены. Всѣ они вообще гористы, и на нѣкоторыхъ есть пакъ же, какъ и въ Камчаткѣ, огнедышущія горы и горячіе ключи; на иныхъ есть и лѣса, а иные совсемъ безлѣсны; воздухъ же на всѣхъ умѣренной. Острова сіи называются вообще *Курильскими*: но ни количество оныхъ, ни названія ниже обширность и качества, точно еще не извѣстны. Двадцать съ небольшимъ острововъ имѣютъ названія какъ на примѣръ: *Сумцу*, лежащій отъ Камчатки только въ 15 верстахъ, длиною въ 50, шириною въ 30 верстъ; *Поромузу*, ближайшій къ Сумцу, обширностію вдвое; *Уюко* еще пространнѣйшій; *Матмай*, лежащій отъ Японіи только въ 30 верстахъ, и еще больше приближенный по Таскому проходу къ Западной Китайской матерой землѣ, при томъ по Японіи наибольшій; и многіе другіе. Большіе острова всѣ населены; нѣкоторыя же изъ малыхъ совсемъ пусты. По положенію своему и качеству весьма они между собою различны. Въ лѣсахъ ближайшихъ къ Сѣверу острововъ растутъ лиственница и дубъ, въ склонившихся на Югъ натуральныхъ просты, виноградныя лозы и пакъ далѣе на нѣкоторыхъ водятся медвѣди, лисицы, песцы, дикіе бараны и другіе звѣри. На берегахъ всѣхъ сихъ острововъ вообще появляются морскіе бобры, моржи, тюлени, киты и другіе морскіе звѣри.

Жители сихъ острововъ не на всѣхъ называютъ себя одинакимъ именемъ, и при томъ нарочито между собою разнятся нѣкоторыя какъ въ видѣ, пакъ и языкѣ. Больше называются они *Кушани*, отъ чего можетъ быть произошло и названіе *Курильцы*; ближайшіе же къ Югу островскіе жители называются обыкновенно *Киккурильцами*. Нѣкоторые островяне походятъ языкомъ, видомъ и нравами на Японцовъ, иные же на Камчадалъ; но есть и такіе острова, коихъ жители произошли отъ обоихъ сихъ коренныхъ народовъ. Сѣвернѣйшіе острова повинуются Россійской, а Южнѣйшіе Японской власти; многіе независимы, да и подвластные отъ части токмо наблюдаютъ долгу подданныхъ. Они не всегда даютъ аманашовъ или заложниковъ; равно и податъ платяшъ не

всякой годъ, да и не за одинакое число душъ: по чему и не можно знать сущаго ихъ количества. Въ 1766 году записано въ подушной окладъ изъ всѣхъ Россіи подашь плавающихъ островскихъ жителей только 262 души.

Настоящіе *Курильцы*, которые сходны нѣсколько съ Японцами, *росту малаго*, лицомъ круглы и нѣсколько плоски, однакожъ не дурны; волосы у нихъ черные, бороды большія, и шло нарочито обросло волосами. Въ поведеніи своемъ человеколюбивы, честны, постоянны, вѣжливы и привѣшливы, но въ несчастіяхъ малодушны и къ самоубійству склонны. *Языкъ* ихъ, которыми говорящъ прошажно, слуху приятенъ.

Мужины удражаются въ ловлѣ морскихъ звѣрей, пшицъ, китовъ и проч. также въ звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ. *Лодки* строящъ изъ дерева своихъ лѣсовъ, или и изъ выбрасываемаго морей на берегъ, и гребущъ однимъ весломъ, которое съ обѣихъ сторонъ имѣешь по одной лапѣ. *Женщины стараются* о пригошовленіи пищи, одѣянтія и проч. а на Сѣверныхъ островахъ прядущъ такъ же кропиву и шкутъ. Южные островскіе жители, которые превосходятъ Сѣверныхъ разумомъ и лучшими нравами, производящъ въ Японію небольшіе шорги китовымъ жиромъ, мягкою рухлядью, орлиными перьями для оперенія шпрѣль, и другими шоварами; получающъ же въ оборотъ Японскую крушцовую и-лакированную посуду, кошлы, сабли, разныя машеріи, наряды, щепетные шовары и шабакъ.

Живутъ они въ землянкахъ, обшитыхъ въ нупри шесомъ и подобныхъ Камчадалскимъ: но оныя поопряжише и украшены отъ части Японскимъ домашнимъ шкарбомъ. *Блѣтъ* же морскихъ звѣрей, всякую дичь, пшицъ, рыбъ, дикія коренья и плоды, отъ части и морской капусташникъ; а на южнѣйшихъ островахъ и Японскія сахарныя закуски, и проч.

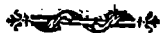
Одѣяніе сѣверныхъ островскихъ жителей нарочито походищъ съ виду на Тунгузское, и дѣлаешся изъ лебяхихъ, гагарихъ и другихъ водяныхъ пшицъ шкуръ, также изъ шюленыхъ и иныхъ морскихъ и дикихъ звѣрей кожъ. Волосы подрѣзываютъ до самаго зашылка. Шляпы ихъ шпленены изъ камышу. Южнѣйшіе островяне почишаютъ большія бороды, волосъ на головѣ не подрѣзываютъ, а губы чернятъ до половины. Одѣяніе ихъ по Китайскому вкусу долгое, и дѣлаешся изъ подбрюшинъ водяныхъ пшицъ, также изъ мягкой рухляди, кишайки или и изъ шелковыхъ машерій; водпоясывающа же Японскими саблями. *Женское одѣяніе* подобно

мужскому. Женщины подрѣзываютъ волосы только на лбу, дабы свободнѣе было смотрѣть, и чернятъ губы всплошь. Оба пола вышиваютъ по Тунгусскому обыкновенію на лицѣ и на рукахъ у себя фигуры. Они столько любятъ чужіе образцы въ разсужденіи нарядовъ, что иногда и странно одѣваются. Употребляемые ими Японскіе наряды стоятъ имъ наилучшихъ морскихъ бобровъ и лисицъ. По елику они любятъ пестроту и при томъ не бережны, по чему платье скоро марается; но ни когда не видно, чтобы они къ спашу или по крайней мѣрѣ чисто были одѣты.

Устарѣлымъ людямъ оказываютъ преимущественное почтеніе, всякаго человѣка почитаютъ, и обходясь особливо со своими приятно. Гостей другихъ острововъ принимаютъ, наряжась и вооружившись, дружески, здоровкаются преклоненіемъ колѣнъ и обняваньемъ, и при томъ дѣлуются; у иныхъ же и слезы съ глазъ капаются. Старшій изъ гостей повѣствуетъ въ рѣчи бывшія какъ съ самимъ имъ, такъ и съ родственниками его происшествія; что всѣ слушаютъ стоя. Хозяинъ рассказываетъ и съ своей стороны то же, и по томъ увѣряютъ себя взаимно о дружественномъ соучастствованіи. Въ угощеніяхъ, одѣянιάхъ, и жилищахъ ихъ мало видно чистоты. Для забавы они поютъ, пляшутъ и говорятъ баяль. Когда говорятъ, то наблюдаютъ при томъ кротость, вѣжливость, скромность и правду. По елику они сами не лгутъ и не обманываютъ, то не ходятъ шерпѣть, чтобы и ихъ проводили.

Женитбы ихъ нарочито походятъ на Камчадалскія. Съ невѣстами сживаются они тайно, и по томъ ихъ увозятъ. Рогашой мужъ вызываетъ своего помощника на поединокъ, который долженъ съ нимъ или перевѣдаться или побиться; въ послѣднемъ случаѣ даютъ они попеременно другъ другу по три удара. Родимощнымъ *женамъ*, какъ слышно, тяжелы. *Дѣтлмъ* даютъ имена повивальныя бабки безъ всякихъ обрядовъ. *Похойниковъ* своихъ хоронятъ; сѣверные же оспировскіе жители зарываютъ ихъ зимою только въ снѣгъ.

Заковъ содержатъ *языгской* по *Шаманскому толкованію*. *Идолы* своихъ (Югутъ) дѣлаютъ изъ соспавленныхъ красиво щепокъ, и спавяшъ ихъ въ хижинахъ.

ВОСТОЧНЫЕ ОСТРОВСКІЕ ЖИТЕЛИ.

Морской проливъ между матерюю землею Азіи на Сибирскомъ берегу, и Америкою, такъ какъ и находящееся ошъ Камчатки въ Юговосшочной споронѣ море, преисполнены островами разной величины. Ближайшіе изъ сихъ острововъ со времени в спрѣшїа Россію въ свое владѣніе опдалениѣйшей Восточной Сибири не неизвѣстны; но обрѣшеніе большаго ихъ количества началось во время Государя Имперашора *Петра Великаго*. Первое на шо поступленіе возпослѣдовало чрезъ славную *Камчатскую морскую* экспедицію; по шомъ развѣзжали по сему морю отважные кунцы, козаки и промышленики, и умножали отккрытія съ году на годъ: однакожъ не прежде, какъ съ 1760 году начали подробнѣе и поимянно освѣдомляться о сихъ островахъ. Въ послѣдніе 20 лѣшъ на основаніи блашвореній, какія въ нынѣшнее славное царшваніе **ЕКАТЕРИНЫ II** оказаны въ шакоемъ намѣреніи шорговымъ людямъ и мореходцамъ, сдѣлано гораздо больше новыхъ отккрышій, нежели во всѣхъ прежнїа времена а особливо съ 1780 года по мореходной экспедиціи Капишана Биллинга.

При всемъ шомъ можно думать съ вѣроятностію, что въ водахъ сихъ есть не меньше и неизвѣстныхъ еще по нынѣ острововъ; о найденныхъ же, по елику они, выключая нѣкошорые шокмо осшошренныя во время помянушой морской экспедиціи, не виданы никогда испытателями природы, извѣстїа наши весьма недосшашочны. Нечисшюша моря, суровое состояніе острововъ, трудность въ досшаванїи нужныхъ свѣстныхъ припасовъ, звѣроловный и шорговый промыселъ нашихъ мореходцовъ и многїа другїа обшошательшва долго еще и въ будущїа времена будутъ противуполагашъ зашрудненїа Астрономическимъ опредѣленїямъ ихъ положенїа, шакже натуральной исторїи и точнѣйшему познанїю тамошнихъ жїтелей. Однакожъ я во удовольствїе чїшателей сообщу здѣсь въ шакоемъ же порядкѣ, какой наблюдалъ я по сіе время при описанїи другїхъ народовъ, наивѣрнѣйшїа и главнѣйшїа обшошательства, почерпнушыя мною изъ полученныхъ по сіе время отъ частїи другїми людями, а ошъ частїи и самимъ мною занятыхъ ошъ мореходцовъ извѣстшїхъ: при чемъ однакожъ и ошъ крашкосшїи не ошшущаю.

Изъ сихъ острововъ ближайшіе къ Сѣверу, которые г. *дѣйствительный Статскій Советникъ Штормъ*, въ краткомъ извѣстіи объ оныхъ, называетъ вообще *Сѣвернымъ Архипелагомъ*, по причинѣ суровости своей и положенія меньше всѣхъ извѣстны въ разсужденіи обширности ихъ и состоянія. Нѣкоторые изъ нихъ такъ близки къ Сѣверовосточному углу Сибири, что *Сукси* могутъ пуды вѣдуть на малыхъ своихъ ладьяхъ. Южнѣйшіе къ Камчаткѣ, на широтѣ отъ 56 до 61 степени, посѣщаемы бывають отъ части нашими промышленниками: по чему и имѣемъ мы извѣстія о ихъ состояніи и жителяхъ.

Нѣкоторое количество сихъ острововъ простирается съ Западнотюгозапада на Востокосѣверовостокъ рядомъ отъ Камчатки къ матерой землѣ *Америки*. Острова сіи называются вообще *Лисьи*, по тому, что много на нихъ водится черныхъ и красныхъ лисицъ. Ошибно же достойны примѣчанія острова: *Беринговъ* или такъ называемый *Коммандерскій*, лежащій въ 250 верстахъ отъ устья рѣки Камчатки на Востокъ длиною верстъ на 80; *Мѣдный островъ*, къ берегамъ котораго прибываетъ изъ моря мѣдная частица; *Умнякъ*, обширностію верстъ на 250; *Уналашка*, еще пространнѣе, со многими другими не много меньшими, и великимъ числомъ малыхъ. Изъ знашнѣйшихъ острововъ *Кадыкъ* близокъ къ матерой землѣ *Америки*.

Другой рядъ острововъ простирается съ Сѣверосѣверовостока на Югоюгозападъ, и какъ будто перестѣкаетъ крестообразно Лисіе острова. Сихъ острововъ не много, и при томъ они не велики, но изрядно населены и подобны Лисьимъ. Они называются *Алеутскими островами*: но запросто разумѣются подъ симъ названіемъ иногда и всѣ шѣ острова, къ коимъ суда наши присажушъ. Знашнѣйшіе называются: *Аттакъ*, *Семисъ* и *Шемія*.

Нѣкоторое число ближнихъ острововъ, простирающихся отъ Алеутскихъ въ Сѣверовосточную сторону, называются *Адреновскими*. Нѣкоторые изъ нихъ и знасны, какъ и п. *Алкъ*, *Тагалокъ* и другіе: но по положенію своему много имѣють общаго съ Сѣверными островами. О многихъ же далѣе къ Сѣверу и къ Югу разсѣянно лежащихъ островахъ, на коихъ по большей части никшо еще не бывалъ, и которые частію и обширны, умалчиваю.

Всѣ въ разсужденіи *внѣшняго состоянія* между собою подобны. Они каменисты, гористы, болотны, и крайне суровы; есть на нихъ такъ же и огнедышущія горы. Въ отношеніи же къ *произведеніямъ*

ихъ весьма они между собою разиашся по опшѣнности ихъ положенія. На Сѣвернѣйшихъ есть лѣса и въ нихъ водятся звѣри; Южнѣйшіе же безлѣсны и имѣютъ степныхъ звѣрей, какъ шо лисицъ и другихъ. Около береговъ всѣхъ сихъ острововъ показывающся, однакожъ не у всѣхъ въ равномъ множествѣ, морскіе бобры, сивучи, морскіе кошы, шюлени и другіе морскіе звѣри. На берегѣ выбрасываетъ море Американской лѣсъ, морской капустникъ, раковины, и сему подобное.

Нѣкоторыя острова, изъ коихъ иные и немалы, совсемъ не населены, или имѣютъ временныхъ только жителей; иные также худо, а другіе нарочито изрядно заселены. Но ни на которыхъ еще нѣтъ по нынѣ Россійскаго селенія. Есть острова обширностию въ 50 и больше верстъ: но на нихъ живутъ только семьи двѣ, четыре, либо и шесть; и сіе самое обстоятельство весьма полезно для промысла морскихъ звѣрей, по тому, что ни кто ихъ не пугаетъ и они спокойно выходятъ на берегъ. На другихъ равной величины островахъ живетъ семей по сту и больше. Поголовное счисленіе народа у сихъ людей не въ обыкновеніи; они сами себя не счищаютъ, да и Козакамъ дѣлать того не дозволяютъ, которые не только управиться съ ними не въ состояніи, но ищутъ еще и самі дружества таковыхъ островскихъ жителей для собственной своей безопасности, для удобности въ звѣриномъ промыслѣ, и для большей выгоды въ производимыхъ ими вымѣнахъ товаровъ. Нарочито великое число Козаковъ погибло уже въ разныя времена отъ свирѣпости или и отъ одного только подозрѣнія сихъ островскихъ жителей. Въ 1766 году записано ихъ въ подушной окладъ только 367 человекъ; хотя въ прочемъ легко можно изчислить, что и на нѣсколькихъ шокмо ближнихъ островахъ было тогда больше 1000 взрослыхъ мужчинъ.

Острова, посѣщаемыя нашими кораблями, кои ежегодно по два, а иногда и по три, но въ случаѣ великихъ затрудненій противоборствующихъ шаковому снаряду, и ни одинъ изъ Охотка не отправляется, даютъ больше добровольно нѣкоторую *лодоть*, а именно по черной лисицѣ, или по морскому бобру, либо на столько же по цѣнѣ другой мягкой рухляди, съ души, и берутъ при отдачѣ свидѣтельства въ полученіи. Но на иные острова можно шокмо ѣздить года черезъ три, черезъ четыре, либо и черезъ пять лѣтъ; и тогда даютъ они правда наддачу, однакожъ не большую. Подаютъ ихъ походить больше на даръ, приносимый ими въ знакъ

преданности своей, нежели на сущую дань. Самую главную выгодою можно почесть обогащеніе Россійскихъ подданныхъ, которые крайне скоро разживаются, если шокмо посланные къ таковымъ островамъ суда совершатъ путь свой благополучно. Самое большое количество острововъ по нынѣ еще въ совершенной пребываетъ независимости и пользуется естественною вольностию. Но они черезъ звѣриной промыселъ и промѣнные шорги могутъ быть сколько же полезны, какъ и покоренные.

Между разумными островскими жителями есть конечно въ сужденіи породы, вида, душевныхъ качествъ, нравовъ, языка и проч. не меньше отличій, какъ и между народами, обитающими на нашей Сибирской землѣ: но полученныя по нынѣ извѣстія столь недостаточны, что не можно по нимъ положить различія на основаніи сихъ и другихъ признаковъ и между извѣстными островами, ниже раздѣлишь ихъ по единоплеменнымъ колѣнамъ и однимъ отъ другихъ отличить. Жители Алеушскихъ, Лисскихъ и Андреевскихъ острововъ, видомъ, жиціемъ и прочимъ такъ между собою сходны, и при томъ какъ Корякамъ, такъ и Сѣвернымъ Американцамъ, шолико' подобны, что предки ихъ, какъ кажешся, были единоплеменны ихъ и другихъ. Да и въ языкѣ ихъ столь мало различія, что приученный къ шолмаченью Алеушскій мальчикъ можетъ исправлять сіе на многихъ отъ части и отдаленныхъ островахъ. Напротивъ того на другихъ, иногда и не очень дальнихъ островахъ, видно въ языкѣ, нравахъ и въ видѣ жителей гораздо больше отличія. Они сами даютъ себѣ разныя имена, которыя бывають совокупно и названіями ихъ острововъ. Жители острова *Кадыла* называются *Какагистами*; и сіе наименованіе сходствуетъ нѣсколько съ названіемъ Гренландцевъ и Екимоксовъ въ Лабрадорѣ, кои именуются *Каралитами*.

Островяне сіи по большей части *малорослы*, костью крѣпки, однакожъ тонки; лицо у нихъ нарочито плоское, кожа бѣлая, волосъ черной и прямой, борода жидкая, глаза, уши, носъ и ротъ обыкновенной величины, да и вообще они спашны, крѣпки, и совершенно сообразны своему климашу и суровости обитаемыхъ ими острововъ. Они *одарены изряднымъ природнымъ разумомъ*, но оный нѣсколько коснителенъ. Оказываютъ же они его природными понятіями о правдѣ и кривдѣ, удовлетвореніемъ своихъ нуждъ и при многихъ недостаткахъ своихъ острововъ, понятностію дѣтей въ изученіи чужихъ языковъ, и многими другими обстоятельствоми,

довольно явственно. Они чрезвычайно скромны и безприсрастны: но ежели шихоси ихъ нарушишь подозрѣніемъ, обидами или инымъ чемъ, то бывають необузданны, дики, испяшь иаижесточайшимъ образомъ, не уважая ни оскорбленія, ни удовольствовенія, и прекращають часто жизнь свою и по причинѣ небольшихъ мученій, либо опасаясь какого ни есть нещастія, самоубійствомъ, при комъ бывають толмко же безчувственны, какъ и Восточные Сибирскіе народы. Они правда дерзки, однакожь не вѣроломны, не вороваты, и не любящъ ни грабежей не убійствъ. Хотя они и поублають шакого иностранца, кошорой приневоливаетъ жемъ ихъ къ прелюбодѣвію: однако спокойному чужому же человѣку вручають ихъ напросивъ шого изъ одной учтивости. Къ нимъ можно вкрадываться въ любовь шакъ, что ошкроють совершенно и умыслъ своей брашья.

Сіи суровые, и необузданные простаки, живутъ между собою въ совершенной равенствѣ, безъ предводителей и начальниковъ, безъ законовъ и наказаній, безъ уваженія прошедшаго и будущаго. Хищрой и удалой челоувѣкъ руководствуетъ однакожь нерѣдко цѣлыми артелями, а особливо когда дойдеть дѣло до удовольствовенія или шценія. При шомъ и старѣйшина въ малой или большой хижинѣ, кошя и не видишь къ себѣ почтенія, однакожь и другимъ не уступаетъ. Вожда шакъ, какъ и родоначальника, называютъ они *Тоюномъ* и *Туйгуюмъ*. Между собою хранять они союзъ по семействамъ и по родамъ, и спояшь за себя какъ при защищеніяхъ, шакъ и въ случаѣ нападений. Жители одного острова почишають себя всегда единородными и думаютъ, что островъ общее рода ихъ имѣніе. Небольшія артели чужихъ людей принимаютъ хорошо; иаигольуднымъ же толпамъ сопротивляются, пока или ихъ не истребятъ или сами не погибнуть. Всякъ пользуется свободою шѣмъ, въ чемъ имѣеть нужду; равно почишаетъ себя и хозяиномъ всего, что бы то ни было; а ошъ сего производящъ споры, кошя они въ прочемъ и миролюбивы.

У нихъ нѣтъ ни какого ученія, ни грамоты, ни заручительныхъ знаковъ, ни лѣтосчисленія, ни свѣденія о прежнихъ ихъ бытіяхъ; словомъ сказашъ, они не знаютъ ни чего другаго, кромѣ шого, что до житія ихъ касается. Они считають, какъ и мы, до десяти, и по томъ удвояють. На Алеутскихъ островахъ считають шакъ: *Тагатахъ*, одинъ; *алагъ*, два; *канкусъ*, три; *зети*, чешьре; *та*, пять; *ату*, шесть; *оулу*, семь; *калсе*, восемь; *шнсетъ*,

девяшь ; асокѣ, десять ; и шакѣ далѣе. Солнце называется *Азгилъ*, луна *Тугилагѣ*, вода *Тана*, вѣтрѣ *Катикѣ*, огонь *Кигснагѣ*, чело-вѣкъ *Тайлла*, баба *Аязгѣ*, дерево *Яа*, и проч.

Промыслы и дѣла свои производящѣ единственно во удовле-твореніе естественныхъ нуждъ для сохраненія жизни, безъ всякаго при шомъ помышленія о удобствахъ, чести, богатствѣ, буду-щемъ и проч. по чему они и не ошшаюшѣ ошъ оныхъ ни по ка-кимъ обстоятельствамъ. По елику одни острова не имѣюшѣ съ другими сообщенія, то жители каждаго живушѣ про себя ; а ошъ сего происходитъ различіе въ житіи и въ разныхъ изобрѣшеніяхъ къ облегченію ихъ нуждъ, или въ заимствование пользы ошъ того, что уже есть, и въ приведеніи онаго еще въ лучшее состояніе. У нихъ *нѣтъ* ни какаго *скота*, ниже собакъ : по чему и стрѣляютъ козачьихъ собакъ шакъ, какъ и другую дичь. Звѣриный промыселъ, шакже ловлю пшицъ и рыбъ, производяшѣ только по нуждѣ, и во всемъ, не выключая ниже спроченія хижинъ и дѣланія домашнихъ надобностей, берушѣ женъ на помощи. Дикихъ звѣрей убиваютъ спрѣлами или ловяшѣ. Рыбу запружаютъ въ ручьяхъ наноснымъ валежникомъ и ловяшѣ ее небольшими коробами или косяными вилами, либо и голыми руками ; употребляюшѣ шакъ же и ко-сяныя уды на веревочкахъ изъ кочерыгъ морскаго капушника, кои бываюшѣ длиною сажень по осьмидесяти и вышгиваюшся. На морскихъ звѣрей нападаюшѣ обыкновенно, когда они спяшѣ, или убиваюшѣ ихъ и спрѣлами въ водѣ, развѣзая на своихъ ладьяхъ. Женщины сушатъ мясо и рыбу, выдѣлываютъ пшичь подбрю-шины по большой части черезъ выминанье, рыбьи шкуры, мягкую рухлядь и кожи, подобныя замшѣ, шьюшѣ одѣяніе, и проч. Въ выдѣлкѣ сей не столько они знающіе, какъ всѣ почти Сибирячки ; въ шитьѣ же и спроченьѣ вычуровъ весьма искусны. Еже-ли островъ избыточествуетъ какою нибудь надобностью, а дру-гою недоспашочень ; то спрованье мѣняюшся ведъми безъ даль-ныхъ рашетовъ. Иногда покушаюшся они выживать благополу-чнѣйшихъ островянъ ; и дѣло сіе производяшѣ по большой части не иначе, какъ черезъ истребленіе оныхъ. Съ того времени, какъ спшали прѣзжати къ нимъ Рускіе люди, цѣна иныхъ вещей во всемъ у нихъ перемѣнилась. Сами носятъ они худшую мягкую рухлядь, лучшую же, а особливо морскихъ бобровъ и черныхъ лисицъ, про-шниваютъ на лоскутъ матерій, шакже на шшки, иголки, и другія шблочи, а больше на бисеръ. Кшо имѣшѣ изрядную хи-

жану, много бабъ, хорошую лодку и пригожее по ихъ вкусу. одѣяніе, шотъ считаеиъ себя не меньше Князька.

Оружіе ихъ и домашній скарбъ со всеиъ по мысли спаринныхъ людей: сюда принадлежатъ лукъ, стрѣлы, дрошники, копыя, пращи, щиты и дубины, все безъ желѣза, коего не велѣно къ нимъ возишь, дабы не сдѣлашь чрезъ шо сихъ людей опаснѣйшими: но они все сіи орудія дѣлаютъ смертоносными посредствомъ заостренныхъ костей или камней. Изрядно опереные, фуша въ три длину, *дротники* могутъ они, какъ и Гренландцы, вешать саженъ за тридцать. Когда попадаеиъся ииъ въ руки желѣзо, шо куюиъ холодное каменьеиъ и дѣлаютъ копейца, отъ которыхъ раны по причинѣ шероховатой и нечистой оидѣлки, бываюиъ крайне опасны. Байдары ихъ бываюиъ длиной саженъ по шести, и могутъ поднииашь иныя человеки до сорока; хоия въ прочеиъ дѣлаюиъся только изъ наноснаго дерева или и изъ киповыхъ ребръ; рабшу произвоиъ заостренными каменьями съ великииъ трудомъ и не гладко; обшиваюиъ же моржовыми и шюленьими кожами. Обыкновенные Каноты или лодки располагаюиъся только для одного или двухъ человеки, и бываюиъ въсьиъ фуншовъ въ тридцать.

Жилища ихъ подобны Камчатскимъ, но по большой части обширнѣе. *Жилища землянка* (Уллаа), которая походишь также и на Гренландскую, гдѣ она называется *Иглолбъ*, длиной бываеиъ отъ 10 до 50 саженъ, шириною отъ 3 до 5 саженъ, а глубиною въ землю сажени на полторы; въ нуири раздѣлена жердями, въ верху решетчатая, и покрыта шравою, сверхъ которой навалена земля. Решетки же таковыя дѣлаюиъся изъ жердей, а сіи изъ наноснаго лѣсу. Въ такоиъ пошолокѣ для лазенья по лѣсницаиъ, для проходу дыму, и для свѣшу бываеиъ отъ чепырехъ до шести отвершій, а иногда и больше; въ нуири же по самой срединѣ видно одно либо и больше огнивишь промежъ столбовъ, которыя у всѣхъ въ упоиребленіи: одинакожъ сколько можно въ меньшѣе количество; по чему въ землянкахъ ихъ рѣдко водится огонь. *Иоглеги* покрыты шравяными рогожами или и шеплыми кожами. Для *осошченія* сей длинной могилы находяиъся у раздѣлишельныхъ столбовъ свѣшильники изъ выдолбленыхъ каменныхъ отломковъ, въ коихъ огонь содержишь рыбииъ жиромъ. Въ такоиъ хижинѣ живеиъ малая или большая артель, состоящая изъ родственныхъ семей, въ коихъ бываеиъ вообще душъ 50, 100, 200, а иногда и 300. Она нарочишо походишь на преисподнюю; всего шушь доволь-

но: шеплоша, дымъ, иногда несносный жаръ, тусклой отъ свѣ-
пильника свѣтъ, нагія необузданныя человѣческія ошродія, гади-
ны, прѣбѣдная и негодная пища, шумъ, несносныя мерзосты, смрадъ
несноснѣйшій еще того, какой бываетъ отъ смолы и сѣры;
вошъ все то, что сыскашь шупъ можно. На нѣкоторыхъ остро-
вахъ ведутся отъ части по старинному обыкновенію, а отъ ча-
сти и по причинѣ каменистой отъ земли обнаженной подошвы,
малыя фуша въ три глубиною *землянки* же, въ коихъ живущъ по
одной только семьѣ. Большая половина островянъ имѣютъ и
лѣтнія жилища (Барабара), подобныя такъ же Камчадалскимъ. Они
огромнѣе, стоятъ поверхъ земли и преисполнены людей. Нѣко-
торыя островскіе жилища укрѣпляютъ нѣсколько свои землянки
наноснымъ лѣсомъ.

Домашній ихъ скрѣбъ соотвѣтствуетъ жилищамъ. Оный со-
стоитъ наипаче въ деревянныхъ корытахъ, дѣлаемыхъ изъ нано-
снаго или собственнаго лѣсу, въ раковинныхъ чашкахъ, въ вы-
долбасныхъ ошломкахъ камней, въ плешеныхъ кузовахъ, въ сосу-
дахъ изъ коры и кожи, въ шравяныхъ рогожахъ, въ заостренныхъ
камняхъ, кои служатъ имъ вмѣсто шопоровъ и ножей, въ костяной
ремесленной снасти, а куда Рускіе люди приѣзжаютъ, тамъ во-
дятся у нихъ сверъхъ того и кошлы или чугуныя горшки. Лег-
ко можно разсудить, сколь великаго труда шаковымъ людямъ
стоитъ, ухитить такое жилище, дѣлать домашнія подобности,
лодки и проч. безъ долотъ, шопоровъ, ножей и сею подобнаго,
одною каменною и костяною снастью: по чему они и живутъ въ
вышеописанной тѣснотѣ, а иногда и въ каменныхъ пещерахъ, ко-
торыя уживающъ для жилья наноснымъ валежникомъ, кожами,
рогожами и проч. и шупъ весь свой вѣкъ препровождаютъ.

Они не чаютъ бышь успроенными отъ природы такъ чтобы
надлежало имъ стыдиться: по чему не только дѣши, но и взрос-
лые обоихъ половъ ходятъ въ жаркихъ юртахъ, или когда оуѣя-
ніе мѣшаетъ имъ въ исправленіи своихъ дѣлъ, совсемъ нагіе. Мно-
гіе, занавѣшивающъ срамной удъ маленькимъ запономъ кожаными, или
шубнымъ лоскутомъ, либо и листкомъ; мужчины же особливо но-
сятъ въпереди шину, кошорой не оставляютъ пустой не столь-
ко для прикрытія уда, сколько для сбереженія онаго. На мно-
гихъ, особливо Сѣверныхъ островахъ, выводятъ оба пола, для мни-
мой прикраesy, на рукахъ и на лицѣ изображенія звѣрей, пшицъ,
цвѣшомъ, либо и изъ своей головы личуры, не нишками, какъ то

*Алеути.
Ein Aleute.
Aleutien.*

дѣлають Восточные Сибиряки, но кровавымъ накалываніемъ посредствомъ рыбьихъ костей; наколотыя же такимъ образомъ мѣша натирають черною или другою какою земляною краскою, и дѣлають чрезъ то выводы свои незагладимыми. Въ *ушныхъ моткахъ* дѣлають иные по краямъ множество дырочекъ, въ которыя продѣвають нучки изъ ибллага красиваго перья составленные, также корольки и другія мѣлочи: наибольше дѣлають сіе женщины. Мужчины кажутся дурно, когда волосы скоро и густо растутъ: по чему и вышеревливаютъ у себя бороды иные и до чиста. Женщины обнажаютъ у себя отъ волосъ лобъ; а осшальные заплетаютъ на зашылкѣ въ одну косу. На нѣкоторыхъ островахъ очищаютъ мужчины отъ волосъ всю голову острыми каменьями, на другихъ же дѣлають только лысину съ околышемъ, кошорой коротко подрѣзываютъ. Многіе совсемъ не умываются и по тому смуглы и дурны; иные же моются сперва своею мочою, а по томъ водою; и съ лица чисты, румяны, и здоровы кажутся. Наиспраннѣйшимъ ихъ обыкновеніемъ можно безъ сомнѣнія почестъ то, что на всѣхъ почти островахъ многіе какъ мужчины, такъ и женщины въ ребячествѣ своемъ дѣлають на нижней губѣ два глубокіе прорѣза, а въ носовомъ хрящѣ провершываютъ скважину. Въ губные оныя прорѣзы вставляютъ они, когда вздумаютъ пощеголять, а сіе случается и часто, моржовые, до двухъ дюймовъ длиною, изогнутые и выглаженные зубы стоймя, такъ что держатся на челюсти, сквозь скважину же въ носовомъ хрящѣ продѣваютъ подобную перекладку небольшую пшичью кость, такъ что моздри приподнимаетъ къверху. Кошорые любятъ щеголять, шѣ дѣлають по срединѣ нижней губы еще претій прорѣзъ, въ кошорой вставляютъ выкрашенной камышекъ.

Одѣжаніе ихъ теплое и щегольское состоитъ въ сорочкѣ (Парка) длиною по колѣна, подобной во всемъ Корякской. Мужскія Парки дѣлаются изъ подбрюшинъ гагаръ и разныхъ морскихъ пшиць, а особливо изъ гагаръ; женскія же изъ морскихъ бобровъ, лисиць и иной мягкой рухляди. Они всегда надѣваютъ ихъ на голое шѣло, и обращаютъ на ружу по пушистой, по гладкою стороною; а сію послѣднюю красятъ обыкновенно красною землею. Они носятъ въ дождливое время еще и другія сорочки (Камлаи), подолбе первыхъ изъ сивучьихъ кишекъ или рыбьихъ шкурокъ сдѣланныя, и надѣваютъ ихъ сверхъ теплыхъ сорочекъ, а иногда и на голое шѣло. Холщевыя шаперти совсемъ имъ незнакомы, а штаны, рука-

виды и чулки не въ упошребленіи: однакожъ нѣкоторыя запасаютъ на зиму кожаныя шепальми чулками. Ногамъ ихъ не бываетъ ни какого вреда отъ того, что ходяшъ по снѣгу босикомъ. Летомъ или ни чѣмъ головы не покрываютъ, или носятъ лѣтнія шляпы изъ дерева вырѣзанныя, кои походятъ съ виду на ушиную носъ, и кошорыхъ узкій или передній конецъ выдался надъ лбомъ въ передъ фуша на полтора, какъ навѣсная крышка. Они красятъ шаковыя шляпы земляными красками своихъ острововъ, и огораживаютъ ихъ по краямъ перьями, а въ верху и около разспавливаютъ пучки, сдѣланные изъ крѣпкихъ, длиною въ пядень и больше, сивучьихъ и морскихъ кошовъ усовъ, да сверхъ того украшаютъ пригожими пронизками и перяными пучками: по чему они на Римскіе пишаки не меньше походятъ, какъ и на лѣтнія шляпы, а особливо, когда они переднюю часть носа больше приподнимаютъ въ верхъ. Надъ самую же головою они полы; и на шаковомъ верхнемъ краю укрѣпляютъ они по большой части маленькаго, длиною въ дюймъ, идола костянаго, въ человѣческомъ подобіи сѣдѣаго, и при томъ красивѣе вырѣзаннаго, нежели бы можно было ожидать отъ людей не имѣющихъ ни ножей, ниже иныхъ какихъ для такой работы надобныхъ орудій. Мужчины носятъ также и кегелю подобныя кожаныя шапки, вышиною съ лишкомъ на пядень, кошорыхъ края и два супротивныя шва вичурами, а сіи и отпорочки ихъ волосяною бахрамою шириною въ ладонь, вершина же снурками и прицепленными къ нимъ улишками, украшены. На нѣкоторыхъ островахъ носятъ шапки и поплосчаѣ, нарочито похожія на наши скороходскія. Верхній шовъ у сихъ шапокъ выкладываютъ они такъ же долгою волосяною бахрамою; края же и бока украшаютъ вичурами и перьями. Женщины шьютъ себѣ лѣтнія шапки изъ кожи, рыбьихъ шкурокъ или изъ разпоросыхъ звѣриныхъ кишокъ. У шапокъ сихъ края праймые, шириною въ ладонь; при томъ они повсюду вышиною равны, и они имѣютъ плоскую или мѣлкую тулюю. Края и тулюю украшаютъ весьма пригожимъ шитьемъ, кошорое выводятъ жилами, волосами, а иногда и бисеромъ, когда могутъ оной достать; тулюю же обводятъ по краямъ во кругъ волосяною бахрамою, длиною въ палець. Зимую носятъ шапки изъ шкурокъ пѣганокъ, кошорыя здираютъ и высушиваютъ такъ, что голова проходитъ въ брюхо пшцы; при чѣмъ ея шея, крылья и хвостъ остаются по прежнему на своихъ мѣстахъ. Найвеликолѣпнѣйшія ихъ перяныя шапки дѣлаются изъ пѣганокъ. Въ мѣсто шеи придѣлываютъ состоящую

Курилецъ.
Ein Kurill.
Kourilien.

изъ сложенной вдвое кожи, шириною пальца въ два, упругую полосу, которая въ низу и въ верьху разпещрена мѣлкимъ шитьемъ, а по краямъ выложена волосяною бахрамою, длиною въ персть. Въ мѣсто пшичьей головы прикрѣпляютъ они къ шаковой кривулинѣ нижнюю песцовую челюсть. Полоса сія простирается черезъ всю спинку шиды, и придаетъ шапкѣ упругость. Она и на спинкѣ вышита и бахрамою обложена. Нарядное ихъ одѣяніе дѣлается изъ пшичьихъ подбрюшинъ и разной мягкой рухляди, на подобіе сорочекъ, просторное, длиною по самыя пяты, съ чрезвычайно красиво вышитыми перста на два шириною краинами, увѣшены повсюду полосками длиною въ пядень, изъ хорошей мягкой рухляди, а въ низу съ подзоромъ, длиною въ пядень, изъ однихъ кожаныхъ полосокъ. Одѣяніе свое шьютъ изъ того, чѣмъ сами они или ближайшіе островскіе жители избыточествуютъ. Многіе дѣлаютъ всегда оное изъ тюленьихъ, Сѣвернѣйшіе же изъ оленьихъ кожъ, а ближайшіе къ Востоку отъ части изъ такой шкурою мягкой рухляди, которую могутъ получать съ машерой Американской земли. Оба пола носятъ платье одинакое съ шюю только разностию, что мужское шьется больше изъ пшичьихъ шкурокъ, женское же изъ хорошей мягкой рухляди, а лѣтнее изъ подобной замшѣ выдѣланной кожи. Кожевническая ихъ выдѣлка посредственная; напрошивъ того въ шитьѣ одѣянія и въ выводѣ на ономъ вичуровъ, при чѣмъ въ мѣсто иглокъ и нитокъ употребляютъ рыбы кости и щипанья жилы, крайне искусны.

Въ разсужденіи *лици* соображаются совершенно природѣ своей и качеству своихъ острововъ. Они *ѣдятъ* кишовъ, морскихъ бобровъ и кошовъ, сивучей, хищныхъ звѣрей и другую дичь, также всякихъ хищныхъ и другихъ шидъ, всякую рыбу, а особливо палтусовъ, изъ коихъ нѣкоторые бывають въсомъ и выше 8 пудъ, разные роды кунжи, раковины, и всѣ вообще, выключая людей и насѣкомыхъ, водяныя, земныя и воздушныя животныя употребляютъ въ пищу, однако улишкѣ только по нуждѣ; сверхъ того ѣдятъ разные дикорастущія ягоды, сродныя островамъ ихъ обще съ другими ближайшими къ Сѣверу шпранами, какъ шо, чернику, голубицу, клюкву, брусницу, рябину, водяницу, шолокнянку, морошку, сарану, макаршино коренье, Камчатскую сладкую шраву, морской капустникъ и другія не горькія коренья и шравы. Охотно ѣдятъ также и издохшихъ морскихъ и полевыхъ звѣрей, да и соиную рыбу, хотя уже и съ душкомъ. *Соль* совсемъ имъ незнакома.

Больше *ѣдятъ* они все *сырое*, такъ что кровь шечетъ при томъ изъ роту по губнымъ прорѣзамъ: и по тому пища ихъ не пребуесть дальныхъ пригошовленій. Зимю держашъ они мясо и рыбу на деревянныхъ рожнахъ надъ своими свѣспильниками, не для того, чтобы поджарить, но въ томъ единственно намѣреніи, дабы разогрѣшь. Если же зашѣютъ что варить, то парятъ промежъ двухъ выдолбленныхъ и мискавъ подобныхъ камней, коихъ скважины замазаны глиною; а по томъ ѣдятъ холодное.

При такой своей неразборчивости рѣдко прешерпѣваюшъ они недоспашокъ на островахъ по большой части мало населенныхъ; однакожъ на иныхъ и бываетъ оной въ зимнѣ мѣсяцы. Для предупрежденія же шаковаго недоспашка, сушатъ остальное мясо и рыбу на солнцѣ, или копшатъ въ дыму: и по тому сушеная рыба (Юкола), кошорую они шакъ, какъ и сушеное мясо, ѣдятъ безъ дальняго пригошовленія, бываетъ обыкновенною ихъ зимнею пищею. Мясо и рыбу, кошорую скоро думаютъ сѣесть, или что ошанешся излишнее въ началѣ зимы, сохраняютъ они чрезъ опущеніе въ воду или зарыванье въ снѣгъ. Но они стольже безпечны, какъ и прожорливы: по чему рѣдко у кого бываюшъ шакіе ошашки, кошорые бы можно было сохранить въ прокъ.

Питье ихъ вода; они часто упошребляюшъ и соленую морскую, когда въ близи нѣшъ прѣсной. Въ праздничное время пьюшъ кишовой или иной какой рыбій жиръ, и шянушъ оной изрядно. Для *лалоло*, собшвеннаго не имѣютъ ни чего; да и не находятъ ни какой приятности ни въ мухоморахъ, ни въ шабакѣ, ни въ хлѣбномъ или Камчашскомъ травяномъ виѣ: что все было къ нимъ привозимо: однакожъ нѣкошорые, подражая козакамъ, привыкли къ нюхальному шабаку.

Поелику морской берегъ въ разсужденіи выбрасываемыхъ на оной мершвыхъ животныхъ, раковинъ, улишокъ и морскаго капушника, что все можно тамъ собирать во время ошлива, бываетъ въ случаѣ недоспашка надежнѣйшимъ прибѣжищемъ; шо всякая хижина или усадьба бережетъ свое на берегу мѣсто. Чужіе нуждающіеся люди не сѣютъ поднять на берегу ниже мертвой рыбы, но должны сперва просить оной какъ милосшныи; въ прошивномъ же случаѣ съ цѣлыми головами не уплешутся.

Сколь ни сообразно житіе ихъ прошошъ природы, однакожъ оно не въ честь ей служить, когда люди бываюшъ чрезъ шо шолкко подобны звѣрямъ. Въ *обшожденіи* они важны, въ разговорахъ весьма

ошрѣзисшы, между собою веселы, отъ чаши и болшавы, по безопасности гостепрїимчивы и щедры, но грубы и неприслупны. Не почиая родиселей и начальниковъ, не заобыкши къ повиновенію, и не зная что есть благочинїе и благоприснойность, слѣдуютъ всякъ своей прихоши. Они ѣдятъ, когда ешь за что принятыся, и когда проголодаются; при чемъ иногда и выпораживаются. Въ случаѣ недоставка постыются безъ ропшанїя и нѣсколько дней съ ряду. Жилыя ихъ ямины дѣшскими, а кровли, взрослыхъ людей кладами вплоть усажены: по чему несносно смердишь въ близи и въ нушри ихъ жилищъ. Они ходя часто нагїе, шворятъ и соипїе въ нушри и виѣ юрїѣ безъ всякаго зазору, и при томъ, по великой горячности обоихъ половъ, нарочито часто. Да и родящъ женщины безъ всякаго же закрытїя или ушайки. Спятъ они на камышевыхъ рогожахъ а покрываются плашьемъ. Всякій родъ или поколѣнїе держитъ правда одного острова: но они ѣдятъ временемъ и на другїе острова, и живутъ тамъ иногда долго. Необитаемые острова принадлежатъ всѣмъ равно; на населенныхъ же бываютъ или какъ гости, или какъ непрїатели. Когда они приѣзжаютъ и на короткое время, шо дѣлаютъ немедленно для себя ямины. Огонь добываютъ по примѣру Камчадалъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ чрезъ шренїе одного дерева объ другое. Грѣются шравою, которую поджегши, спановаясь надъ оною разшопыря ноги такъ, чтобъ дымъ и тепло/проходили подъ шубу (Парка). Войны ихъ состоятъ больше въ нападєніяхъ; когда же идутъ прислупомъ, шо несутъ передъ собою деревянные щиты, которыми могутъ нѣсколько человекъ заслоняшся, и выходятъ, когда надобно, изъ за оныхъ съ своимъ оружіемъ.

Женишбы ихъ, въ сравненїи съ упошребительными у насъ, едва и названїя сего достойны. Мужчина, который можетъ исправлять звѣриной промыслъ и рыбную ловлю, принимаетъ къ себѣ одну или и нѣсколько женщинъ, достаемъ при помощи ихъ себѣ и имъ надобное, и живеть съ ними въ своей яминѣ или въ своемъ ошдѣленїи по женшому; чему не предслѣдуютъ никогда ни купля, ни договоръ, ни празднєства. Первыхъ бабъ выбираетъ мужъ обыкновенно самъ; если же онъ удалъ, и при томъ заводной промышленникъ и рыбововъ, шо стекается къ нему и больше дѣвокъ, вдовъ, опшущенныхъ или бѣглыхъ женъ и дѣшей малыхъ, которыхъ всѣхъ принимаетъ онъ и содержитъ добычами на звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ. Сколь послѣшно при щастїи семейшво

возрастаетъ, столь скоро и разсвѣтается оно при шдешныхъ спараніяхъ о снисканіи пропитанія; бѣглецы переходящъ къ другимъ, да и бабы разходящя и ищутъ себѣ другаго кормильца, къ ко-ему приводятъ иногда съ собою и дѣшей, если они сами не пожелаютъ остаться у отца. Все сіе происходитъ безъ ссоръ, дракъ и шому подобнаго; по елику оба пола равную имѣютъ вольность. На нѣкопорохъ островахъ больше союзы мужа съ женами, и родители съ дѣшями, по шому, что мужа больше имѣютъ власти: но шутъ и промѣниваютъ они женъ и дѣшей своихъ на нужныя для пропитанія и на одѣяніе вещи. Бѣжавшія или промѣненныя жены возвращаются иногда и по нѣскольку разъ къ прежнимъ своимъ мужьямъ. Въ естественной состояніи не могутъ быть слѣдствіемъ отъ шаковой необузданности шoliko опасны, какъ при гражданскомъ устройеніи общества. Островскіе жители ставящъ ми вочшо какъ попережнное владѣніе женами, шакъ и союзы родства, и женящя единшвенно для пропитанія и удовлетворенія похоти: при чемъ они не обрѣтаютъ препятствій, а по шому и нешсовствѣ не дѣлаютъ. Они всякому желающъ добра и забавъ; а по елику шамъ, какъ въ Камчаткѣ, предпочитаютъ бабъ дѣвкамъ, то сіи послѣднія возрастаютъ и при всемъ своемъ безпущствѣ безъ всякаго стыда. Ни какая мать не покидаетъ дѣшей своихъ до шѣхъ поръ, пока они не спанутъ помнишь ея имени; и шакowychъ дѣшей, при всеобщемъ чадолюбіи островскихъ жителей, принимаетъ охотно не шолько новоизбранный матерью ихъ мужъ, но и всякій посторонній человекъ.

Бабы, какъ слышно, родящъ очень легко. Малыхъ дѣтей купающъ весьма часто въ холодной морской водѣ, и когда разричатся, окунываютъ ихъ въ оную, не взирая и на зимнюю спужу, до шѣхъ поръ, пока не успокоятся. Грудью кормящъ ихъ не долго, но приваживаютъ ихъ вскорѣ къ суровой, по большой части сырой пищѣ. Дабы приучишь ихъ сидѣшь на цыпкахъ, связываютъ имъ ноги вмѣстѣ. Воспитанныхъ столь сурово дѣшей опускаютъ родители на свою волю какъ можно скорѣе; послѣ чего мальчики и дѣвочки безъ дальней отъ родителей своихъ помощи живущъ безъ нужды и становящя напоследокъ столь же добрыми людьми, какъ и родители ихъ, коимъ они ни чего опмѣннаго не оказываютъ, и кошорыхъ иногда вовсе не знаютъ. Употребительныя шутъ имена суть слѣдующія: *Инаншв*, *Бакучу*, *Алауток*, *Цумила* и проч.

Они не столь суровы и безчувствительны, чтобы не спарались *забавами* сдѣлашь себѣ жизнь приятною. Женишбы, рожденія, да и самая вѣра не подають правда имъ поводу къ празднествамъ: но они почти весь Декабрь мѣсяцъ препровождаютъ въ посѣщеніяхъ сосѣдей или и другихъ островскихъ жителей. Къ случайнымъ же увеселеніямъ подають имъ поводъ, найденные на берегу кипы, щасливые звѣринные промыслы, и нечаянныя дружескія посѣщенія. Когда китъ осядетъ на мѣли, или море выбросятъ на берегъ издохшаго, то принадлежитъ оный не набережнымъ, но всѣмъ вообще островскимъ жителямъ. Всѣ стекаются съ великою радостію къ сей громадѣ, совершаютъ идолослужебные и волшебные обряды, раздѣваются до нага, а по томъ свѣжуютъ и дѣлятъ мясо, жиръ, кожу и кости. По томъ наряжаются въ самое лучшее платье, вставляють кости въ щеки и носъ, и убирають все, что ѣсть можно, съ чрезвычайною радостію. Подобныя же не столь общія, празднества бывають и по случаю чашныхъ щасливыхъ звѣринныхъ промысловъ и рыбныхъ ловель.

Увеселенія ихъ состоятъ, кромѣ неуиѣреннаго употребленія мяса и жиру, въ бѣеніи въ бубны, въ пѣсняхъ, пляскахъ, сказкахъ и удовлетвореніи похоти. Кромѣ бубенъ не имѣють они ни какихъ музыкальныхъ инструментовъ. Съ оными выходятъ они на встрѣчу приѣзжимъ своимъ гостямъ цѣлыми артелями; да и въ пляскѣ соображаются бѣенію въ бубны и пѣснямъ, коихъ содержаніе есть мечтаемое ими щастіе и разныя басни. Они пляшутъ не кругомъ, но стѣна противъ стѣны, которыя по сближающся, по пакы раздаются: при чемъ и прыгаютъ довольно. Иногда накладываютъ они на лица свои и деревянные хари, уподобляющія ихъ звѣрямъ, и при томъ крайне дурныя. Въ такомъ случаѣ мужчины раздѣваются, и оставляють только передъ удомъ передникъ или мошну; женщины же остаются въ платьѣ. По окончаніи пляски забивають они бубны и хари въ щепы, и дѣлають послѣ новыя. Въ сѣбѣ есть волшебники, шамъ присовокупляють и они къ тому свои обмороки и предсказанія. Напоследокъ удаляются пріѣзжіе гости въ свои шаны, а хозяева, имѣющіе женъ съ залишкомъ, надѣляютъ ими пріѣхавшихъ безъ женъ гостей. При отъѣздѣ не бываешь ни чего опіишнаго, ни прощанья, ни благодарности.

Они такъ, какъ и народы, обитающіе на восточномъ берегу Сибири, содержатъ *Шаманской* языческой законъ; прилѣплены столько же или еще и больше, къ чувственному, а невидимому и непоня-

нос ни мало ихъ не прогаешъ. Они не пиѣютъ ни какихъ почныхъ понятій о богахъ, ниже о ихъ соучастствованіи въ судьбахъ, и о будущей участи; нѣтъ у нихъ шакъ же ни праздниковъ, ни моленій: однакожъ есть у нихъ *волшебники* или Шаманы, подобные Камчадалскимъ, похваляющіеся знакомствомъ своимъ съ богами и свѣденіемъ прошедшаго и будущаго, и состоящіе у народа въ почтеніи, но никакихъ подаваній отъ него не получающіе. Во время празднованій своихъ у выброшенныхъ на берегъ китовъ, благодарятъ они въ пѣсняхъ своихъ боговъ за такуюю благодать: но соплешаютъ благодарность свою съ разными кощунствами. При яденіи шаковыхъ благодатей бросаютъ нѣсколько кусковъ мяса въ огонь, яко жершву. Покойникамъ даютъ, какъ и всѣ язычники Шананскаго шолку, разную ушварь для упомреленія на томъ свѣтѣ. У нихъ есть небольшіе деревянные *домашніе идолы*, которыхъ они мажутъ кровью и жиромъ, и думаютъ, что ихъ чрезъ то питаютъ. Огнедышущія или дымящіяся горы и нѣкоторыя значныя пещеры, почишаютъ они жилищами боговъ и духовъ; къ нимъ обращаютъ и Шаманы или волшебники свои молишвы. Будущей же участи и боговъ, также милоспи ихъ и гнѣва не ожидаютъ они и не бояся ни мало.

Здоровіемъ они *крѣпки*, и до старыхъ лѣтъ бываютъ бодры. Цынга, короста, лихорадка и другія обыкновенныя болѣзни случаются у нихъ очень рѣдко. Оспа ни когда еще у нихъ не бывала. И у самыхъ старыхъ людей зубы пригожіе, чистые и крѣпкіе. Кто нездоровъ, шотъ по произволенію своему воздерживаетъ нѣсколько дней отъ пищи. Когда болятъ голова, шо пускаютъ изъ одной головной жилы кровь воспрымъ кремешкомъ. На раны кладутъ нѣкоторой корешокъ, признанной ими врачевнымъ, и шакъ далѣе. Въ прочемъ они столь мало нѣжатся, что когда понадобится имъ кровь на склеиваніе чего ни будь, шо разбиваютъ себѣ носъ кулакомъ до крови.

Они бояся посѣщенія покойниковъ, и не охотно живутъ въ такихъ хижинахъ, гдѣ люди уже умирали: по чему они больныхъ изъ большихъ хижинъ выносятъ вонъ, въ маленькихъ же оставляютъ покойниковъ и замешываютъ ихъ землею. Скудныхъ покойниковъ завершываютъ въ ихъ одѣяніи совокупно съ домашнею ихъ ушварью и звѣроловною снастью въ рогожу и съ великимъ воплемъ предають погребенію; зажиточнѣйшихъ же кладутъ шакъ же въ плашъ и съ домашними надобностями въ небольшую лодку, и въ-

шаюшѣ оную на висѣлицу, состоящую изъ двухъ ушверженныхъ въ землю вилъ, и положенной на оныя перекладины, дабы они, вися такимъ образомъ на открытомъ воздухѣ, превращались въ шлѣибъ.

Россійскимъ Козакамъ, промышленникамъ купцамъ крайне трудно жить на сихъ островахъ. Моремъ надобно шуда ѣхать изъ Камчатки съ лишкомъ годъ. Между шѣмъ заѣзжаяшѣ они и на другіе острова, собираюшѣ добровольную подашь, промѣниваяшѣ щепешные товары, а особливо пронизки, на мягкую рухлядь, да и сами ходяшѣ на звѣриныя промыслы. Ежели бы можно было ошважисья, возить къ нимъ ножи и шопоры, шо обмѣнные шорги великое бы получили чрезъ шо приращеніе: но какъ шѣмъ угошворяемы бы были себѣ опасности, шо надобно пособляшь сему неудобшву собственнымъ звѣринымъ промысломъ, которой производить какъ на берегахъ, шакъ и въ дали отъ оныхъ, островскіе жители не шолько не препятшвуютъ Рускимъ людямъ, но и придаюшѣ имъ мальчиковъ, кошорые скоро привыкаюшѣ говорить по Руски, и бываюшѣ по шомъ шолмачами и почти залогами. Пока ведущя привезенные съ собою сѣшшныя припасы, пишаюшя оными промышленники: при недосшашкѣ же ѣдяшѣ какъ и коренные островскіе жители мясо и рыбу безъ хлѣба и соли, и бываюшѣ при шомъ здоровы. Островяне поступаютъ правда съ чужими людьми грубо, однакожъ шихо; если же возмѣютъ подозрѣніе, шо стараюшя всѣхъ безъ всякаго изслѣдованія перебишь: по чему промышленники должны всегда остерегашься, шѣмъ наипаче, что на островахъ не можно шакъ, какъ въ Камчаткѣ, заводить шѣснаго знакомства съ женьщинами, черезъ кошорыхъ всѣ злые умыслы шамъ открываюшя. Козаки остерегаюшя жить порознь или долго быть въ ихъ жилыхъ яминахъ; да и у собшвенныхъ своихъ хижинъ содержатъ по ночамъ караулъ. Ежели пушешествіе удачное, шо корабль, шосря по состояннѣ острововъ, у кошорыхъ былъ, и по изобилію шамошнихъ звѣрей, привозитъ до 2000 морскихъ бобровъ, шолько же и больше морскихъ кошовъ, до 1000 кослоковъ, до 2000 черныхъ лисидъ, шоликое же число голубыхъ песцовъ, вдвое прошивъ шого или и больше бѣлыхъ песцовъ; однакожъ всегда одной кошорой нибудь рухляди больше, другой же мало или вовсе ничего: иногда же и ни кошорой не бываешѣ въ вывозѣ вышепоказаннаго количества.

Многочисленные языческіе народы Россійскаго государства держатся отъ части *Шаманскаго*, отъ части *Ламайскаго*, Индійцы же, коихъ вообще не много, *Браминскаго толку*. *Шаманской* имѣетъ наибольше послѣдователей; къ оному принадлежатъ суевѣріе поклоняющихся идоламъ *Финновъ*, *Татаръ*, *Семолди*, *Отяковъ*, *Красноярскихъ*, *Манджурскихъ* и *Восточныхъ Сибирскихъ* народовъ, *островскихъ жителей Восточнаго моря* такъ, какъ и *Бурятъ* или *Брацкихъ Татаръ*. О языческомъ законѣ Финновъ говорилъ я на своемъ мѣстѣ; при описаніи же прочихъ народовъ преходилъ я сей предметъ молчаніемъ, дабы при великомъ сходствѣ въ обрядахъ и жиніяхъ не наскучишь читателямъ повтореніемъ. Здѣсь же исполню мое обѣщаніе и о всемъ вообще Шаманскомъ идолослуженіи нашихъ народовъ сообщу краткое описаніе въ шакомъ союзѣ, какой могъ я въ ономъ открыть.

Шаманскій законъ принадлежитъ въ число древнѣйшихъ вѣрѣ. Онъ всѣхъ старѣе на Востокѣ, и почитается корнемъ Ламайскаго, Браминскаго и другихъ языческихъ шолковъ. Въ Индіи были священнослужители его отъ части и мудрецы: по чему и не было ему въ союзѣ недостатка. У исповѣдниковъ сего закона между нашими народами, за недостаткомъ грамоты и школъ, также по причинѣ воеваній, преселеній, непостояннаго житія, переименованныхъ преданій и переворотовъ глупыхъ или обманчивыхъ священнослужителей, претворился онъ по большей части въ противное идолослуженіе и слѣпое суевѣріе. По сему надлежало бы въ разсужденіи шоль различныхъ народовъ, языковъ, странъ и житія, ожидать и наивеличайшей разности въ мнѣніяхъ и обрядахъ: однакожь главныя правила вѣры и важнѣйшіе обряды остались въ достопамятномъ единообразіи, и кажется, что чрезъ то больше шокмо забыто, нежели прибавлено. Здѣсь сыщутъ читатели отъ части дополненіе и къ тому, что при описаніи Финскихъ народовъ сказано о ихъ суевѣрїи.

У всѣхъ Шаманскихъ язычниковъ почитается *женской полъ* гораздо *лучше* мужскаго, и существующимъ единственно для удовольстворенія похоти, для рожденія дѣшей и для исправленія домашнихъ дѣлъ: по чему они женъ презираютъ жестоко. Они присвящуютъ женскому полу весьма мало правъ человечества, и поддѣлаютъ

его отринутымъ отъ боговъ, вообще нечистымъ, во время же мѣсячнаго очищенія или родовъ мерзкимъ и какъ людямъ, такъ и скопу опаснымъ. Онъ къ богослуженію не допускается, и не сибѣетъ въ юртахъ ходить около общаго огня, поелику оной почищается священнымъ. Понеже жены шѣломъ своимъ все оскверняютъ, шо имѣютъ особыхъ верховыхъ лошадей, сѣдла, мѣша для сидѣнія, да обыкновенно и особливую посуду, изъ которой ѣдятъ, или должно по крайней мѣрѣ всѣ шаковыя вещи, прежде нежели шанашъ ихъ употреблять мужчина, окуришь и отъ нечистоты упряднишь. Они почищаются такимъ поваромъ, который вытѣкивается на скошъ, одѣяніе и проч. и въ шакомъ количествѣ, какое кому надобно для исправленія дѣлъ или похоти; который почти продается, и такъ далѣе. Когда баба родитъ двойни или безобразныхъ дѣтей, шо обвиняютъ ее соишѣемъ съ дѣволомъ, и проч. Родители никогда дочерей не любятъ; да они и сами, если бы знали свое состояніе, ошреклись бы отъ воспріятія бытія.

При всемъ томъ есть у Шаманцовъ и *священнослужительницы*, которыя не меньше въ чесни или столько же шальными почищаются, какъ и священнослужители. Они вѣрятъ, что люди сего состоянія избраны самими богами, и почишаютъ судорги, родимцы и другіе дѣтскіе припадки знаками шаковаго вышшаго избранія.

У *Тунгузъ*, *Бурятъ* и нѣкоторыхъ другихъ народовъ называются священнослужители *Шаманами*; слово же сіе значитъ воздыхающаго пустытника и обладателя всѣхъ шрастей; у *Телеутовъ* и проч. *Камали* или *Хамали* ш. е. владыками или пророками; у *Якутовъ* и проч. *Аюнами* и *Абьсами*: оба сіи слова супъ шшлы Тапарскихъ священнослужителей; у *Семюди Тудьбали*, и такъ далѣе.

Шаманы и *Шаманки* люди простые, и не разнятся отъ прочихъ ни одинакимъ состояніемъ, ниже особенными правилами или житіемъ: но опмѣнны токмо по плашью и лучшему знанію ученія и обрядовъ своей вѣры. Они содержатъ себя подаяніями и жертвами: однакожъ сверхъ того употребляютъ обыкновенно себѣ въ помощь и главный народа промыселъ, сирѣчь, ловятъ звѣрей и рыбу и проч. Старые люди учатъ молодыхъ всему до вѣры и обмана касающемуся. Поелику священнослужители одни владѣютъ, такъ сказамъ, ученіемъ. шо ихъ, яко *посредственниковъ* между народомъ и богами, коихъ они умилостивлятъ имѣютъ, боятсѣ и почищаютъ, но при томъ не рѣдко и ненавидятъ, когда кто изъ нихъ

приличится въ злоупотребленіи своей должности. Отъ великаго напряженія силъ при колдовствахъ своихъ многіе лишаются зрѣнія; но сіе почитается шѣмъ большимъ знакомъ благоволенія къ нимъ духовъ. Поелику всшупленіе въ ихъ должность зависишь отъ случайнаго въ оную позыва; по Шамановъ и Шаманокъ иногда бываетъ много, а иногда и мало. Иные исправляютъ должность свою по смерть, другіе же здаютъ оную при жизни своей другимъ. Они отъ части обжорачивають, а отъ части обманывають, а больше шо и другое дѣлають вмѣстѣ.

Шаманы и Шаманки *разлещрлютъ одѣяніе* свое въ томъ намѣреніи, чшобы богамъ бышь удобными, а народу страшными; для приобрѣшенія же въ томъ успѣха разныя употребляютъ средства. Тунгузскіе, да и всѣ почти Шаманы, носятъ долгое Восточное, больше кожаное *латге* и сапоги чулкамъ подобные; одѣяніе сіе какъ будто усыпано жестяными идолами, цепочками, колокольчиками, кольцами и другими брякушками, ерлиными кошьями, эмъиными чучалами, вырѣзками изъ невыдѣланныхъ кожъ и проч. *Шалки*, кошорыя иногда клубукамъ, а иногда шишкамъ бывають подобны, обвѣшены эмъиными и другими чучалами, и украшены совиными перьями. Нарядъ шаковаго человѣка и происходящее отъ онаго бречанье, приводитъ людей въ юртахъ, освѣщенныхъ однимъ только очажнымъ огнемъ, въ немалой ужасъ. Хитрые Шаманы надѣвають шаковое плашье у жершвеннаго огня съ содроганіемъ и проч. какъ будто бы вселяется въ нихъ при томъ другой духъ. У нѣкошорыхъ народовъ Шаманское служебное плашье покороче, у другихъ же обвѣшивають они простое свое плашье кожаными лоскушьями, тряпицами, идолами и проч. и ушверждають на шапкѣ перяную шишку.

Главнѣйшее *Шаманское орудіе* ешь *барабанъ* или *бубенъ*. Съ виду онъ продолговато круглой, длиною до трехъ фушовъ, вышиною едва въ пядень. Ободъ изъ ракишника, съ одной только стороны обтянутъ кожей, а съ другой мѣсто пное, съ поперечною перекладинкою, кошорая служитъ рукояткою. Кожа какъ будто усыпана изображеніями идиловъ, звѣрей и заручительныхъ знаковъ, въ нушри же висятъ идолы и брякушки. Для ударенія въ сей барабанъ употребляется одна только колошущка, нѣскольکو изогнутая и для глухаго звуку обтянутая заячею или иною какою невыдѣланною кожей, а иногда придѣлываются къ ней еще и два рожка, дабы страшнѣе казалась. Дѣйствіе и сила волшеб-

наго барабана по ихъ удословленію весьма велики; нѣкоторыя удары призываютъ, а другіе прогоняютъ духовъ. Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ и священнослужители ходили въ старыя времена въ походъ, вошли можеть быть оныя ихъ въ употребленіе и у салдавъ барабаны. Шаманы не имѣющіе барабановъ употребляютъ въ мѣсто оныхъ по двѣ *лалыцы*, длиною въ три фута, обвѣшенные идолами. Бурятскіе Шаманы при моленіи своемъ повертываютъ небольшой *знаменъ*, состоящій изъ листовичной вѣтви и шпачки. Якушы употребляютъ въ мѣсто онаго *конской хвостъ*.

Сибирскіе Шаманы не имѣютъ надобности ни въ храминахъ, ни въ керемешахъ. Они отправляютъ служеніе свое у нѣкоторыхъ народовъ на чистомъ мѣстѣ, на холмахъ или возлѣ рѣкъ, у другихъ въ юртахъ, у разныхъ народовъ днемъ не разбирая поры, у прочихъ же больше ночью при огнѣ.

Касающіяся *до вѣры лоятія* нашихъ язычниковъ всѣ вообще неопредѣленны, темны, оны части перемѣшаны и прекословны; въ разсужденіи же главныхъ предметовъ почти все клонится къ одному.

Всѣ вѣруютъ въ общаго Бога и Создателя всѣхъ вещей, который называется на Тунгузскомъ языкѣ *Боа*, на Бурятскомъ *Тингири Бурханъ*, ш. е. Богъ небесный, на Телеушскомъ *Кудай*, на Камчадалскомъ *Кутка*, на Ошякскомъ и Вогульскомъ *Троронъ*, ш. е. свѣтъ, на Семейдскомъ *Нумъ* и *Номъ*, и такъ далѣе. Они думаютъ, что Богъ шварь свою любитъ, всевѣдущъ и всемогущъ: но не уважаетъ частныхъ дѣлъ человеческихъ. Бога, по ихъ разсудку, не можно ни оскорбить, ни къ себѣ унизосивить. Онъ не наказуетъ и не награждаетъ, и слѣдовательно не для чего его ни бояться ни любить. Камчадалы опличаютъ предосудительными своими о Высочайшемъ Сущесствѣ понятіями. Все, что въ свѣтѣ не по ихъ мысли, такъ какъ и бѣдствія въ жизни, почитаютъ они доказательствомъ недосмашочнаго могущества и свѣденія Промысла, и надъ онымъ издѣваются.

Большая половина сихъ язычниковъ воображаетъ себѣ Бога невидимымъ, обитающимъ на небѣ или въ солнцѣ, и имѣющимъ образъ человеческой; иные же почитаютъ и солнце за самаго Бога. Телеушы и Алтайскіе Татара думаютъ, что явленія и откровенія Всевышняго бывающія въ сновидѣніяхъ; и что съ виду онъ походитъ на пресварѣлаго бороною обросшаго человѣка, а одѣяніе его подобно мундиру драгунскаго офицера (великолѣпнѣйшаго одѣ-

янiя не могутъ они себѣ и вообразить). Въ прочемъ мечшають, что онѣ имѣютъ великолѣпной придворной штатъ и множество лошадей; когда онѣ ѣздятъ верхомъ, то производятъ громъ отъ конскаго топоту, а молнiя отъ искръ издаваемыхъ подковами отъ ударенiя объ камни на небѣ находящiеся, и такъ далѣе.

Правленiе мiра и судебъ человѣческихъ раздѣлено отъ Высочайшаго Существа между многими *божками*, которые правда ему подвластны, однакожъ по большей части поступаютъ своевольно: по чему благоволенiе ихъ необходимо людямъ нужно. Воображенiя ихъ о божкахъ перепутаны, прекословны, а отъ части и безполковы. Разные народы чшутъ и разныя божества, и приписываютъ имъ такъ же различныя соучастствованiя и упражненiя. Когда сообразишь по возможности ихъ понятiя, то выходитъ слѣдующее. Божки вообще добрые и злые, то есть благодѣтельствуютъ или прошивуборствуютъ людямъ. Понятiя о существенности и качествахъ сихъ божковъ грубы, шѣлесны, и нерѣдко совсемъ недѣльны. Они перемѣшиваютъ такъ же многократно имена и дѣйствiя добрыхъ и злыхъ божковъ.

Всякое доброе божество имѣетъ по одному или по нѣскольку дѣлъ въ правленiи мiра. Они охотно благодѣтельствуютъ, часто бывають пристрастны, будучи оскорблены наказываютъ, поступаютъ по своевольству своему жестоко, и при томъ жестельны. Всѣ *качества божiи* прешворяють они въ лица, причисляють ихъ къ мужескому и женскому полу, но не думаютъ, какъ Финскiе язычники, чтобъ они вступали между собою въ бракъ. Всѣ небесныя и страшныя или знатныя земныя тѣла и естественныя явленiя, отъ коихъ производятъ имъ добро или зло, суть божества, коихъ они поимянно чшутъ: солнце, луна, звѣзды, облака, радуга, громъ, буря, огонь, вода, земля, знатныя горы и рѣки. Иные почитаютъ горы и воду шокмо жилищами божковъ, а огонь жертвою. Тунгузы, содержащiе законъ свой и отправляющiе по оному идолослуженiе съ великою ревностiю, имѣють обще съ нѣкоторыми другими народами и бога здравiя, звѣринаго прымслу, вшшешествiй, женъ и женскихъ припадковъ и добродѣтелей, дѣшей, оленей и многихъ другихъ.

Соборъ *нелриазнечныхъ божковъ* или *бѣсовъ* не меньше великъ. Они вѣруютъ въ одного *верховнаго Сатану* и обладателя прочихъ, и называютъ его по большей части *Шайтаномъ*, Тунгузы *Буномъ*, Буряшы *Окодломъ*, Камчадалы *Канкою*, и проч. По все-

общемъ божествѣ онѣ наисильнѣйшій. Въ немъ ни на волосъ нѣтъ ни чего добраго: однакожъ онѣ можетъ бытъ укрощаемъ и удостоиваемъ Шамановъ своего благоволенія. *Сатаны нижшаго стелени* или злые духи раздѣляются на чиненіе зла и споспѣшествованіе всякимъ нещастіямъ. Подъ Сатанами разумѣють они отъ части обращенныя въ лица наказанія Божіи, а отъ части и самое нещастіе и зло въ свѣтѣ приключающееся, которое воображаютъ они себѣ самосуществующимъ, и называють оное великимъ множествомъ именъ: но все при томъ перемѣшиваютъ и запутываютъ. *Сатаны живутъ* по ихъ мнѣнію въ водѣ, въ преисподней, въ огнедышущихъ горахъ и въ лѣсахъ: по чему и есть у нихъ *русалки, земные бѣсы, горные духи, лѣшіе, богъ насѣкомыхъ*, и многіе другіе.

Кромѣ сихъ *тѣтъ* они покойныхъ *родоначальниковъ, богатырей* и всѣхъ *Шамановъ* и *Шамановъ*, яко *полубожковъ* или святыхъ, коихъ боги при правленіи міра употребляютъ шакъ, какъ совѣтниковъ или помощниковъ, которые имѣють свѣденіе о преисподней, умѣють призывать духовъ, и могутъ подавать помощь и надѣлять щастіемъ. Безчисленное же множество сихъ святыхъ причиною тому, что они ихъ смѣшиваютъ съ божками и сатанами, и моленія свои возсылають совсемъ не къ шѣмъ лицамъ, къ какимъ бы надлежало. Живущіе по близости Россіянъ, приписываютъ благососпояніе ихъ св. Николаю, почитаемому Грекороссійскою церковію, и по тому молятъ его и о своемъ благополучіи. Божки и свяшы, по ихъ мнѣнію, живутъ по примѣру людей, шокмо великолѣпнѣе и удовлетворяють нуждамъ своимъ по одною волею, по шрудами. Когда мѣсто жилища своего перемѣняютъ, то или пѣшкомъ идутъ или ѣдутъ верхомъ либо въ повозкахъ. Камчадалы думаютъ, что богъ ихъ *Туй* ѣздитъ на шестернѣхъ презрядныхъ собакъ, которые, еспли встрепенушя, причиняють землетрясеніе; когда во время грозы идетъ дождь, шо громовой ихъ богъ *Белута* выпускаетъ свою мочу. Шалаши, которые богашые скопомъ Буряты строятъ въ степяхъ для покрова божкамъ, и выгонъ лошадей на пашву у многихъ скошоводствующихъ народовъ, о коихъ буду говорить послѣ, относятся къ симъ понятіямъ. Нѣкоторыя вѣрять шакъ же, что божки ихъ, въ утоленіе голода, производяпъ звѣриной промыселъ, ловятъ рыбу, вырываютъ коренья, и шакъ далѣе, не упоминая о многихъ другихъ ихъ безуміяхъ.

Божки лелаются Шаманамъ, по ихъ мнѣнію, наибольше въ видѣ медвѣдей, змѣй и совѣ: по чему они и воздають животнымъ симъ честь. *Пихта*, нѣкоторый родъ *лолывио*, который у Качинцовъ и другихъ народовъ называется Ирвенею, особая права на Камчаткѣ, и инныя распѣнія у разныхъ народовъ посвящены божкамъ и почитаются любимымъ ихъ куревомъ: по чему идолы и жертвы оными украшаются, поганыя вещи окуриваются, и проч. Нечистыми и въ жертву негодными почитаются свиньи, лягушки, насѣкомые и черви.

Воображеніе ихъ о мірѣ пресѣкается по большой части на ихъ пустыняхъ. Сложеніе міра почитаютъ они безконечнымъ, а о состояніи людей и звѣрей думаютъ, что они по смерти будутъ жить такъ же, какъ и нынѣ: по чему говорятъ съ медвѣжьими, киповыми и другими спервами такъ, какъ съ живыми людьми.

Живой челоуѣкъ состоитъ изъ тѣла и жизненности или души. Онъ поступаетъ произвольно; успѣхъ, щастіе и неблагополучіе зависятъ отъ боговъ, бѣсовъ и дѣйствій другихъ людей: по чему инныя глѣва боговъ боляся, а другіе ни чего не уважають. Боги любящъ и награждающъ оказываемое имъ почтеніе, также чешность и челоуѣколюбіе; ненавидащъ же и наказуютъ нечестіе, плутовство и жестокость. Въ другихъ обстоятельствахъ не скоро челоуѣкъ, по ихъ мнѣнію, согрѣшишь можеть. Боги не заботятся о помѣ, лѣнивъ ли челоуѣкъ или прилѣженъ, съ своею ли или съ чужою спитъ женою, много или мало ѣстъ и пьеть, украденною или самимъ имъ убитою дичиною питаешся, и такъ далѣе. Сашаны вредятъ людямъ во всякомъ дѣлѣ: по чему и должно ихъ отвращать отъ себя посредствомъ Шамановъ, жертвами, подарками, ласковыми словами, угрозами и сему подобнымъ. *Благополучіе* состоитъ въ здоровѣ, изобиліи скопа и дѣшей, прибыточномъ звѣриномъ промыслѣ, рыбной ловлѣ и плошюугодіи: *нещастіе* же въ противномъ вышечисанному, а особливо въ смерти.

Всѣ Шаманскіе язычники крѣпко увѣрены въ помѣ, что и послѣ смерти будутъ жить: но жизнь сію воображаютъ они себѣ бѣдною и печальною; и по тому смерть кажеться имъ по большой части мерзостнѣе и страшнѣе всего, и они ее больше всего опасаются и убѣгаютъ. И самыя покойники ихъ ужасаютъ. Они боляся ихъ возвращенія и явленій; по чему многіе идучи обратно съ похоронъ, стараются разными суевѣрными кривленіями лица отвратить смерть и покойника отъ послѣдованія за ними. Они

скачуть черезъ огонь, лаятъ промежъ жердей, при чемъ Шаманъ угрожаешь смерти жезломъ, дабы се шѣмъ воздержашъ; по томъ окуривающъ себя и хижины, либо покидаютъ онаы, и боясь воспоминанія умершихъ, ни когда ихъ по именамъ не называютъ; родственники же покойниковъ, дабы не называшься шѣмъ именемъ, перемѣняютъ свое наименованіе къ немалому ущербу бышійственныхъ свѣденій. Кончину почитающъ они превращеніемъ нынѣшней жизни въ подземную, подобную въ прочемъ нынѣшней: но больше счишающъ ее гореспною и ни мало желанія недоспойною. Тамъ живущъ одни только души да души, которыя присвояющъ они и погребеннымъ вмѣстѣ съ покойниками животнымъ и вещамъ, и по тому почитающъ ихъ полезными для умершихъ, хотя въ прочемъ они шакъ же, какъ и покойники, ислѣвающъ. Въ преисподней владычествуютъ земные души, сшарающіеся причинишь умершимъ много зла: по чему Телеушскіе и Корякскіе Шаманы при похоронахъ ихъ закликаютъ и секирными размахами удержатъ сшарающіеся; многіе же, а особливо въ отдаленнѣйшихъ пустыняхъ обитающіе ставяшъ покойниковъ своихъ на дерева или оставляющъ ихъ для ислѣвнія поверьхъ земли, либо и сожигаютъ, единственнo для избѣжанія отъ земныхъ духовъ. Спада ихъ остаются на сѣмъ свѣтѣ, а что дается покойникамъ при похоронахъ изъ плашья, домашняго скарбу, оружія, и убишыхъ звѣрей, то служитъ имъ только на разаводъ въ будущемъ подземномъ или преисподнемъ хозяйствѣ. Всякая скопина по окончаніи ея жизни явшися въ преисподней шочно шакъ, какъ и ея хозяйева: но она умираешъ исподоволь и доставшишь другимъ хозяйевамъ. Будущъ ли шамъ для звѣринаго промыслу и рыбной ловли шакія угоды, какія есть поверьхъ земли, весьма еще сомнишельно; за мужьями послѣдуютъ шуда ушарѣлыя жены, и шакъ далѣе. Обитающіе ближе къ Востоку Сибирскіе народы и ошровскіе жишели почитаютъ *будущую жизнь ислравленчымъ продолженіемъ нынѣшней*, и ожидающъ шамъ сугубаго удовлетворенія своихъ прихошей, стады, пригожихъ цуговъ собакъ, удачныхъ звѣриныхъ промысловъ, проворныхъ бабъ или мужей, и всего шого, что бываешъ здѣсь предметами ихъ желаній, хотя и никогда не исполняющихся. И по шому они смерти не страшатся, но еще и сами себя нерѣдко и съ великою холодноштію духа оной предающъ, поднимая сами на себя руки. Поелику Христіана чающъ сѣбъ послѣ смерти царствія небеснаго безъ всѣхъ шакowychъ благосшей, то сожалѣющъ они объ нихъ и ра-

дуются своему блаженству. *Шаманы* умирающѣ по большой части великодушно. По елику они при жизни упражняются въ милостивленіи боговъ и злыхъ духовъ, почитающѣ свои волшебства за нужныя, и причисляющѣ по смерти къ святымъ, имѣющимъ участіе въ судьбахъ живыхъ людей и приносимыхъ ими жертвахъ; то ожидаютъ себя впредь благой участи. Для избавленія искушеній земныхъ духовъ и для собственнаго своего очищенія, приказываютъ по большой части шѣла свои по смерти сжигать.

Всѣ Шаманскіе язычники стараются снискашь себя благоволеніе боговъ и ихъ умилосливить идолами, моленіями и жертвами: большая ихъ половина считающѣ дѣло сіе столь важнымъ, что нѣтъ нишнее свое уничтоженіе, а отъ части и бѣдность, приписываютъ нераченію своихъ прародителей о ихъ служеніи.

Идолы, которые по понятіямъ разумнѣйшихъ суть подобія божковъ, а по мнѣніямъ глупыхъ самыя божки, дѣлаются по большой части Шаманами изъ спранныхъ ошросковъ деревъ и изъ каменныхъ отломковъ, кошорые покажутся подобными нѣсколько человѣческому виду. Не рѣдко и цѣлыя каменные горы, ради необыкновеннаго ихъ вида, почитаются идолами, какъ н. н. Шаманская гора въ Восточной сторонѣ отъ Байкала, и другія. Дѣлаемые идолы бываютъ и большіе и малые, рѣзные, набивные или спранныя вида куклы. *Деревянные куклольные идолы*, которые у Тунгузъ *Шовоками*, у Камчадалъ *Камчудали*, у Бурятъ *Оггонали* называются, длиною бываютъ въ пядень и больше, и одѣваются по примѣру Шамановъ. У нѣкоторыхъ покрываютъ лицо красною листовою мѣдью. Бурятской *божкѣ боргозы* (Исгильшинъ) таковая же кукла, окруженная кольцомъ, шириною въ два пальца, изъ ракишнику, на подобіе бубеннаго обода. Курильцы составляютъ идоловъ своихъ изъ щепокъ нарочито красиво. *Сутельные* или *набивные идолы* употребляются у Якушъ, Чулымцовъ, Телеушъ, Алтайскихъ Ташаръ и у другихъ. Чулымцы называютъ ихъ *Шайтанами*; Телеушы же дѣлающъ и поменѣе, длиною дюймовъ въ 8, шириною въ половину шюфячекъ, съ одного конца разписанный по подобію человѣческаго лица, въ мѣсто же глазъ вставлены бисеры или дробинки; въ прочемъ они украшаютъ ихъ совиными перьями и называютъ *Салусами*. Бурятской *барашковой идолѣ* есть не иное что, какъ шкурка съ барашка съ ногами и хвостомъ; а лицо рѣзное человѣческое. *Жестяные идолы* въ употребленіи у всѣхъ Шаманскихъ язычниковъ; они привѣшиваютъ

ея больше къ Шаманскому плащю, къ барабанамъ, колыбелямъ и прочему. Они вырѣзаны изъ жести и кое какъ изображаютъ людей, медвѣдей, оленей, пшидь, рыбъ, змѣй, звѣздъ и стихій. Человѣческое лицо значить солнце, полукругъ луну, суденышко воду, треугольникъ огонь, решетка землю и шакъ даабе. *Войлочные идола*, или куклы изъ войлока вырѣзанныя, длиною въ пядень, въ упошребленіи у Бурятъ и Якушъ. Бурятской *Иргекинъ* есть не иное что, какъ подобная гребню, часто надрѣзанная кожа, въ длину и въ ширину на пядень; ремешки ея представляютъ цѣлой соборъ божковъ. *Малеванные идола*, называемые у Бурятъ *Ногатами*, и упошребляемые многими народами, суть начертанія нагихъ людей, выводимыя кровью изъ сердца приносимой въ жертву твари, или в краснымъ карандашомъ; длиною они въ пядень; въ мѣсто глазъ вставлены дробинки или бисеръ, а голова украшена совиными перьями.

Камчадалы ставящъ въ пустыняхъ своихъ небольшіе столбы, которые обвивающъ особою шравою и почитающъ ихъ божественными. Они дѣлающъ также изъ разныхъ шравъ чучелы подобныя волкамъ, и ставящъ ихъ въ хижинахъ своихъ какъ будто идоловъ; чучелы сіи называются у нихъ *Хайту*. *Силтилканъ* лѣсныхъ Тунгузъ не другое что, какъ небольшія ворошы изъ ельнику, въ коихъ вѣшаются принесенныя въ жертву птицы. *Дой* ихъ есть стоячій крестъ съ распятою птицею. Сдѣланное по подобію человѣческому чучело изъ ельнику называютъ они *Бог*. *Тисъ* Качинской есть подобная вилкѣ тычина, промежъ зубцовъ которой вѣшаютъ лисью голову или двухъ рѣзныхъ птицъ. Легко можно разсудить, что всѣ сіи свястости при недоспакѣ вкуса, искусства и ремесленной снасти, весьма неуклюжи, безобразны, ошъ часпи не примѣшны, и не годящся ниже дѣшамъ нашихъ игрушкою.

По елику идолопоклонники при всякомъ почши жертвоприношеніи получаютъ новаго идола, то въ иной юртѣ великое ихъ множество. Телеуты ставящъ всѣхъ идоловъ вмѣстѣ въ одномъ углу избы; у Бурятъ виситъ въ юртѣ на лѣвой сторонѣ, а въ лѣпнее время передъ юршою на столбѣ, мѣшокъ съ идолами; Тунгузы вѣшаютъ ихъ на распортъ, состоящемъ изъ трехъ колышковъ (Шонавъ); Качинской *Тисъ* ставится на кровлѣ; идоламъ и божкамъ Бурятскихъ стадь или шабуновъ строятся хижины (Обо) на горахъ; нѣкоторыхъ идоловъ кладущъ они въ ящички, и проч.

У идоловъ висятъ всегда шкурки съ ласточекъ, горностаевъ, и другихъ звѣрковъ, также кости принесенныхъ въ жершву животноныхъ, пучки волосу отъ священныхъ коней, и другія небольшія жершвы. Почти всѣ язычники воздають идоламъ своимъ почтеніе, поклоняюся имъ, швора при томъ молитву, беруть ихъ съ собою, когда идутъ на звѣриной промыселъ, пишають или мажутъ ихъ кровью и жиромъ, окуривають ихъ саломъ, мясомъ, кровью, ельникомъ, ирвенемъ и проч. Другіе, когда имъ что не пощасшливится, ругають ихъ, попрекають почестями, какія имъ воздаются, бросають ихъ объ землю или въ воду, а иногда и колошатъ.

Моленія божкамъ и идоламъ приносятся обще и торжественно, либо и особенно въ каждой хижинѣ. Когда молящся съ пустыми руками, шо не надѣются много себѣ добра получитьъ: и по тому торжественныя мольбы приносятъ съ жершвами. Всѣ Шаманскіе язычники празднуютъ въ году при *праздника*, а именно: *веснній*, *лѣтній* и *осенній*. Веснній праздникъ есть новый ихъ годъ, и они жершвуютъ въ сіе время первую шраву и первенцовъ отъ скопа, а особливо молоко, и просятъ при томъ о низпосланіи на весь годъ благословенія. Лѣтній или осенній праздникъ не вездѣ празднуется ежегодно: однакожъ разполагается всегда шакъ, что бы всякому можно было ежегодно имѣть въ ономъ участіе.

Въ *жертву* или пищу божкамъ годятся, выключая свиней, всякіе звѣри, рыба, пшицы, мягкая рухлядь, черепы, кровь, жиръ и сало, волосъ, рога, молоко, шварогъ и сыръ, подоженной хлѣбъ (Курмачъ), пиво, вино, маперти, деньги и почши все вообще. Воссточные Сибиряки приносятъ въ жертву и собакъ. *Пихтовыя* вѣшви жершвуютъ особливо горами и водами.

Обряды торжественнаго богослуженія не только у разныхъ народовъ, но отъ части и у чашныхъ Шамановъ, нѣсколько отиѣнены. Но у всѣхъ главная важность состоиптъ въ сущихъ моленіяхъ къ добрымъ богамъ возсылаемыхъ, въ жершвахъ, и въ похожихъ на волшебство заклинаніяхъ бѣсовъ и колдовствахъ. Нѣкоторыя Шаманы дѣлають сіе особенно, другіе всѣ вмѣстѣ, и приносятъ жершвы свои совокупно какъ для умилошвивленія боговъ, шакъ и для укрощенія бѣсовъ.

Когда *Телеуцы* празднуютъ *веснній* свой *праздникъ*, шо міряне обоихъ половъ, прибравшись чистенько, собираются въ полѣ око-

ло Кама, который бьетъ въ бубенъ, по шомъ молишся, и въ продолженіе молитвы брызгаетъ молоко и пиво, и посыпаетъ Курначъ; послѣ чего ѣстъ самъ нѣсколько ошъ онаго и надѣляетъ по немногу мѣрянъ, которые ѣдятъ даръ его съ благоговѣніемъ. Напослѣдокъ бросаетъ онъ молошную чашу прочь, и по паденію ея судитъ, какова показалась богамъ жертва: ежели чаша упадетъ стоймя, то почитаетъ жертву угодною, а ежели опрокинется, негодною. Праздникъ сей оканчивается веселымъ распиваньемъ остальнаго пива и молока. У *Катинцовъ* разводитъ *Камне* для вешняго праздника (*Урысь*) на рѣчномъ берегу или на казисомъ высокомъ мѣстѣ огонь, приноситъ моленіе повершывая небольшой значекъ, и брызжетъ по немногу кислаго молока къ солнцу, лунѣ, рѣкамъ и горамъ ихъ области, а на конецъ то же самое дѣлаетъ и на долю *Сашаны*. Остаткомъ освященнаго молока кропитъ всякъ въ своей юртѣ все; а что за шѣмъ останется, выпиваютъ обще. У *Якутъ* приносишь Аюнь въ жертву перваго удою молоко во всякой юртѣ, швора при шомъ молитву и повершывая небольшимъ значкомъ или конскимъ хвостомъ. Онъ называетъ всѣхъ божковъ, бѣсовъ и святыхъ, выплескиваетъ при всякомъ имени одну ложку молока на воздухъ, въ шомъ мѣнни, чтобы ихъ онымъ попочивать: сіе дѣлаетъ онъ шроекрашно. Изъ остальнаго въ чашѣ молока беретъ онъ одинъ глошокъ; всѣмъ же собравшимся мѣрянамъ, которые отъ части стоятъ на колѣняхъ, подноситъ онаго же молока мальчикъ. Паденіе брошенной ложки изъясняетъ имъ мѣннія божковъ. *Тунгузы* и *Буряты* празднуютъ вешній свой праздникъ какъ и *Телеушы*, съ шкою шолько разностию, что оба сіи народы, свержъ молока, приносятъ еще въ жертву и свѣжую шраву. То же дѣлають и прочіе народы съ небольшою шкою ошмѣною.

Осенній праздникъ бываетъ у *Телеутовъ* въ Октябрѣ. Жители деревни приносятъ всемъ мѣромъ на выборномъ жертвенномъ мѣстѣ (*Таушга*) молодую лошадь въ жертву. Мѣряне становаются кругомъ около мѣста, на которомъ сдѣланъ жертвенной срубъ или жертвенникъ (*Ташкамъ*) изъ шлобовъ и хворосту. Камъ барабанитъ и молишся; послѣ чего убиваютъ лошадь и сдираютъ съ нее шкуру шакъ, что копыша, голова и хвостъ остаются при кожѣ, обрѣзываютъ мясо около костей, варятъ вмѣстѣ съ нушренностию, и ставятъ богамъ на жертвенникъ, гдѣ оно и шповитъ до тѣхъ поръ, пока продолжается возобновляемое моленіе. Напослѣдокъ сѣдаютъ

сами жертвенное мясо, а шкуру вѣшаютъ на шестъ головою къ Востоку; возлѣ же оной прицепляютъ на веревочкѣ ваичьи шкурки и другія небольшія жертвы. Блѣжайшя деревни принимаютъ въ шомѣ участіе. *Бурлты* приводятъ на жертвенное мѣсто для осенняго праздника (Сянгѣ Гаара т. е. бѣлый мѣсяцъ) лошадей, рогатой скотъ, овецъ и козъ. Тутъ приносятся у нихъ, какъ и у *Телеушъ*, въ жертву всѣ оныя животныя по порядку, и по шомѣ сѣдаются. Они убиваютъ шаковыхъ животныхъ пораженіемъ въ грудь и изжорженіемъ большой жилы. Молитвы свои обращаютъ они къ тряпичнымъ идоламъ (*Нугитъ* и *Ногатъ*), которыхъ прикрѣпляютъ къ небольшоимъ палашкѣ. Они спавяшъ шакке березовые кусцы, и привѣшиваютъ къ нимъ тряпицы какъ будто значки, которыхъ движеніе почитаютъ они, по примѣру *Ламайскихъ* язычниковъ, молитвами. Нечистоту изъ нутренности и все, чего не ѣдять, сжигаютъ, дабы собакамъ ни что не досталось. Кожи жертвенныхъ животныхъ вѣшаютъ около ихъ костей, и разпяливаютъ ихъ на утвержденныхъ стоймя шестахъ: послѣ чего, пока стоятъ, дѣлаютъ имъ всегда, когда бы ни увидѣли, поклоны. При семъ случаѣ освящаютъ они и вожжи для привязыванія жеребенковъ и шеляшъ: они привѣшиваютъ ихъ въ шаковомъ намѣреніи къ разянутому канату, къ коему прикрѣпляютъ свиныя перья и моливіенные значки. *Якутскіе* и другихъ народовъ праздники сямъ подобны.

Случайныя жертвоприношенія болѣе ошѣины. О питаніи и окуриваніи идиоловъ сказано уже выше. *Курилцы* послѣ всякаго звѣринаго промысла приносятъ въ жертву шкуру съ первоубитаго звѣря и вѣшаютъ ее передъ юрною. *Камгадалы* при нещастіяхъ кидаютъ въ огонь по нѣскольку кусковъ рыбы. *Коряки* взощкнувъ собачью или оленью голову на колѣ, обращаютъ оную къ рѣкѣ или огнедышущей горѣ, и шворяшъ у оной при спукѣ въ волшебные барабаны молитвы. *Телеуты* въ случаѣ домашнихъ нуждъ приносятъ въ жертву зайца, котораго шкуру съ головою и ногами вѣшаютъ передъ дверьми на березкѣ и часто оной поклоняются. Обыкновенныя домашнія жертвы состояшъ вообще въ шкурахъ съ ласточекъ и малыхъ животныхъ. При великихъ заботахъ приносятъ въ жертву и большихъ животныхъ съ вышеописанными праздничными обрядами, и разпяливаютъ кожи передъ хижинами; по чему около иныхъ шочно такъ, какъ на живодерныхъ мѣстахъ. Въ пушешествіяхъ *приносятъ въ жертву горамъ и рѣкамъ*, черезъ

кошорыя переправляющіяся, больше ельникъ, нѣсколько кусковъ мяса, рыбы или сыръ, пучки волосъ изъ конской гривы, небольшія кожи, шубные и суконные лоскуты, и проч. Принесенное въ жертву горѣ вѣшаются на вершинѣ на дерево, которое *Тунгузы* называютъ *Налакитомъ*. Огню при всякомъ случаѣ приносятъ такія же малыя жертвы, равно сало или кровь, кошорую въ огонь бросають. У *локкойниковъ* приносятъ въ жертву обыкновенно большую живешину, какъ ихъ приданое, дабы души ихъ могли пользоваться духами животныхъ; но же самое дѣлають они обыкновенно и на нѣкоторыхъ поминкахъ, при чемъ многіе кожи принесенныхъ въ жертву животныхъ развѣшиваютъ.

Къ жертвамъ же принадлежатъ конечно и *посвященіе дворовой скотины*. Скотоводствующіе народы дѣлають сіе въ шовѣ намѣреніи, дабы предохранить спада свои отъ бѣдъ или привлечь на оныя благословіе и размноженіе. Въ первомъ случаѣ посвящаютъ они богамъ нѣкоторыхъ животныхъ, а особливо жеребцовъ и быковъ навсегда, въ послѣднемъ же и все спадо на одинъ или и на нѣсколько мѣсяцовъ. Они вѣряють, что богъ звѣрей и животныхъ для охраненія ихъ отъ бѣдъ вѣдаять ночью верхомъ на посвященныхъ имъ скотинахъ; и при шовѣ ушверждаютъ, что часто видяють ихъ по ушрамъ въ пошу. Въ разсужденіи жеребцовъ исполняется ихъ намѣреніе, по тому что оныя въ необузданномъ своемъ состояніи защищаютъ и непосвященныхъ кобылицъ отъ хищныхъ звѣрей, и въ нѣгѣ становящяся еще бодрѣе. На посвященную лошадь отнюдь не должно класать подержаного сѣдла, не садящяся на нее женщины, не продавать оной и не убивать. Хозяинъ посвященнаго богамъ спада можеть свободно онымъ пользоваться, но не долженъ такъ же въ продолженіе того времени, на которое оно богамъ посвящено, ни чего ни убивать, ни продавать, ни же дарить.

Когда *Буряты* посвящаютъ лошадей, то не разбирають при шовѣ ни шерсти, ни роду. Шаманъ приноситъ въ жертву у огня по немногу молока, сыру или шворогу, и молодое вино. Посвящаемую богамъ лошадь окачиваетъ онъ молокомъ. Онъ поливаетъ повершывая небольшимъ значкомъ, кошорой на огнѣ поджигаетъ и дымъ пускаетъ лошади въ ноздри. По немногу волосу изъ гривы и хвоста кидаетъ въ южную сторону и привязываетъ къ гривѣ красной лоскутъ. На послѣдокъ ставитъ онъ лошади на спину молодую чашу и пускаетъ ее въ снѣдь. По паденію чаши узнаетъ онъ,

угодна ли или прощивна богамъ сія живая жертва. *Стелные Тулгузы* послунаютьъ съ своими божьими лошадыи (Ганганъ) совершенно сходно, а *Телеуцы* со своими (Іекъ) почи шакъ же. *Калицы* окуриваютьъ при семъ случаѣ живопныхъ ирвенемъ.

При праздничныхъ и другихъ *моленіяхъ* оказываютьъ къ божкамъ спрахъ, а ошъ часши и благоговѣіе. Всѣ ихъ *молитвы* ошривисшы, и у просшаго челоука состоятьъ единственно во вздохъ ошносящихъ къ его нуждамъ и желаніямъ. Творя молишвы спановаяшя лицомъ къ солнцу, горамъ, рѣкамъ, идоламъ или къ поставленнымъ жертвамъ. Моленія свои обращаютьъ они прямо къ извѣстнымъ имъ именно божествамъ, сашанамъ и святымъ совокупно, ошъ часши черезъ перебивку ихъ именъ, а ошъ часши и умышленно, или и всѣхъ вмѣстѣ призываютьъ. На примѣръ: *Богъ*, имя рекъ, или *боги и святые! надѣлите меня* или моихъ домоведцовъ *здоровьемъ, размноженіемъ скота, удачнымъ звѣринымъ промысломъ*, и проч. Когда приносятьъ жертву, шо просятъ о воздаяніи. *Боги!* и проч. *жертву сію приношу вамъ!* или *пишаю васъ* оною; *надѣлите и вы меня взаимно дѣтми, скотомъ, долгоденствіемъ, отворотите смерть отъ моей жены, дѣтей, меня* и проч. Смерсныхъ спраховъ сіи холоднокровные просшаки ни какъ еноситъ не могутъ, и для отвращенія смерти готовы все сдѣлать. Боговъ укоряютьъ, поламывая у себя руки, а иногда и безчинно: *гемъ я васъ огорчилъ, боги! сатаны!* (Шайшаны) *святые! то вы меня съ земли лохищаете? въ гемъ согрѣшилъ мой мужъ, жена, дитя, пріятель* и проч. *то вы его умерщвлете, то предаете ихъ богамъ преисподней* и проч. Въ случаѣ же нещастій ропшуть такъ: *въ гемъ я провинился, то скотницу мою терзають хищные звѣри, то стрѣлы мои не лоражають звѣрей*. Шаманы имѣютьъ нѣкошорыя при жертвоприношеніи и въ праздники чшаемая порядочныя молишвы, кошорыя они единственно по обстоятельству перемѣняютьъ. Они содержатъ въ себѣ призыванія боговъ и святыхъ, также закланія, угрозы и обѣщы сашанамъ; при чемъ однакожъ перепутываютьъ они имена, понятія и самыя дѣла. Главнѣйшая и. п. Телеуцкая молишва гласитъ въ переводъ такъ: *Боже! Царю небу* (Кудай Кайра Камъ)! *воззри на нашу жертву! соблюди Императрицу! даруй намъ здравіе, долгоденствіе, дѣтей, скотъ, хлѣбъ и щастіе*. Молишвы *Шаманскія* у *Тулгузъ, Бурятъ*, и проч. походятъ на наши екшенія. Молишвы свои они выпѣваютьъ, называютьъ помянно одно божество за другимъ, и просятъ у каждаго шото,

что отъ него зависить, какъ на примѣрѣ у солнца ведра, у бога женъ дѣшей, у бога звѣрей дичины, и шакъ далѣе, а у святыхъ или умершихъ Шамановъ предшательства. И они перешивають многократно боговъ, бѣсовъ, святыхъ, могущество ихъ и дѣла. Шаманы пробивъ въ барабанъ, чемъ дунають они возбудишь въ богахъ и проч. вниманіе и ихъ созавъ виѣснѣ, поюшь у жершеннаго огня слѣдующее: *Боже! даруй здравіе! не лолусти звѣрляд меня разтерзати, предохрани меня отъ ладенія съ горы, отъ лотолленія въ водѣ! надѣли дѣтляни, скотомъ, дятлю, рыбама!* (и другими надобностями, которыя у всѣхъ въ разсужденіи простаго и единообразнаго житія почши одинаковы). *Мы приносимъ тебѣ въ жертву оленя, птицу, рыбу, поставляемъ тебѣ идола* и проч. Міряне провозглашають на всякомъ отрывѣ рѣчи попеременно: *услыши!* (Го!) *услыши насъ!* (Гегеа!) *лмогом!* *чмилоссердись!* что они часпо по два и по три раза восклицаютъ. Шаманы называютъ на послѣдокъ шолько боговъ и святыхъ пониянно, и не прерывають возглашенія народа: *услыши, умилоссердись, пособи!*

Похожія на волшебство дѣла идолослужителей, которыя предпринимають они собственно для укрощенія идоловъ, и почитая ихъ не меньше нужными, какъ и приносимыя богами и святымъ моленія непосредственно производятъ ихъ послѣ молитвъ, шполь безшолоковы, а отъ части и шоль явно на обманѣ основаны, что опнюдь не досшойны той поноровки и сожалѣнія, какихъ могутъ шребовать сія язычники, при добромъ намѣреніи своего богослуженія руководствуемые незнающихъ и заблуждающихся священнослужителей нелѣпыми преданіями и собственными своими чувствами и нуждами. Поступки идолослужителей съ бѣсами глупы, безшолоковы, противны здравому расудку, обаяшелны, презрѣнія и сожалѣнія досшойны.

Сколь ни мало связи между обаяніями Шамановъ и волшебниковъ: однакожъ при почиѣшемъ разсматриваніи оныхъ оказываешся, что всѣ они одинакую имѣють цѣль. Шаманское суевѣріе присвоаетъ бѣсамъ великое могущество и власшь въ естественныхъ явленіяхъ и судьбахъ человѣческихъ, разпускаетъ злыхъ духовъ по всему свѣту, и присвоаетъ имъ способность, наблюдашь все и роду человѣческому вредить. Священнослужители и волшебники хвасашають, будшо они имѣють знакомство съ духами, будшо обходящся съ діаволами по дружески, будшо имѣють

надѣ нѣми власшь и знающѣ средство ихѣ выпрашивать., усмиряшь, а иногда и получать чрезъ нихѣ добро. Они разговаривающѣ съ ними посредствомъ бубна. Отѣ вѣрныхѣ имѣ злыхѣ духовѣ узнающѣ они причины благоволенія, гнѣва и ненависти боговѣ, способны къ ихѣ умилосердиваенію, знаніе прошедшихѣ и будущихѣ судьбѣ; получающѣ также чрезъ нихѣ извѣстія изѣ дальнихѣ мѣстѣ, могущество въ щастіи и нещастіи дѣлать великія перемѣны, дарованіе полковашь сны, предсказывать, и шакѣ далѣе. Шаманское язычество, а еще больше почтеніе къ священнослужителямѣ, утверждающе на семь заблужденіи: и по тому сіи послѣдніе какѣ неистовые обаятели, а отѣ части какѣ обманутые бродяги, почитающіе самое существо дѣла истиннымѣ, ревностно его подкрѣпляютѣ; отѣ чего проважидишѣ въ обрядахѣ волшебства нарочитая, однакожѣ не весьма важная, разность.

Подробное описаніе равныхѣ волшебныхѣ и заклинательныхѣ литростей по причинѣ очевиднаго дурачества и сходственности возбудило бы во многихѣ негодованіе, и для шого предложу здѣсь вкратцѣ шокмо то, что поважитѣ. Когда Шаманы, Камы, Хамы, и жные священнослужители, хошяшѣ узнать о чемѣ нибудь прошедшемѣ или будущемѣ отѣ Шайшановѣ, Бунисовѣ, Окодилловѣ и всего преисподняго собора духовѣ, шакже освѣдомишья о своихѣ и постороннихѣ судьбахѣ навѣдашья о причинахѣ болѣзней и нещастій, вступитѣ въ переговоры съ огорченными богами, или укрошитѣ и заклать бѣсовѣ; то производяшѣ, предпріявъ шакое дѣло, свойшвенныя сумасшедшимѣ шалости, и кажутѣ отѣ части свирѣпьющими. Надѣвъ на себя Шаянское платье и разведши огонь, куряшѣ обыкновенно съ ужасомѣ шабакѣ, часто вздрогивающѣ, и напоследокѣ всшатющѣ для созыванія злыхѣ духовѣ посредствомъ бѣенія въ волшебной бубенѣ. Они дѣлающѣ при шомѣ крайне странные скачки около огня и чрезъ оной, кривяшѣ ротѣ, разшаживающѣ руками, кричащѣ и ревушѣ безтолковщину, и зовушѣ духовѣ пошвынно; видѣшѣ и слушашѣ все сіе въ шемнотѣ при глухомѣ шукѣ въ барабанѣ и бренчаньѣ навѣшанныхѣ на Шаманское платье вещей, страшно. Спусшя съ полчася притворяютѣ они какѣ будто бы явились уже бѣсы, и какѣ будто бы они съ ними сражаются. Они спрашивающѣ, гроятѣ, просяшѣ, обѣцающѣ, наказываютѣ имѣ кое что, и шакѣ далѣе. Когда хошяшѣ узнать ихѣ отшвѣшѣ, то бросающѣ въ верхѣ барабанную колошущу, или иное что изѣ вещей, ношенныхѣ шѣмѣ, до кого отшвѣдѣ касашья бу-

дешъ, на примѣръ шапку и проч. какъ будто бы съ паденіемъ шаковой вещи получаешься и омишь, и по томъ всовываютъ голову въ бубенъ, слушаютъ со вниманіемъ, дрожатъ, воспрещивающіи и пошьютъ. Якушскіе, Чулымскіе и другіе Шаманы, предъавляютъ, будто при шаковомъ волшебномъ дѣйствіи душа ихъ различается съ шлоомъ. Разказавъ предварительно нѣкоторыя безтолковыя выдумки, падаютъ замертво на землю, по тому, что будто душа отъ шѣла ихъ отлучается, посѣщаетъ преисподнихъ божковъ въ ихъ жилищахъ, горахъ, лѣсахъ, пропащяхъ и проч. и шамъ съ ними переговариваетъ. Души путешествуяють туда на медвѣдяхъ, свиняхъ, орлахъ и другихъ животныхъ. По томъ утверждають все, что видѣли злыхъ духовъ во образѣ медвѣдей, львовъ, совъ, орловъ, лебедей, жуковъ, пауковъ, и проч. какъ будто бы свѣтъ какой или шѣнь. *Отвѣты* даваемые ими, бывають, смотря по вопросамъ, прорицаніямъ, преисполненнымъ въ прочемъ прикрасами и сомнѣніямъ; по чему почти всегда сбываются: часто болтають они много и о соспоянтіи отсутствующихъ или о будущей людей участи. Не лвая бы и ожидашь ошъ шoliko непросвѣщенныхъ людей споль замысловатыхъ толкованій, какія они подають часто не думавши и не взявши хорошенько въ шolkъ вопроса.

Кромъ сего вышшаго волшебства естъ у всѣхъ язычниковъ еще и простое колдовство, производимое священнослужителями, а иногда и простолюдимами, и сходное съ чародѣйствами Киргизскихъ мѣсяцословщиковъ, Цыганъ и нашихъ карпочныхъ и кофейныхъ предсказательницъ. *Красноярскіе волшебники* (Едачи) и многіе другіе бросаютъ въ огонь овечью лопатку, и узнають по шрещинамъ и пятинамъ, какія на ней окажутся, какъ будто бы на письмѣ, что было и будетъ съ каждымъ вопрошающимъ. *Тунгузскіи* и другимъ предсказателямъ изиваніе пущенной стрѣлы или шрясеніе шарпанутой пеплвы служить ошвѣтомъ на всѣ вопросы на удобопонятномъ языкѣ. *Телеуцкіе*, *Залыскіе* и *Аблицкіе* мудрецы все уразумѣвають по шѣмъ изображеніямъ волшебнаго барабана, на кошорыя лягутъ сорокъ брошенныхъ въ верхъ палочекъ. *Якутскіе* Аюны вручаютъ шому, кто хочетъ знать будущую свою судьбу, монету или перспень, и узнають по шомъ по рукъ върущаго все совершенно явственно. Для возбужденія *вѣтру*, привѣиваютъ они пузырьной камень какого ни естъ животноаго виѣшъ съ палочкою и конскимъ волосомъ къ дереву, и говоряшь при шомъ съ несомнѣнною надеждою: *я отрицаюсь отъ отца и отъ матери, дабы видѣть твою силу*; не упоминая о многихъ другихъ безуміяхъ.

При всей шенинотѣ и несройности Шаманскаго язычества, а особливо толкованія о богахъ, не лзя не признашь въ немъ общихъ *лонятій естественной вѣры*, и нѣкоторыхъ обрядовъ изъ *Моисеева* закона; жертвенные огни, жертвоприношенія и постановленія жершвъ, моленія, миѣнія о оскверненіяхъ женъ чрезъ естественныя перемѣны, и много другаго, взято конечно изъ Иудейскаго Закона. Просвѣщенію ихъ противуборствуетъ во первыхъ то, что всѣ ихъ понятія относятся къ чувственнымъ предметамъ, а во вторыхъ ихъ обстоятельства, и соотвѣстственное ихъ пустынямъ суровое, ошъ части и бѣдное, житіе, которое совсемъ препятствуетъ обучашъ дѣшей и порядочно воспитывашъ. По разрушеніи же таковыхъ препятствій, можно бы сихъ, по большой части добрыхъ, народовъ, чуждающихся предразсужденій и ненависти относительно къ иновѣрцамъ, легко возбудить удобопонятными поученіями и добрыми примѣрами къ отверженію своихъ суемыслій и къ приняшю основаннаго на благоразуміи Богослуженія.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ.

